

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2023

ТОМ 8 № 3

Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Петров-Водкин. Картина «Всадник». 1935 г.

© РАНХиГС, 2023

Содержание

Теория

- Гордон А.В.* Феномен протеста в крестьянских культурах 6
Рогозин Д.М. Крестьянский сын Антон Большаков (1887–1941):
научный некролог расстрелянного историка,
социолога и краеведа 27

История

- Шатовалов С.Н.* Переселение крестьян на северо-восточный
берег Черного моря в 1830–1850-е годы: водворение
и землепользование 46
Безгин В.Б. Крестьянские дети и подростки в аграрных
выступлениях 1905–1907 годов 63
Михаленко Н.В. Дача на Николиной Горе:
случай А.В. Чаянова 78

Современность

- Shagaida N.I., Ternovsky D.S., Trotsuk I.V.* Russia's ways to
ensure food security (control food prices) in 2020–2022, and their
impact on consumers. 87
Федотова Г.В., Новиков М.В., Джанчаров Т.М. Генезис
органического сельского хозяйства: мировой опыт и прогнозы
для России 113
Архипова М.Н. Модели управления жителей севернорусской
деревни в постперестроечный период. 129
Самбурова С.А., Алексеев А.И. Постсоветский райцентр:
урбанизация или рурализация? 144

Рецензии

- Merl S.* Foundations of the 'agricultural miracle'
in communist Hungary 185
Никулин А.М., Никулина Е. С. Человек в поисках
экосообществ 190

Научная жизнь

- Полещук И.К.* Продовольствие и безопасность. 196

Russian peasant studies

Vol. 8. 2023. No 3

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Gordon A.V.* The phenomenon of protest in peasant culture 6
Rogozin D.M. Peasant son Anton Bolshakov (1887–1941): A scientific
obituary of the executed historian, sociologist and local historian 27

HISTORY

- Shapovalov S.N.* Peasant resettlement to the North-Eastern coast
of the Black Sea in the 1830s–1850s: Settlement and land use 46
Bezgin V.B. Peasant children and adolescents in the agrarian protests
of 1905–1907. 63
Mikhailenko N.V. Dacha on Nikolina Gora: The case of
A.V. Chayanov 78

THE PRESENT TIME

- Shagaida N.I., Ternovsky D.S., Trotsuk I.V.* Russia’s ways to ensure
food security (control food prices) in 2020–2022, and their impact
on consumers 87
Fedotova G.V., Novikov M.V., Dzhancharov T.M. Genesis of organic
farming: World experience and Russia’s perspectives 113
Arkipova M.N. Management models of the northern Russian village
in the post-*perestroika* period 129
Samburova S.A., Alekseev A.I. Post-Soviet regional center: Urbanization
or ruralization? 144

REVIEWS

- Merl S.* Foundations of the ‘agricultural miracle’ in communist Hungary . . . 185
Nikulin A.M., Nikulina E.S. Man in search of eco-community 190

SCIENTIFIC LIFE

- Poleshchuk I.K.* Food and security. 196

Феномен протеста в крестьянских культурах

А. В. Гордон

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается явление протеста как форма жизнедеятельности крестьян в докапиталистических классовых обществах, не находящая адекватного истолкования в популярных подходах, где делается упор на антагонистичной природе этих обществ и игнорируются возможности сбалансирования противоречий в контексте социального взаимодействия субъектов и где, абсолютизируя фактор жестокой эксплуатации крестьян, оставляют без внимания эффективность и значимость их сопротивления. Особенность явления крестьянского протеста обуславливается природой крестьянства как социальной общности, находящейся в отношениях автономности и зависимости от макросоциальной среды («часть-общество, часть-культура», по формулировке А. Кребера–Р. Редфилда). Совмещение отношений автономности-зависимости уходит корнями в глубокую древность, отчетливо проявляясь уже в мировосприятии земледельческих социумов первобытности. Антропологи обращают внимание на магические связи с могущественными внешними силами, благосклонность которых достигается жертвоприношением определенной части производимого крестьянами продукта. Мифологема своеобразного баланса услуг по древнейшему принципу *do ut des* сохраняется в патриархальном мировосприятии в классовых обществах, притом что сам баланс поддерживается повседневными видами сопротивления крестьян чрезмерному изъятию своего продукта, как и отпором грубым притеснениям личного характера. Такое сопротивление, концептуализованное Дж. Скоттом в понятии «оружие слабых», подразумевало саботирование господских распоряжений, их несвоевременное и ненадлежащее исполнение, утаивание вещей или попустительство порче хозяйского имущества. Открытое выступление, бунт в таком контексте означал исчерпание потенциала ненасильственного сопротивления. Участники добивались восстановления справедливого, с их точки зрения, порядка в отношениях с господами, прибегая к крайним видам неповиновения: от распашки господской земли и порубки леса до прямых проявлений вандализма и мародерства, включая расхищение господского имущества, поджог усадеб, издевательство или даже убийство господ и тех, кто в глазах крестьян представлял ненавистный им порядок. Высшие формы традиционного социального протеста, именуемые крестьянскими войнами, оборачивались опустошением целых областей и многочисленными человеческими жертвами. Притом, оставаясь во власти традиционного мировосприятия, в своем стремлении к замене утратившего в их глазах легитимность правителя крестьяне не добивались упразднения социальной иерархии. Во главе угла оставалось восстановление автономности общинных порядков и прав хозяйствования на земле. Крестьянская революционность возникает с разрушением традиционного мировосприятия, которое подрывалось внедрением извне эгалитаристских, социалистических, анархистских идеологем.

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-6-26

За десятилетие до Октября 1917 года основатель Советского государства давал крестьянам России установку на революцию, которую он называл «крестьянской»: «смести до основания» существующий порядок — Церковь, класс помещиков, «полицейски-классовое государство» и уничтожить «все старые формы и распорядки землевладения». Сетовал, что в 1905 году лишь «меньшая часть крестьянства действительно боролась» и лишь «совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов (курсив мой. — А. Г.)» (Ленин, 1968: 211). Вождь победившей в 1917 году партии оказался провидцем: в условиях, как гласил победоносный лозунг, «превращения империалистической войны в гражданскую» выступление крестьян приняло «действительно» истребительный характер по отношению к своим врагам, притом что врагами оказывались не только те, кто претендовал на обретенную землю, но в какой-то момент и все претендовавшие на произведенный ими продукт, включая большевистских комиссаров и комбедовцев.

Однако может быть, для крестьянства как социальной общности типичней было взаимодействие с существующим порядком, а не уничтожение его «до основания»? Во всяком случае, Ильич прозревал и такую ситуационную возможность, ибо на его глазах в Революции 1905 года преобладающая часть крестьян «плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала “ходателей” — совсем в духе Льва Николаича Толстого!» (Там же).

«Уничтожительная», в смысле истребления «господского семени» тенденция прослеживается в крестьянской истории, пример чему широкомасштабные гражданские войны. Но то была кульминация насилия в тысячелетнем существовании крестьянской общности! В исторической традиции различных стран и мировой исторической науке они запечатлелись именно в силу исключительности. Как справедливо заметил П. А. Кропоткин, «почти все исторические документы... имеют дело с нарушениями мира, а не с самим миром». Нужно, писал автор «биосоциологического закона взаимной помощи», обобщавшего значение в историческом прогрессе солидаристских отношений, «восстановить действительное отношение между борьбой и единением», для чего воссоздать те институты, которые соединяли членов общества¹. Как ни парадоксально

1. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. URL: https://biblioteka-online.info/book/vzaimnaya-pomoshch-sredi-zhivotnykh-i-lyudey-kak-dvigatel-progressa/reader/37/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 15.08.2023)

это звучит, борьба выступала одним из таких институтов, но, разумеется, в определенной своей разновидности. Коротко, мы имеем дело с тем, что исключало смертельную схватку с уничтожением одной из сторон и ликвидацией существовавшего порядка общественной жизни.

Такой тип борьбы проницательно заметил один из апостолов классового подхода... и с презрением отверг. Молиться, мечтать, обращаться к сильным мирам сего, Ильич был прав, — типологическая черта традиционного крестьянского протеста. Можно ли считать, что такая борьба была в «духе Льва Николаевича»? Не думаю, если трактовать сей «дух» буквально как проповедь непротivления. Адекватней видится *сатьяграха* Махатмы Ганди, концепция ненасильственного сопротивления, ярко выражавшаяся в кампаниях гражданского неповиновения под его руководством.

Именно ненасильственное сопротивление оказывается квинтэссенцией сохранения крестьянства как социальной общности в традиционных классовых обществах, и такая форма протеста в наибольшей мере, думаю, выражает названный «дух» крестьянства, соответствуя его традиционному мировосприятию. Преобладающие равно в марксистской, как и немарксистской литературе подходы представляют крестьянское сознание объектом генерированных извне культурных изменений, что в конечном счете делает излишним само существование крестьяноведения как специального направления исследований. Признавая влияние письменной, литературной и религиозной «большой традиции» на фольклорно-ритуальную «малую» (Redfield, 1956; Великий незнакомец, 1992), следует подчеркнуть, что крестьянское сознание развивалось по своим законам, вследствие чего новое не вытесняло старое, а сосуществовало с ним. Более того, старое, пробиваясь в новых модернизированных формах, придавало им совершенно невообразимый вид, когда, по Максимилиану Волошину, «новизны рыгают стариною» и, «вопреки бичам идеологий, колёса вязнут в старой колее». Такой ярчайший случай выброса архаики, описанный Борисом Пильняком и Андреем Платоновым, Исааком Бабелем и Лидией Сейфуллиной, произошел в Русской революции.

Между тем невообразимой архаизация революционного выступления масс была лишь с прогрессистской точки зрения поступательной прямолинейной модернизации, которая выявляется в полной мере в большевистских схемах социального переустройства, внедрение которых и способствовало разгулу революционной стихии. Не зря выдающийся пропагандист и теоретик социальной революции Кропоткин, став очевидцем событий, последовавших за Октябрем 1917 года, уподобил происходившую революцию природной катастрофе: «Она творит ужасы. Она разоряет всю страну. Она в своём бешеном остервенении истребляет людей: поэтому она и есть революция, а не мирный прогресс, что она ломает не глядя, что она губит и куда идёт» (Кропоткин, 1992: 198–199).

Подобно стихийным бедствиям, социальные катаклизмы, голод, эпидемии реанимируют те представления (заодно с соответствующими им практиками), которые самым ходом истории отодвигались на задний план, сохраняясь в виде «следа» архаического мировосприятия. Чувствуя себя археологом, можно представить, как вследствие некоего геологического воздействия — обвала, осыпания, размывания — на поверхности земли оказывается глубочайший культурный слой. Следует только добавить, что в своей истории крестьянская культура выступает не просто объектом подобного «тектонического» воздействия, но субъектом «самораскопок», выдавая на-гора свои древнейшие артефакты.

«Крестьяне, которые годами вели партизанскую борьбу, вновь страшились призраков», столкнувшись с социальными бедствиями, последовавшими за победоносной Войной сопротивления во Вьетнаме, заметил глубоко посвященный в ее ход автор (Nguyen Nghe, 1963: 27–28). Франц Фанон, участник национально-освободительной войны в Алжире, описывает частокол призраков, которым была окружена жизнь феллахов в колониальном обществе. Колониальные порядки реанимировали «атмосферу мифа и магии», которая, утрашая индивида, укореняла его в традициях страны. И в этой атмосфере утверждалась вечность и незыблемость его мира, остающегося неуязвимым для колониального господства (Fanon, 1961: 42–43).

Архаический культурный слой оказывался архетипичным в образах и картинах современного мира, мистика претворялась в практиках новейшего времени, магические коммуникации со сверхъестественными существами накладывались на отношения с социальными субъектами. В самой архетипичности проглядывает сложность этих отношений. Космос традиционного или «патриархального», в марксистских терминах, крестьянства вовсе не походил на блаженную Аркадию или «лад» российской «деревенской прозы», как не походил на воспроизводимый популярными классовыми теориями ад социальных антагонизмов и взаимной озлобленности исторических субъектов.

Вселенная архаического мировосприятия была населена многообразными благодатными или вредоносными субстанциями, и при взаимообратимости их благодатности и вредоносности от крестьянина требовалась сугубая предусмотрительность, запечатленная в фольклоре и сохранившаяся в народном сознании многообразными приметами, говоря современным языком, «на все случаи жизни». Эти приметы — один из следов определенного ритуализованного поведения. То, что просвещенное сознание окрестило крестьянскими «предрассудками», становилось духовной опорой в условиях традиционного земледелия, которое в той или иной степени было рискованным для всех аграрных обществ. Извечная зависимость земледельцев от внешней и зачастую неблагоприятной природной среды находила разнообразное выражение в мифологических картинах мира и магических практиках.

Фундаментальная связь земли и воды отложилась в различных крестьянских культурах изрядно разработанным в мифологическом сознании серпентарием. При этом змеи могли символизировать благодатность, и тогда поклонение им становилось элементом культа плодородия (подобно *нагам* в Южной Азии) или даже ядром культа правителя, символизируя всемогущество власти образом Дракона в китайской традиции. Полисемантически фигурировал в древнерусской культуре образ Змея Горыныча. Своим многоглавием он символизировал бесконечную борьбу с враждебным окружением, а его нескончаемые поборы оказывались калькой социальных притеснений. Многозначно и сказочное появление культурного героя, одолевавшего Змея, который, что называется, хватил лишнего в своих притязаниях.

Довольно прозрачно в крестьянской обрядовости выступает мифологема дележа благ с внешними силами. Во французской деревне, по наблюдениям XIX века, ее житель, приступая к севу, подбрасывал первую горсть семян в воздух птицам, вторую горсть в окрестный кустарник для грызунов, таким способом принося ритуальную дань тем, кто представлял опасность для урожая с его поля (Weber, 1976). Так в магическом виде легитимировалось крестьянским сознанием асимметричное взаимодействие с внешними силами. Трансформировавшийся в иерархических отношениях господства и подчинения «стереотип асимметричности» сохранял исходный образ обмена благами и услугами.

В традиционных обществах, сохранивших с архаической поры значение кровнородственных связей, отношения господства и подчинения обретали флер патриархальности. Обычно в леворадикальных и марксистских исследованиях последняя интерпретировалась в контексте идеологического подчинения крестьянства морали господствующего класса. В реальности обнаруживаются, однако, две морали патриархальности, как замечательно показал один из идеологов крестьянской реформы в России Ю. Ф. Самарин: «С чужого голоса научились и они (крестьяне. — А. Г.) повторять “Вы — наши отцы, мы — ваши дети”, и про себя прибавляют “Мы все твои, а все твоё наше”» (Самарин, 1878: 23).

Чувствуя подспудную настроенность крестьян, помещик, по Самарину, внушал им: «Земля моя, не ваша, мое добро для вас чужое; я вам отвел участок из моей земли» (Там же). Крестьяне с этим не соглашались, и свое право на землю выражали, как писал А. И. Герцен, «по-видимому, бессмысленной поговоркой “Мы господские, а земля наша”» (Герцен, 1974: 505). И смысл ее они выразили вполне «черным переделом» помещичьей земли в Революции 1917 года. Можно, видимо, говорить о двойной морали или о различии между «подчинением» и «повиновением» (Никулин, 2003).

Крестьянин подчинялся воле господина, но трактовал ее, как ему было удобнее по ситуации, на классический манер денщика Швейка у Ярослава Гашека. Обратимся еще раз к Самарину: «Умный

крестьянин в присутствии своего господина притворяется дураком, правдивый бессовестно лжет ему прямо в глаза, честный обкрадывает его, и все трое называют его своим отцом» (Самарин, 1878: 28). Подобное поведение — от симуляции непонимания и нарочитой медлительности в исполнении господской воли или небрежения в отношении сохранности господского добра до воровства и намеренной порчи имущества — было обобщено Дж. Скоттом в концепции «повседневных форм крестьянского сопротивления», что вошла в мировую науку под названием «оружия слабых» (Scott, 1984).

Дискуссия об «оружии слабых» венчала подъем крестьянских исследований (peasant studies) в мировой науке, а в начале этого подъема их родоначальник Теодор Шанин, размышляя о крестьянском сопротивлении, констатировал крестьянскую силу: монополию в производстве продовольствия, «территориальную разбросанность» и многочисленность, уравновешивавшую в известной мере монополию вооруженности со стороны противника (Shanin, 1987: 359).

Крестьянское сопротивление поддерживалось притом особенностями «большой» традиции, культуры господствующего класса. Действуя подобно бумерангу, идеологема патриархальности накладывала обязательства на господ. Сформировался этический принцип «положение обязывает», который во французском оригинале означает именно обязательства дворянского сословия (*le noblesse oblige*), а в более широком значении — моральный долг сильных мира сего оказывать поддержку и помощь в случае необходимости тем, кто от них зависел. В таком виде данный принцип стал ядром «моральной экономики», широко описанной в мировой литературе (и концептуализированной в XX веке в мировой науке от Томпсона до Скотта).

Нарушение этого принципа, происходившее обычно с наращиванием поборов, становилось сигналом к неповиновению, а то и к прямому возмущению крестьян. Дж. Скотт в концепции «моральной экономики» делает упор на угрозу для жизни, которую сулило нараставшее изъятие крестьянского продукта. Между тем вопрос заслуживает более широкой постановки. Затрагивалось не просто физиологическое существование крестьян, а сохранение их образа жизни с соответствующим уровнем потребления различных экономических и социальных благ. Как показал другой социантрополог Б. Керквлит, работавший в парадигме «моральной экономики» в филиппинской деревне, это «право жить как люди, а не животные», что предполагает иметь достаточно средств, чтобы «не пресмыкаться и попрошайничать» и «не рыскать ежедневно в поисках пищи». Это право на праздники и «право питать некоторые надежды, что кто-нибудь из детей будет жить лучше» (*Everyday forms*, 1986: 119).

В аграрно-исторической догматике упор делался на эксплуатации сельскохозяйственных производителей, понимаемой как не-

соразмерное изъятие материального продукта. Между тем немалое значение в феномене крестьянского протеста имело угнетение, выраженное нарастанием притеснений нематериального свойства. Различные издевательства, унижающие личное достоинство, «традиционные» физические наказания, порка, превращавшаяся в подлинную экзекуцию, как с изумлением заметил просвещенный аббат Шапп д'Отерош, посетивший Россию в канун воцарения Екатерины II. Сама несоразмерность наказаний провинностям отчетливо свидетельствовала об их, так сказать, профилактическом характере. Целью подобных истязаний было, запугав крестьян, добиться их повиновения, «дабы обеспечить себе их покорность», что, в свою очередь, как предположил проникательный визитер, свидетельствовало о возможности крестьянского возмущения и страхе господ перед подданными, пожелавшими свести с ними счеты (Шапп д'Отерош, 2005: 177). До крупнейшей в истории России крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева оставалось, заметим, чуть больше 10 лет.

Среди нарушений нормализованного отношения между крестьянами и господами выделялись посягательства на личное достоинство сексуального характера. Общим, видимо, правилом было обслуживание господской семьи дворовыми девушками: красноречиво описана в русской классической литературе их роль во взрослении дворянских отпрысков. Написано и о барских «гаремах», и о том, как ставший популярным у богатых помещиков в царствование Екатерины II крепостной театр превращался в значное место для утех дворянской округи. Однако господские поползновения за пределы усадьбы чем дальше в крестьянской истории, тем яростней встречали отпор. И когда барин домогался «первой ночи» и был слишком ретив на «гвоздь чужие вешать шляпы», его могла ждать расправа, как подмечено в этом стихотворении Н. А. Некрасова.

Отпор в подобных индивидуальных случаях носил импульсивный характер, как и в случаях оскорбления должностных лиц, униживших личное достоинство крестьянина (Вересова, 2015: 82–89). Когда выступление затрагивало социальную общность в образе ее «локализованного микрокосма» (К. Маркс) деревенской общины, вспышка ярости предшествовал, так сказать, подготовительный период. Вопреки убежденности великого русского бунтаря М. А. Бакунина, что народ в силу отчаянности своего положения всегда готов подняться против власти, бунт не возникал на ровном месте. Ему предшествовала по меньшей мере некая пора крестьянского терпения — та самая пора, про которую у Некрасова сказано «наши топоры лежали до поры».

Если же выйти за пределы парадигмы крестьянской истории как времени неизбежных антагонизмов и обратиться к оптике социального взаимодействия, то популярная идеологема крестьянского долготерпения окажется собственно под вопросом. Если к тому же учесть значение ненасильственного сопротивления в таком взаи-

модействии, то можно утверждать, что крестьянский бунт, прямое коллективное применение насилия становилось следствием и свидетельством исчерпания возможностей подобного сопротивления.

Израсходование этого потенциала отчетливо выражалось языком невербальной коммуникации. И социальное господство, как отчетливо показали историко-антропологические исследования «школы Анналов» и ее последователей, утверждалось порой ненасильственными средствами с разветвленной ритуализацией повинения, начиная с соответствующих речевых оборотов, демонстрирующих почтение к господам и самоуничтожение перед ними, и кончая всем необозримым пространством невербальной коммуникации — разнообразных телодвижений, поз, жестов, мимики.

О нарастании крестьянского недовольства свидетельствовало нарушение установленного ритуала поведения: крестьяне медлили с поклонами, не кланялись до земли и т.п. А за спиной господина встречи сопровождалась передразниванием, неприличными жестами, сплевыванием вдогонку и т.п. Язык подобной невербальной коммуникации крестьян был хорошо знаком противоположной стороне. Когда помещики замечали, что крестьяне старательно избегают глядеть в лицо, они и без физиогномики прочувствовали напряженность положения. В мемуарной литературе о предреволюционной ситуации в российской деревне обращает на себя внимание стереотип таких «косых взглядов», как вызывавший сугубую настороженность господского класса и становившийся одним из мотивов бегства в города еще до революционных событий 1905 или 1917 годов.

Есть соблазн и притом существует немало оснований рассматривать традиционный крестьянский бунт как продолжение невербальной коммуникации. Из глубокого прошлого заимствовались разнообразные способы, которыми участники выражали свое неприятие нарушений в установленном «испокон веку» порядке. Отчетлив был демонстративный пафос такого неприятия. Архетипически воспроизводилось аграрно-календарное действие, уходящее поистине во тьму веков как универсальное явление бытия земледельческих обществ (Календарные обычаи, 1983). В действе надлежало участвовать всем людям данного социума, не было разделения на участников и зрителей. Действо было праздником, не в смысле отдыха — наоборот, оно требовало предельной затраты физических и духовных сил. То был праздник по контрасту с буднями. Соответственно, действо выражало трансформацию обыденного распорядка жизни: уравнивание социальных статусов и инверсию ролей, освобождение от установленных регламентаций и полную раскованность поведения (Гордон, 1989: 36–69).

В бунте архаический механизм раскручивался многообразными проявлениями «праздника непослушания» господам и, соответственно, отказом от всей стратегии ненасильственного сопротивления. Творя всеми имеющимися средствами и привычными

способами первобытный хаос, крестьяне, как ни парадоксально, стремились воссоздать сложившийся уклад жизни. Пренебрегая риском, вступая в схватку с превосходящими силами противника, даже посредством личного самопожертвования участники бунта красноречиво указывали власть имущим на свою человеческую полноценность. Исследователи усматривают здесь протест против классовой приниженности: выражение в бунте «негативного классового сознания» крестьянства, по словам индийского социолога Ранаджита Гухи (Guha, 1983). Можно увидеть заложенный архетипическим празднеством более глубокий антропологический смысл. «Человек возвращался к себе самому и чувствовал себя человеком среди людей», — как писал, характеризуя средневековый карнавал, выдающийся отечественный культуролог (Бахтин, 1965: 13).

Даже в своих предельных формах крестьянский протест оказывался направлен не к свержению порядка, а к его восстановлению. Имели ли в таком случае смысл великие крестьянские войны и можно ли их считать крестьянскими, или больше им подходит определение «гражданские войны», даже при массовом участии крестьян? В историографии нет на этот вопрос однозначного ответа (Гордон, 1984).

Почему автор популярной сентенции о «бессмысленности и беспощадности», обладавший к тому же развитым историческим сознанием, не увидел смысла в той крестьянской войне, картины которой он гениально воспроизводил? Если коротко, то сознание было просвещенческим, в свете которого не было смысла в кровопролитной жестокости, проявленной восставшими ради замены одного правителя другим, в данном случае узурпаторши престола Екатерины «подлинным» царем Петром Федоровичем. Просвещенческое осмысление крестьянского протеста в его высших формах было доведено до крайностей догматики в марксистской литературе.

В обширной советской историографии крестьянских войн в России выделялись три: под предводительством Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева. В системе ценностей классического подхода они занимали место выше бунта, но ниже революции (Крестьянские войны, 1966). Первое понятие виделось дискредитирующим, второе спорным. Притом концы с концами не сходились. Советские историки соглашались относительно антифеодального характера борьбы: «Самое главное, что отличает крестьянскую войну от всяких других форм проявления классовой борьбы крестьянства, заключается в том, что она ставит вопрос о ликвидации крепостнической системы в общегосударственном масштабе, иными словами, *вопрос о власти* (курсив мой. — А. Г.)». И, выражая установившийся консенсус, В. В. Мавродин писал: «Вряд ли кто-нибудь будет сомневаться в том, что и Болотников, и Разин, и Пугачев стремились к свержению существовавшего феодального строя» (Мавродин, 1961: 45).

Казалось бы, ясно: смена строя, «формации» в марксистской классике считалась социальной революцией. Неувязка получалась с борьбой за власть. Антифеодальной революции полагалось утверждение республиканской формы правления, а не смещение «плохого царя» и его боярско-дворянского окружения с тем, чтобы самим стать у власти». Выходило, что крестьяне боролись «за самодержавие», хотя и «во главе со своим “хорошим”, “мужицким” царем». И это признается закономерным как «типичное проявление крестьянского, “наивного монархизма”, основой которого являлись патриархальные устои русской деревни», — заключал выдающийся советский историк свое нелегкое обобщение (Там же).

Через всю советскую историографию крестьянских войн проходит постулат, что крестьянство ненадлежащим образом боролось за власть и, говоря словами Ленина, «стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения» (Ленин, 1968: 211).

И последователи Ленина времен вульгарного марксизма усердно акцентировали дефекты в крестьянском «воспитании», а именно — отсутствие классового сознания. В подобной оптике все выглядело логичным: «прошлый» строй (самодержавно-крепостнический) был эксплуататорским, крестьяне как объект эксплуатации должны были стремиться к его «насильственному свержению». Чего не хватало? Руководства! Лучше всего — пролетариата с его партией. Или, по крайней мере, буржуазии, разумеется, чтобы она не «предавала», как при Жакерии во Франции или Крестьянской войне в Германии.

Между тем замещение «злого» и потому «ненастоящего» правителя «добрым» и «настоящим» можно считать историческим смыслом крестьянских выступлений, поскольку в патриархальном сознании «настоящий» правитель просто не мог причинять страдания и бедствия своему народу. Самым выпуклым образом это выявляется в крестьянских войнах в Поднебесной. Правитель, император в китайской традиции, подобно любой другой, становился предметом обожествления. Ему полагалось обладание мандатом Неба во имя процветания страны и благополучия народа. Однако если происходили катастрофические стихийные бедствия или социальные междуусобицы, такое нарушение установленного порядка воспринималось как утрата правителем небесного мандата, что легитимировало в традиционных представлениях его свержение. И классические крестьянские войны в Китае завершались подобным исходом. Свергался незадачливый правитель, замещавшийся новым, возможно из среды повстанцев, как их вождь. Так, в XIV

веке вождь восставшего крестьянства Чжу Юаньчжан провозгласил себя императором и объявил об основании новой династии Мин, сменившей династию Юань. В XVII веке уже династия Мин была свергнута в результате крестьянской войны под руководством Ли Цзычэна.

Менялись династии, восстанавливался порядок в Поднебесной. Такова была неклассовая крестьянская диалектика, в пределах которой понятие «крестьянская революция» может относиться лишь к поздней исторической эпохе, когда под вопросом оказывается само существование этой социальной общности.

Однако то, что поведение крестьянства как общности в открытой схватке с силами порядка не требовало уничтожения этого порядка, отнюдь не означало, что крестьяне в таких боях были марионетками внешних сил, как можно прочесть в социологической литературе, где делается упор на решающей роли организационного «ядра» (сект, незаконных или полузаконных военных формирований, вооруженной вольницы) в крестьянских выступлениях. Напротив, воссоздание порядка из хаоса социальных и политических междоусобиц отвечало фундаментальным интересам крестьян, которым требовалась уверенность, что, посеяв, они смогут дождаться урожая.

Одно время даже в научной литературе было принято отождествлять стихийность крестьянских бунтов с несознательностью участников: подразумевалось при этом отсутствие у крестьян классового сознания и акцентировались вандалистские проявления «слепой» ярости (об этой тенденции см.: Буховец, 1996). Однако со временем задумались, что отсутствие классового сознания еще не означает бессознательность, а в подобной «слепоте», как и в трафаретной «бессмысленности», можно вместе со смыслом найти элементы прозрения (Янель, 1982: 88–100).

В 1960-х годах при возрождении марксоведческих исследований в связи с выходом в свет ранних сочинений К. Маркса и не без влияния «деревенской прозы» термин «стихийность» был заменен понятием спонтанности, хорошо, на мой взгляд, подчеркивающим связь особенностей бунтовщической формы протеста с природой крестьянства как социальной общности.

Спонтанность бунта вполне выражала особенности крестьянского сознания. У бунтов крестьян выявляется своя мифологическая идеология протеста. Представления о другом бытии, о контрастном по отношению к действительности времени-пространстве, вроде сказаний о «молочных реках и кисельных берегах» (Чистов, 1967), в самую недобрую пору оберегали крестьян от отчаяния. Особое место в крестьянской мифологии протеста занимали многоликие в разных культурах «благородные разбойники». Робин Гуд, «лесные братья» в средневековой Европе, скрывавшиеся в горах повстанцы эпохи династии Сун, ставшие героями основанного на народных сказаниях китайского романа «Речные заводы», действо-

вали в крестьянском представлении по единому принципу «бери у богачей — отдавай бедным».

Дж. Скотт называет подобный фольклор «познавательной структурой восстания» (Скотт, 1976: 236). И это справедливо, ибо таким образом легитимировалось эвентуальное обращение к коллективному насилию против господ при несправедном их поведении. Не случайно прототипами нередко становились реальные исторические фигуры вроде Степана Разина в России, личность и деятельность которого породили невероятно богатую мифологию. Странствуя из реальности в легенды и обратно, «благородные разбойники», как замечательно показал Эрик Хобсбаум (Hobsbawm, 1972), могли оказаться обыкновенными уголовниками, а могли возвыситься в динамике социального протеста, став ядром крестьянских бунтов и крупномасштабных выступлений (например, казачество в России).

В мифологии протеста занимает свое выдающееся место вера в «добраго царя», трансформировавшаяся под влиянием «большой» религиозной традиции в культ «спасителя» и «избавителя». При обострении социальных противоречий религиозный идеал гармоничности потустороннего мира мог пробудить у крестьян неприятие существующей действительности и желание устранить в ней несоответствие этому идеалу. Так возникали массовые движения под знаменем той или иной религии (Гордон, 1984: 67–76).

Переход от локального бунта к тому, что называют «крестьянской революцией», выражался в немалой мере в сохранении традиционных черт, как показано в историографии Русской революции. Трактую революцию 1905–1907 годов как прелюдию революции 1917 года и воспроизводя картину всеобщего крестьянского восстания, Теодор Шанин не случайно называет его «жакерией» по ставшему собирательным определению крестьянских выступлений (Шанин, 1997: 140).

В этом движении, захватившем большую территорию европейской части империи с центрами в областях Черноземья от Поволжья до Украины, впечатляет соединение общих тенденций и многообразие их проявления (Дубровский, 1956). Наиболее революционным оказывался захват помещичьих земель с изгнанием хозяев и разгромом барских усадеб, иначе говоря — «черный передел», пропагандировавшийся десятилетиями радикальной русской публицистикой как путь к социальной революции. «Бунтуйтесь против всех, кто вас грабит и правит вами», — призывал Кропоткин в газете «Хлеб и воля», буквально накануне событий 1905 года. У русского народа нет хлеба — так пусть он *силою* возьмет себе хлеб», захватив землю помещиков. С ней, уверял Кропоткин, а не с конституционными реформами придет и свобода («воля») (Анархизм, 2015: 242–243). Такой тип крестьянской борьбы считал революционным и Ленин.

Преобладали, однако, другие. «Стачно-бойкотное движение», по классификации Л. Д. Троцкого, с целью понижения арендной

платы либо повышения зарплаты или «отказ от поставки рекрут, взноса податей и уплаты долгов», на мой взгляд, укладываются в стратегию гражданского неповиновения, выдвинутую Ганди. А «захват хлеба, скота, сена и порубка леса для непосредственного удовлетворения нужд голодающей деревни» в общем соответствовали сути традиционного голодного бунта².

Типологические контрасты обнаруживаются и в формах поведения участников. Картина «черного передела» в Саратовской губернии отразилась в эмоциональных воспоминаниях хорошо информированной дочери П. А. Столыпина: «Крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадает им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель и даже скот и урожай. Почти никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары. Рубят в щепки, топчут ногами, ломают и рвут все, что... выносят из горящих домов» (Цит. по: Шанин, 1997: 161).

Губерния по многочисленным свидетельствам отличилась в «жакерии» 1905 года подлинным «крестовым походом» (Троцкий) против помещиков. Здесь проявила себя та (меньшая) часть русского крестьянства, которая, говоря словами Ленина, «действительно боролась» и даже «поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов» (Ленин, 1968: 211). Толпы погромщиков, перемещавшиеся по губернии, нередко сопровождали вооруженные люди, зарево пожаров покрывало чуть ли не всю губернию, а о паническом бегстве хозяев усадеб свидетельствовали дороги, заполненные господскими экипажами (Шанин, 1997: 160–161).

Однако была и другая картина — «справедливой дележки», воскрешающая архетип баланса благ и услуг. Так, в Самарской губернии крестьяне являлись в частновладельческие экономии и увозили оттуда только корм для скота; при этом точно подсчитывали, сколько в имении имеется собственного скота и для прокормления его отделили помещику надлежащее количество. «Действовали спокойно, без насилий, “по совести”, стараясь столковаться, чтоб не было “никакого скандала”. Хозяину поясняли, что теперь настали новые времена и жить нужно по-новому, по-божески: у кого много, тот должен давать тем, у кого ничего нет». Затем начиналась такая же «справедливая дележка» зерна. Но когда «доводы насчет “новых времен” переставали действовать, и помещик сопротивлялся, усадьбу разоряли»³.

Подобные проявления этики справедливого миропорядка в представлениях крестьян заставляют задуматься о воспроизводстве

2. Троцкий Л. Д. Мужик бунтует. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1925/our_first_revolution_part2/12.htm (дата обращения: 15.08.2023)

3. Троцкий Л. Д. Мужик бунтует. URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1925/our_first_revolution_part2/12.htm

традиционного этоса и ритуализованности поведения крестьян в условиях революционного перехода к новой, капиталистической или индустриальной формации. Закономерна постановка вопроса «бунт как ритуал» в капитальной монографии О. А. Суховой (Сухова, 2008), в пользу такой версии автор приводит многочисленные факты из истории российского крестьянства в начале XX века, оказавшегося критичным для судьбы традиционной социальной общности и самого ее существования. Немало свидетельств того времени о ритуализованности крестьянского поведения можно найти и в других крестьяноведческих трудах последних десятилетий (Безгин, 2004).

Сожжение усадеб, массово происходившее в России в 1905 и особенно в 1917 году, вряд ли поддается исчерпывающему объяснению, если исключить иррациональный с точки зрения здравого смысла и вполне рациональный в символической крестьянской логике смысл. Задумаемся: в понятии самих крестьян «времена переменялись» и кончилось время господ. Более того, был сломан стереотип поведения самих господ, разрушено восприятие мира как иерархии господства и подчинения. Немало из них признали свершившийся факт.

Нина Берберова, вспоминая последнее пребывание в тверской усадьбе, свидетельствовала, что уже во время Первой мировой войны, за несколько лет до Революции ощущалась неизбежность прихода новых хозяев. И в этом, как она замечает, было «что-то естественное». «Они придут отнять то, что им принадлежит по праву... что мы отняли у них», — сказал ей отец, хозяин усадьбы (Берберова, 1996: 95–97). Помещики стали бросать имения на произвол судьбы. И что же? Оставленное имение тоже становилось провокацией к погрому (Сухова, 2008: 333).

Поджоги помещичьих усадеб, как «война замкам» во Франции в начале Великой французской революции (Адо, 1987), становились обычно кульминацией спонтанного крестьянского выступления, отнюдь не сводимой к привычному толкованию поговорки «пустить красного петуха» как неблагоприятного дела, совершившегося исподтишка. Но если от зрительного образа птицы перейти к языческому обычаю принесения ее в жертву, в пламени усадеб можно предположить жертвенный огонь очищения, который становился свидетельством и способом возрождения духа общности, подорванного навязанным и показательным самоуничижением.

Зачем было жечь усадьбы, покинутые их хозяевами? Чтобы те не вернулись? Такое объяснение напрашивается, и крестьяне сами искали себе в нем оправдание. Да, но ведь не сходится с мужицким практицизмом. Положим, особняки крестьянам не могли пригодиться, барская мебель смотрелась бы нелепо в интерьере изб, и библиотеки для полуграмотных в массе мужиков мало что значили (Рассказова, 2010). Так ведь жгли и амбары с хлебом, и сараи с хозяйственным инвентарем, вырубались сады и парки, погибал скот.

И заметим, уничтожали в буквальном смысле всякое барское добро. Поистине, такое поведение выглядело безотчетным сведением счетов, безрассудностью акта возмездия. Но нет!

Ярость ритуализовалась магией древнего праздника. Формы социального возмездия, пишет Сухова, оказывались «проявлением языческого ритуала, необходимого для закрепления в коллективной памяти факта достижения победы над “враждебными силами”» (Сухова, 2008: 344). Ритуально требовалось общее участие, каждый должен был приложиться к тому, что уничтожается. Крайним случаем бывала растерзанная человеческая жертва, что действительно воскрешает в памяти языческий обряд.

Преобладала все же светлая сторона в ритуализованности бунтарского поведения крестьян. Крестьяне превращали бунт в праздник, который они устраивали сами и для себя. С гармоникой, разухабистыми плясками, нестройным хором и, разумеется, изобильным употреблением спиртного. Происходили и «пьяные бунты», обычно при гулянье молодежи по случаю рекрутского набора; о них особый разговор. Пили «для храбрости» перед нападением на усадьбу — также довольно типичный случай.

В массовом контексте речь следует вести о ритуальном значении выпивки, той, без чего не обходились ни семейные, ни общинные праздники. Последние, приуроченные к храмовым дням, в народных представлениях ассоциировались не только с посещением храма, но и с гулянкой, пьянством, разгулом. Погром венчала подобная, «обрядовая» (Невзоров, 1916) выпивка, единение в которой без нормативных в обыденности половозрастных различий выражало архетипическое сплочение социума.

Праздничность выходила за пределы отдельных социумов. Горящие усадьбы становились зрелищем для всей округи. Смотреть собирались, читаем мы в различных свидетельствах, «гости», жители окрестных деревень. Приходили и из соседних полуаграрных городков, они же порой выступали инициаторами поджогов. В территориальных пределах видимости то было поистине вселенское празднество для угнетенных и обиженных судьбой.

Обиды выходили на первый план. Социум выступал коллективной личностью с обостренной потребностью в самоутверждении. Нараставшее проникновение в деревню гуманистических и демократических идей обостряло, отмечает Сухова, «чувство значимости человеческой личности в соборном ее толковании», и «нередко сигналом к началу крестьянских выступлений становилось даже незначительное принижение человеческого достоинства, которое ранее воспринималось как привычное, должное» (Сухова, 2008: 333).

Самоутверждение, как хорошо известно, может принимать патологические формы. В предельных случаях смертельной схватки, той, какую изобразил Фанон на примере Алжирской войны, способом обретения человеческой полноценности феллаху виде-

лась смерть врага (Fanon, 1961). В крестьянских выступлениях таким объектом представлялось большей частью имущество «врага». Именно материальному воплощению последнего доставалось от «коллективного садистского самоутверждения» (Булдаков, 1997: 137). Однако не обошлось и без жертв, поскольку «переживание чувства ущемленности человеческого достоинства», чувство обижённости (Сухова, 2008: 341) побуждали к поиску обидчиков, даже если ими очень часто оказывались случайные люди, с которыми у разъяренных бунтарей возникала ассоциация своего унижения.

Бунт знаменовал не только самоутверждение индивида в его человеческом достоинстве, но и коллективное самоутверждение самой общины. Между тем существовала настоятельная потребность возрождать ее общность, ибо отношение к бунтарскому выступлению бывало далеко не единым: выделялись «застрельщики», были факты принуждения несогласных. Если молодежь по общему правилу рвалась в бой, пожилые мужики и бабы нередко ее одергивали. Сухова обращает внимание, что возрастная граница разделила в 1905 году то поколение, которое формировалось еще в крепостную эпоху, и выросших в пореформенный период, со всеми неизбежными ментальными и психологическими последствиями (Сухова, 2008: 329).

А в крестьянских выступлениях 1917 года сказались уже последствия столыпинской реформы: разделение деревни по социально-экономическому признаку. Разгорелось то, что исповедовавшие классовый подход большевики-марксисты назвали «второй социальной войной», а современные немарксисты — «второй социальной смутой» (Люкшин, 2006). «Вал общинного права» (А. С. Изгоев) накрыл не только помещичью землю, но и «отруба», приобретения выделившихся из общины состоятельных крестьян, отношение которых к бунтарству оказывалось неоднозначным: от желания поживиться помещичьей землей до страха потерять приобретенное. Погромы хуторов в рамках «общинной революции» отражали стремление общины восстановить подорванную силу традиционного миропорядка в локализованных пределах.

Однако общинной организации крестьянства пришлось столкнуться с могущественной силой новой власти. После целенаправленной дезорганизации государственного аппарата, делавшей поджоги усадеб и прочие проявления крестьянского самоуправления практически безнаказанными, эта власть взялась наводить порядок в деревне.

В самых радужных тонах о политике большевиков в отношении к крестьянскому движению повествовал один из их вождей Н. И. Бухарин. По праву победителя он свел эту роль к достижениям победившей партии: «Широкие массы крестьянства желали получить... помещичью землю... Но... более зажиточные слои, которые... меньше нуждались в помещичьей земле» и «имели гораздо больше почтения и уважения к крупным собственникам вообще <...>, находились в состоянии колебания и нерешительности.

Буржуазия через <...> партию социалистов-революционеров пыталась задержать естественное стремление крестьянства к завоеванию помещичьей земли. На все лады твердили, что нельзя забирать землю “до Учредительного собрания” <...>, пугали ужасной резней и ужасным земельным хаосом, который должен возникнуть, если крестьяне “самочинно”... будут забирать эту землю, выгонять помещиков, расправляться с ними так, как они этого заслужили». И только партия большевиков «кричала крестьянам на всех митингах и собраниях, что крестьяне должны, ничего не дожидаясь и никого не слушая, сами забирать эту землю у помещиков... Ибо только развязав революционную энергию крестьянства (а развязывать ее нужно было прежде и раньше всего на вопросе о земле), мы могли создать действительно прочные гарантии революционной победы» (Бухарин, 1926: 21–22).

Приписав все заслуги разрешения аграрного вопроса в России большевикам, ее популярный идеолог был явно нескромен, проигнорировав и заимствование эсеровской программы, и роль анархистов в погромном движении. Дорогостоящий проговорка о невоспринятой рвавшимися к победе большевиками угрозе «хаоса». Ведь будущий лидер правой оппозиции, объявленной «кулацкой», мог бы ретроспективно оценить последствия насильственного разрешения аграрного вопроса для убийственного в буквальном смысле продовольственного кризиса и катастрофического хода революционных событий.

Можно задуматься и о том, не обернулся ли «черный передел» для российского крестьянства «пирровой победой». Не прошло и 10 лет, как уничтожившее господство помещиков крестьянство столкнулось с теми формами господства, против которых боролось. А в результате воскресли в крестьянском поведении и стратегия ненасильственного сопротивления, и обращение к «оружию слабых» (Виноградский, 2009).

Библиография

- Адо А. В. (1987). Крестьяне и Великая французская революция. Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М.: МГУ.
- Анархизм (2015): pro et contra. Антология / П. И. Талеров. СПб.: РХГА.
- Бахтин М. М. (1965). Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература.
- Безгин В. Б. (2004). Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX века). М.; Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та.
- Берберова Н. Н. (1996). Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие.
- Булдаков В. П. (1997). Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН.
- Бухарин Н. И. (1926). Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во.
- Буховец О. Г. (1996). Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: Новые материалы, методы, результаты. М.: Мосгорархив.

- Великий незнакомец (1992): Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия / Сост. Т. Шанин; рус. ред. А. В. Гордона; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова. М.: Прогресс-Академия.
- Вересова Е. А. (2015). Оскорбления должностных лиц как одна из форм сопротивления крестьянства власти в конце XIX — начале XX в. (по материалам Тверской губернии) // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. № 1. С. 82–89.
- Виноградский В. Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского ин-та РГТЭУ.
- Герцен А. И. (1974). О социализме. Избранное. М.: Наука.
- Гордон А. В. (1984). Крестьянские восстания в Китае в XVII–XIX вв.: Методологические проблемы изучения крестьянских движений в новейшей западной историографии. М.: ИНИОН.
- Гордон А. В. (1989). Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М.: Наука.
- Дубровский С. М. (1956). Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Изд-во АН СССР.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев (1983). М.: Наука.
- Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. (1966) / И. И. Смирнов и др. Л.: М.: Наука.
- Кропоткин П. А. (1992). Что же делать? // Труды Комиссии по научному наследию П. А. Кропоткина. Вып. 1. М. С. 196–199.
- Ленин В. И. (1968). Лев Толстой как зеркало русской революции // Полное собрание сочинений. Т. 17. М.: Политиздат. С. 203–213.
- Люкшин Д. И. (1998). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI.
- Мавродин В. В. (1964). Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // Вопросы истории. № 5 С. 24–47.
- Невзоров В. Ф. (1916). Происхождение обрядового алкоголизма. Опыт в области этнографии и истории права. Пенза: т-во А. И. Рапопорт и М. А. Гольдштейн.
- Никулин А. М. (2003). Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН. Серия Социология. № 4-5. С. 148–158.
- Рассказова Л. В. (2010). Разгром дворянских усадеб (1917–1919): официальные документы и крестьянские практики // Общество. Среда. Развитие. № 2 (15). С. 44–50.
- Самарин Ю. Ф. (1878). Сочинения. Т. 2: Крестьянское дело до высочайшего рескрипта 20 ноября 1857 года. М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко.
- Сухова О. А. (2008). Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН.
- Чистов К. В. (1967). Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука.
- Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 1917–1922 гг. М.: Весь мир.
- Шапп д'Отерош (2005). Путешествие в Сибирь по приказанию короля в 1761 г. // Императрица и аббат. Неизданная литературная дуэль Екатерины II и аббата Шаппа д'Отероша М.: Олма-Пресс. С. 55–224.
- Янель З. К. (1982). Феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР. № 5. С. 88–101.
- Everyday forms of peasant resistance in South-East Asia (1986). London: Frank Cass.
- Fanon F. (1964). Les damnés de la terre. Paris: Maspéro.
- Guha R. (1983). Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India. Delhi: Oxford University Press.
- Hobsbawm E. J. (1972). Bandits. London: Pelican.
- Redfield R. P. (1956.) Peasant Society and Culture. Chicago: University press.
- Scott J. C. (1976). The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press.

- Scott J. C. (1984). *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press.
- Shanin T. (1987). *Peasants and Peasant Societies*. London: Penguin Books.
- Weber E. (1976). *Peasants into Frenchmen: the Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford University Press.

The phenomenon of protest in peasant culture

Alexander V. Gordon, DSc (History), Chief Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Nakhimovsky prosp., 51/21, Moscow, 117418, Russia. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Abstract. The article considers peasant protests as a form of the peasantry's life activity in pre-capitalist class societies, which is not adequately interpreted in popular approaches that emphasize the antagonistic nature of such societies, ignore the possibilities of non-antagonistic interaction of social subjects, absolutize the factor of cruel exploitation of peasants, ignoring the certain success of their resistance. Features of peasant protest are determined by the nature of the peasantry as a social community both autonomous and dependent on macro-social environment ('part-society, part-culture', according to A. Kreber, R. Redfield). The combination of autonomy and dependence developed in ancient times as a part of the worldview of primitive agricultural societies. Anthropologists consider the so-called gift-exchange relations of such societies with powerful external forces, whose favor was achieved in exchange for a certain part of peasant produce. The mythologeme of a peculiar balance of services according to the ancient principle of *do ut des* was preserved by the so-called patriarchal worldview in class societies, while the balance was maintained by the everyday peasant resistance to the excessive seizure of their produce and to the gross personal oppression. Such resistance, conceptualized by J. Scott as 'weapons of the weak', implied sabotage of landlords' orders, their untimely or improper execution, theft or damage of masters' property. An open fight or rebellion meant the exhaustion of the potential for nonviolent resistance. Protesters sought to restore what they considered to be a just order with extreme forms of disobedience: from plowing masters' land and cutting down forests to direct vandalism and looting, including plundering masters' property, setting fire to homesteads, mocking or even killing masters and those representing for peasants the order they hated. The highest form of traditional social protest — peasant wars — led to devastation of entire regions and numerous casualties. However, given the power of their traditional worldview, peasants wanted to replace the ruler who had lost legitimacy but not to destroy social hierarchy — in order to restore the autonomy of the communal order and the rights to manage land. Peasant revolutionary ideas were the result of the destruction of the traditional worldview which was undermined by the introduction of egalitarian, socialist, and anarchist ideologemes 'from outside'.

Key words: peasant movement, peasant culture, peasant war, social protest, nonviolent resistance, rebellion, revolution in Russia, V. I. Lenin

References

- Ado A. V. (1987) *Krestiyane i Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya. Krestiyanskoe dvizhenie v 1789–1794 gg.* [Peasants and the Great French Revolution. Peasant Movement in 1789–1794], Moscow: MGU.
- Anarkhizm (2015): pro et contra* [Anarchism: Pro et Contra]. Ed. by P. I. Talerov, Saint Petersburg: RKHG, A.

- Bakhtin M. M. (1965) *Tvorchestvo François Rabelais i narodnaya kultura Srenevekoviya i Renaissance* [Works of Francois Rabelais and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance], Moscow: Khudozhesvennaya literatura.
- Berberova N. N. (1996) *Kursiv moy. Avtobiografiya* [My Italics. Autobiography], Moscow: Soglasie.
- Bezgin V. B. (2004) *Krestiyanskaya povsednevnost (traditsii kontsa XIX — nachala XX veka)* [Peasant Everyday Life (Traditions of the Late 19th — Early 20th Centuries)], Tambov: Isd-vo TGTU.
- Bukharin N. I. (1926) *Put k sotsializmu i raboche-krestiyanskiy soyuz* [The Path to Socialism and the Workers' – Peasants' Union], Moscow–Leningrad: Gosisdat.
- Bukhovets O. G. (1996) *Sotsialnye konflikty i krestiyanskaya mentalnost v Rossiyskoy imperii nachala XX veka: Novye materialy, metody, rezultaty* [Social Conflicts and Peasant Mentality in the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century: New Materials, Methods, Results], Moscow: Mosgorarkhiv.
- Buldakov V. P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Revolt. Nature and Consequences of Revolutionary Violence], Moscow: ROSSPEN.
- Chistov K. V. (1967) *Russkie narodnye sotsialno-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian Folk Social-Utopian Legends in the 17th — 19th Centuries], Moscow: Nauka.
- Herzen A. I. (1974) *O sotsializme. Izbrannoe* [On Socialism. Selected Works], Moscow: Nauka.
- Gordon A. V. (1984) *Krestuyanskie vosstaniya v Kitae v XVII–XIX vv.: Metodologicheskie problemy izucheniya krestuyanskikh dvizheniy v noveyshey zapadnoy istoriografii* [Peasant Uprisings in China in the 17th — 19th Centuries: Methodological Issues in the Study of Peasant Movements in the Latest Western Historiography], Moscow: INION.
- Gordon A. V. (1989) *Krestuyanstvo Vostoka: istorichesky sub`ekt, kulturnaya traditsiya, sotsialnaya obshchnost* [Peasantry of the East: Historical Subject, Cultural Tradition, Social Community], Moscow: Nauka.
- Dubrovsky S. M. (1956) *Krestiyanskoe dvizhenie v revolyutsii 1905–1907 gg.* [Peasant Movement in the Revolution of 1905–1907], Moscow: Isd-vo AN SSSR.
- Kalendarnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoy Evropy: Istoricheskie korni i razvitiye obychaev* (1983) [Calendar Customs and Rituals in Western Europe: Historical Roots and Development], Moscow: Nauka.
- Krestiyanskie voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* (1966) [Peasant Wars in Russia in the 17th — 18th Centuries], Leningrad–Moscow: Nauka.
- Kropotkin P. A. (1992) *Chto zhe delat [What to do]? Trudy Komissii po nauchnomu naslediyu P. A. Kropotkina*, vol. 1, pp. 196–199.
- Lenin V. I. (1968) *Leo Tolstoy kak zerkalo russkoy revolyutsii* [Leo Tolstoy as a mirror of the Russian Revolution]. *Polnoe sobranie sochineniy*, vol. 17, Moscow: Politizdat, pp. 203–213.
- Lukshin D. I. (2006) *Vtoraya russkaya smuta: krestiyanskoe izmerenie* [The Second Russian Time of Troubles: A Peasant Dimension], Moscow: DIRO–XXI.
- Mavrodin V. V. (1961) *Sovetskaya istoricheskaya literatura o krestiyanskikh voynah v Rossii XVII–XVIII vekov* [Soviet historical literature on peasant wars in Russia in the 17th — 18th centuries]. *Voprosy Istorii*, no 5, pp. 24–47.
- Nevzorov V. F. (1916) *Proiskhozhdenie obryadovogo alkogolizma. Opyt v oblasti etnografii i istorii prava* [The Origin of Ritual Alcoholism. An Ethnographic and Legal-Historical Study], Penza: tovarishchestvo Rapoport i Goldshtein.
- Nikulin A. M. (2003) *Vlast, podchinenie i soprotivlenie v kontseptsii “moralnoy ekonomiki” Jamesa Scotta* [Power, submission and resistance in the concept of “moral economy” by James Scott]. *RUDN Journal of Sociology*, no 4–5, pp. 148–158.
- Raskazova L. V. (2010) *Razгром dvoryanskikh usadeb (1917–1919): ofitsialnye dokumenty i krestiyanskie praktiki* [Destruction of noble estates (1917–1919): Official documents and peasant practices]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, no 2, pp. 44–50.
- Samarin Yu. F. (1878) *O krepostnom sostoyanii i o perekhode iz nego k grazhdanskoj svobode* [On serfdom and the transition from it to civil liberty]. *Sochineniya*, vol. 2, Moscow.

- Shanin T. (1997) *Revolyutsiya kak moment istiny. 1905–1907 gg. — 1917–1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. 1905–1907 — 1917–1922], Moscow: Ves mir.
- Chappe d'Auteroche (2005) *Puteshestvie v Sibir po prikazaniyu korolya v 1761. Imperatritsa i abbat. Neizdannaya literaturnaya duel Ekateriny II i abbata Chappe d'Auteroche* [A Journey into Siberia, Made by Order of the King of France by M. L'Abbé Chappe D'Auteroche in 1761. The Empress and the Abbot. An Unpublished Literary Duel of Catherine II and Abbot Chappe d'Auteroche], Moscow: Olma-press.
- Sukhova O. A. (2008) *Desyat mifov krestyanskogo soznaniya: ocherki istorii sotsialnoy psikhologii i mentaliteta russkogo krestyanstva (konets XIX — nachalo XX v.) po materialam Srednego Povolzhya* [Ten Myths of the Peasant Worldview: Essays on the History of Social Psychology and Mentality of the Russian Peasantry (Late 19th — Early 20th Centuries) Based on the Materials from the Middle-Volga Region], Moscow: ROSSPEN.
- Veliky neznakomets: Krestiyane i fermery v sovremennom mire (1992)* [Great Stranger: Peasants and Farmers in the Modern World]. Ed. by T. Shanin, Moscow: Progres-Akademiya.
- Veresova E. A. (2015) *Oskorbleniya dolzhnostnyh lits kak odna iz form soprotivleniya krestyanstva vlasti v kontse XIX — nachale XX v. (po materialam Tverskoy gubernii)* [Insulting officials as a form of peasant resistance in the late 19th — early 20th centuries (Based on the materials of the Tver Province)]. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina*, no 1, pp. 82–89.
- Vinogradsky V. G. (2009) *“Orudiya slabyh”: tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo sushchestvovaniya* [“Weapons of the Weak”: Technology and Social Logic of the Peasant Everyday Life], Saratov: Izd-vo SIRGTEU.
- Yanel Z. K. (1982) *Fenomen stikhiynosti i povstancheskaya organizatsiya massovykh dvizheniy feodalnogo krestyanstva Rossii* [Spontaneity and rebel organization of mass movements of the feudal peasantry of Russia], *Istoriya SSSR*, no 5, pp. 88–101.

Крестьянский сын Антон Большаков (1887–1941): научный некролог расстрелянного историка, социолога и краеведа

Д. М. Рогозин

Дмитрий Михайлович Рогозин, кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС. 119034, Москва, Пречистенская наб., 11, корп. 1.
E-mail: rogozin@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлена научная биография выдающегося российского историка, социолога и краеведа, Антона Михайловича Большакова (1887–1941). Изложены основные вехи его научного и творческого пути: от исторических исследований к ведению хронологии текущих событий и составлению этнографических и краеведческих описаний советской деревни. Наиболее плодотворный, продуктивный период научной деятельности у Антона Михайловича Большакова пришелся на 1920-е годы. Новая экономическая политика открывала возможности не только предпринимателям и хозяйственникам, но и ученым, исследователям, активистам. Каждый находил приложение собственным силам и устремлениям. Несмотря на бедность, цензуру и партийность массовых изданий, 1920-е годы стали золотым временем для развития советской гуманитарной и социальной мысли. В статье раскрываются три важнейших направления в научном творчестве Большакова:

(1) расширение исторического знания через организацию систематического развития смежных дисциплин; (2) построение хозяйственной истории как коллекции документов, статистических таблиц и наблюдений современников; (3) социология деревни, или регулярное наблюдение за жизнью крестьянских хозяйств. Несмотря на попытки адаптироваться к советскому режиму, подстроиться под его требования контроля и надзора, Антону Михайловичу Большакову не удалось избежать репрессий. Он не мог не чувствовать, не осознавать сгущающиеся тучи, трагичность и двусмысленность своего положения. 6 марта 1939 года Большаков был арестован. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Приговорен к расстрелу 9 июля 1941 года. Приговор приведен в исполнение 27 июля 1941 года. Антон Михайлович Большаков был реабилитирован 1 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР, спустя 15 лет после расстрела, 69 лет после рождения.

Ключевые слова: история российской социологии 1920-х, историческая социология, крестьяноведение, социология деревни, хозяйственная история

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-27-45

«Человек и не царь, и не раб природы, а только лишь одно из проявлений общей жизни вселенной. Значит, живи как можешь. И все, что можешь — хорошо, морально, красиво и т. д. Но только то, что можешь».

Антон Большаков, «Лунная соната» (1913)

«Антон Михайлович Большаков. 1887 года рождения, русский, уроженец города Ленинграда. Место проживания: город Москва, улица Малая Бронная, дом 19/6, квартира 13. Образование высшее. Беспартийный, с 1932 по 1935 г. состоял кандидатом в члены ВКП(б). Место работы: Контора «Союззолототранс» Наркомцвета СССР, должность юрисконсульт. Арестован 6 марта 1939 года. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Приговорен к расстрелу 9 июля 1941 года. Приговор приведен в исполнение 27 июля 1941 года. Место захоронения: Бутово-Коммунарка». Это выписка из Книги памяти. В Новодевичьем некрополе (2-й участок, 8-й ряд, место 15) установлена плита генерал-лейтенанту инженерно-технической службы Валентину Викентьевичу Орловскому, зятю Антона Михайловича. На небольшой табличке рядом вписаны четыре члена семьи Большаковых: он сам, жена, дочь и сын.

Казенная запись в списках расстрелянных, да могильная плита без праха под ней могли остаться тем единственным воспоминанием о неординарном и талантливом исследователе сельской жизни, докторе исторических наук и консультанте Главзолота, если бы не его монографии и статьи, регулярно выходящие в свет. Именно в этих публикациях раскрывается научная биография исследователя, окончившаяся в момент ареста, в 1939 году. Возможно, поэтому в биобиблиографическом справочнике российских социологов датой смерти Антона Михайловича значится 1939 год (Кукушкина, 2014: 54), хотя в застенках ему пришлось провести еще два долгих и мучительных года.

Мы ничего не знаем о личной жизни Антона Михайловича, о его детстве, юности, студенческих годах, привычках и увлечениях в зрелые годы. Ничтожно мало знаем о близких — лишь отрывочные упоминания. Второе издание его книги «Советская деревня» (Большаков, 1925а) посвящено отцу, члену волостного комитета, Михаилу Ермолаевичу Большакову. В других работах он упоминает о своих земляках (Большаков, 1924b: 1), о собственном крестьянском хозяйстве — и это то немногое, что обнаруживается на полях научных работ. Лишь слабый отблеск прошлого присутствует в двух дореволюционных книгах (Большаков, 2013а, 2013b), возможно даже написанные полным однофамильцем, но хочется верить, что Антоном Михайловичем Большаковым. В них нет и намека на историческое знание, научность или исследовательскую педантичность. В них отражена философская,

лирическая черта автора, которая лишь угадывается в последующих произведениях, проступает на полях его знаменитых исторических и краеведческих трудов. Поэтому и возникают сомнения об авторстве.

В пьесе и кратком очерке представлен пессимистический реализм в отношении человека, который не царь и не раб, но деятель, обладающий возможностью что-то делать, что он может делать. Угадать свое предназначение, свою возможность — и есть высшее счастье, удача, на которую полагается как отчаянный романтик, так и педантичный прагматик. «Делай только то, что можешь», — говорит герой пьесы, художник Василий Васильевич Шангин, и это будет моральным и красивым. Удивительно, но именно в эту формулу укладывается судьба и Антона Михайловича, делающего только то, что он мог сделать, в той стране, обстановке, с теми людьми, которые были рядом.

Наиболее плодотворный, продуктивный период научной деятельности у Антона Михайловича Большакова пришелся на 1920-е годы, по-своему насыщенные, драматичные, лихие, инфляционные. Если в 1920 году на обложке книжки, выпущенной Тверским издательством к цене в 1 руб. 50 копеек шла приписка: «указанная цена никем не может быть повышена», то уже через три года, в 1923-м, это же издательство предупреждало, что «Цены указаны в золоте. Расчет на дензнаки 1923 года производится по курсу дня получения заказа». Новая экономическая политика открывала возможности не только предпринимателям и хозяйственникам, но и ученым, исследователям, активистам. Каждый находил приложение собственным силам и устремлениям. Несмотря на бедность, цензуру и партийность массовых изданий, 1920-е годы стали золотым временем для развития советской гуманитарной и социальной мысли. Остановимся на трех важнейших направлениях в научном творчестве Большакова: (1) расширении исторического знания через организацию систематического развития смежных дисциплин; (2) построении хозяйственной истории как коллекции документов, статистических таблиц и наблюдений современников; (3) социологии деревни, или регулярном наблюдении за жизнью крестьянских хозяйств.

Расширение исторического знания

В 1923 году в петроградском издательстве государственного треста «Петропечать» вышло в свет третье издание книжки о вспомогательных исторических дисциплинах (Большаков, 2023b). Первое издание, напечатанное в тверском издательстве «Октябрь», разошлось мгновенно (Большаков, 2022b), второе, допечатанное без каких-либо изменений — еще было на полках магазинов, когда на него обратил внимание автор и забил тревогу. Тверские изда-

тели умудрились дважды напечатать монографию, общим тиражом 6 тыс. экземпляров, не уведомив об этом автора, не показав набранную рукопись. В предисловии к третьему изданию Большаков напишет: «Первое издание «Вспомогательных исторических дисциплин» вышло в начале осени 1922 г. в Твери¹. Так как мне не удалось посмотреть ни одной корректуры указанного издания, то оно, к сожалению, появилось с рядом досадных опечаток и иных несообразностей. В феврале 1923 г. книга, без моего ведома, была вновь переиздана — следовательно, снова воспроизведены все те промахи, которые были в первом издании» (Большаков, 2023b: 3). Исправления третьего тома внесли большую структурированность и академизм, однако была утеряна непосредственность и повествовательность первых двух изданий, в большей мере отражающих устную речь автора. То, что Большаков считал ошибками и просчетами, на вековой дистанции видится особенностями речевой культуры, сомнениями и авторским стилем. Третье издание больше похоже на справочник, второе — на конспект лекций, по которым и была смонтирована книжка. Поэтому первоначальное авторское негодование вылилось в подарок читателям, которые могут сравнивать почти идентичные издания, находить в них не только стилистические различия, но и реконструировать эволюцию авторской мысли.

С третьего издания расширяется перечень вспомогательных дисциплин: добавляется хронология, в четвертом — антропология, языковедение, библиотековедение и историография. Если в первых двух изданиях дисциплины представлены в алфавитном порядке, то в последующих автор выстраивает некоторое осмысленное изложение материала. В третьем издании дисциплинарные очерки начинаются с археологии, в четвертом — с антропологии (рис. 1).

1. Антон Михайлович Большаков прежде всего историк. Как историка его приглашают читать лекции, выступать на публике, участвовать в дискуссиях с коллегами. Но историк он нетипичный. Вместо того чтобы специализироваться на каком-либо периоде отечественной истории (а именно в этом он был первоклассным специалистом), Антон Михайлович движется в неизведанные пограничные области, где ему приходится не только учить, но и учиться самому (Большаков, 2022b: 1). Историческую работу он не мыслит в рамках устоявшихся к тому времени дисциплинарных границ. Большаков предлагает развивать аппарат системно-организованных вспомогательных дисциплин, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения, но вместе они позволяют формировать интегральную картину прошлого.

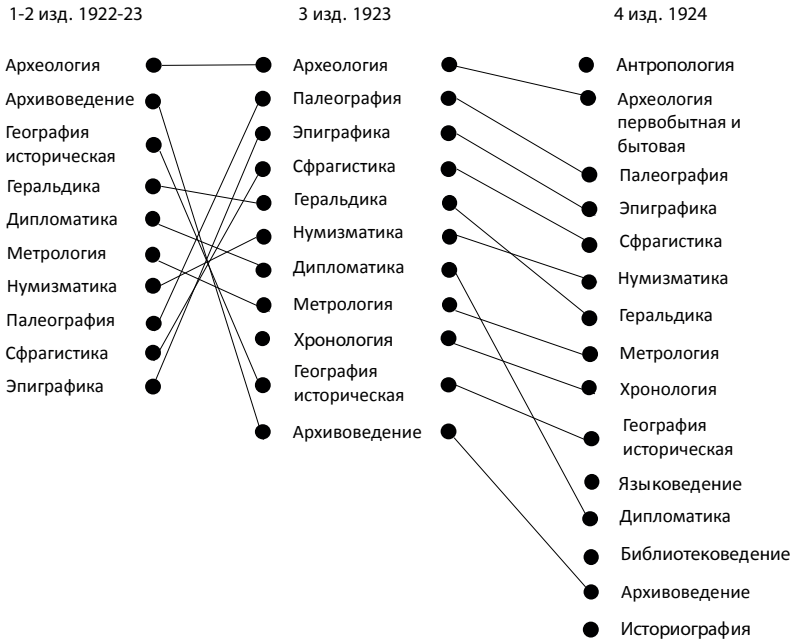

Рисунок 1. Вспомогательные исторические дисциплины по Большакову, выделенные в четырех изданиях одноименной монографии (Большаков, 2022b, 2023a, 2023b, 2024a)

Антропологию Большаков делит на четыре типа: соматическую (изучающую организм человека), расовую, этническую (народоведение) и социологическую (Большаков, 2024a: 24–25). Социологическая антропология по Большакову — это дисциплина, в которой изучаются перемены в природе самого человека, происходящие под давлением условий общественного строя, и изменения самого общества под влиянием природы человека (Большаков, 2024a: 25). Антон Михайлович нигде не называет себя социологом, не предлагает развивать социологию как отдельную дисциплину (не те были времена), но постепенно в его работах формируется социологическая тематика. Он останавливается на трудах Огюста Конта, Адольфа Кетле и Анри Сен-Симона (Большаков, 1923c: 58–59); определяет задачу исторических наук как поиск определенных понятий, способных объяснить все многообразие прошлого, чтобы в итоге начать понимать настоящее, предвидеть и действовать (Большаков, 1922a: 42). И если в исторических монографиях социологические исследования рассматриваются лишь как дополняющие, оттеняющие общий массив исторического знания, то в изучении села социологический подход становится доминирующим (см. ниже). По-прежнему нельзя говорить о социологии публично, но можно реализовывать ее подходы, скрывая под заголовками о хозяйстве, истории и развитии советской деревни.

ТЕОРИЯ

Значительную роль в становлении социологического мировоззрения Большакова сыграл его учитель, а затем друг и соавтор ряда работ (Большаков, Рожков, 1925a, 1925b, 1925c, 1926a, 1926b, 1926c), талантливый историк и бескомпромиссный марксист Николай Александрович Рожков. Его масштабный двухтомный труд «Обзор русской истории с социологической точки зрения» (Рожков, 1905) заложил основы изучения повседневного, бытового как оси исторического процесса. Не территориальные завоевания, битвы, царствующие особы и знать, а простой люд, формы землевладения и хозяйствования, расселение и питание, экономический быт и духовный строй составляют основу исторической перспективы, позволяют понять прошлое и предсказать план будущего. Связь с Рожковым, отказ от вымарывания его имени в совместных трудах сыграла не последнюю роль и в аресте Антона Михайловича. Он высоко ценил своего учителя, ставил его в один ряд с Ключевским (учеником которого был Рожков, см. подробнее: Кочешков, 2008: 7–9), Соловьевым, Карамзиным, Болтиным, Щербатовым, Шлецером и другими видными историками (см. краткое изложение русской историографии: Большаков, 1923c: 107–149). Кроме того, именно Рожков поддержал устремления Антона Михайловича в изучении деревенской жизни. Сам посвятивший многие труды истории деревни (Рожков, 1913), Рожков считал, что только через понимание деревенского уклада можно изучать историю России, особенности текущих отношений и будущих преобразований. Не удивительно, ведь в то время сельское население России составляло более 80%. Развитие социологической истории, как самостоятельного направления отечественной социологической мысли, вполне можно трактовать через три поколения исследователей: Ключевского — Рожкова — Большакова. Именно они заложили фундамент социологического взгляда на историю, в 1920-х ставшего общим местом для многих обществоведов (см., например: Андреев, 1925: 20). Если бы не репрессии и советский террор, мы могли бы быть наследниками развитой школы исторической социологии.

Могли бы, но не стали. Даже сейчас немногочисленные ссылки на работы Большакова скорее относятся к жанру дежурных упоминаний и воздаяний по заслугам² (см., например: Цветкова, 2016), нежели раскрывают сложный, проблематичный и подчас опасный путь исследователя. Из современных описаний можно вынести

2. Владимир Картавец ошибочно закрепляет такой стиль за некрологами, хотя он куда чаще проявлен в статьях для отчетности, когда количество знаков важнее смысла их написания: «В этом месте можно было бы сказать какие-то пафосные слова о том, что, мол, диалог в любом случае возможен, потому что остались книги Гребера и его друзья, но я предлагаю обойтись без этого: риторика некрологов душновата, а Дэвид душнилкой не был. Он крутой, и мы его любим» (Картавец, 2020).

лишь убеждение о значительном вкладе Большакова в историческую и социологическую дисциплины, но понять его теоретические и ценностные представления, проследить драматический путь его мысли навряд ли удастся. Вместе с тем у Большакова (безусловно, под влиянием его учителя Рожкова) сформировалось авторское видение хозяйственной истории, как коллекции исторических документов и свидетельств, позволяющих ответить на пять ключевых вопросов: (1) каковы особенности отраслевого деления хозяйства? (2) насколько технологично хозяйство? (3) как устроено землевладение? (4) как организовано производство? (5) какова социальная природа хозяйства? (рис. 2).

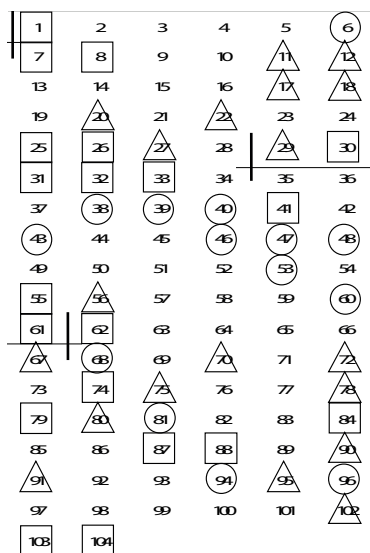
Рисунок 2. Пять основных вопросов хозяйственной истории по Большакову и Рожкову (Большаков, Рожков, 1926а: 10–11; Большаков, Рожков, 1926б: 5; Большаков, Рожков, 1926с: 3)

В основе сборников с историческими документами лежит отказ от личных комментариев, поиска логики и конструирования объяснений, напротив, читателю как бы предлагается самостоятельно интерпретировать представленную в документах реальность. Только тексты, цифры, голоса, звучащие о прошлом или интерпретирующие прошлое, по-своему, без купюр. Большаков и Рожков успели выпустить лишь один трехтомник «Хрестоматия по истории хозяйства России» (Большаков, Рожков, 1925а, 1925б, 1925с), уже через год переизданный под чуть отредактированным заглавием: «История хозяйства России в материалах и документах» (Большаков, Рожков, 1926а, 1926б, 1926с). С социологической точки зрения наибольший интерес представляет третий том, содержащий коллекцию материалов о 1905–1925 годах, буквально хронологию текущих для авторов событий.

Большаков и Рожков не сортируют материалы по значимости, не создают искусственную канву повествования. Она формируется

сама, через взаимное влияние четырех типов представленных документов. Во-первых, полевых материалов, фрагментов исследований, аналитических публикаций, вырезок из газет. Во-вторых, выступлений и докладов политиков, общественных деятелей, среди которых доминирует Ленин, а завершает книгу выступление Сталина, но встречается и Троцкий, Дзержинский, Бухарин и прочие товарищи по партии. В-третьих, многочисленные статистические данные, таблицы, показатели, индексы, которые копируются из статистических отчетов, научных монографий, сводок различных ведомств. Это самая многочисленная коллекция материалов. В-четвертых, фрагменты или полные тексты постановлений, законов, декретов и прочих нормативных актов (рис. 3).

Рисунок 3. Структура третьего выпуска монографии «История хозяйства России в материалах и документах: 1905–1925 гг.» (Большаков, Рожков, 1926с)

Большаков и Рожков нумеруют исторические материалы, присваивая порядковый номер документу независимо от его объема и качества. Всего в третьем выпуске представлено 104 документа, из них 19 (или 18%) относятся к полевым материалам; 20 (или 19%) — к выступлениям и статьям политических деятелей; 51 (49%) — к статистическим сведениям, и 14 (13%) представляют нормативные акты. Распределение неравномерно по главам: Гражданскую войну и ее последствия (II глава) авторы чаще репрезентируют выступлениями политиков и текстами декретов, постановлений (табл. 1). Видимо, таким же образом распределяется и структура доступных публичных документов. Войну легче и безопаснее представить в государственной риторике, нежели списком стати-

стических сведений и аналитических интерпретаций. Полагаю, это не авторский выбор, а особенности публичного дискурса.

Таблица 1. Структура публикаций в третьем выпуске монографии «История хозяйства России в материалах и документах: 1905–1925 гг.», % по столбцу

Типы исторических материалов	I глава	II глава	III глава	Всего в монографии
Полевые материалы, исследования, аналитика, публикации в прессе	25%	6%	23%	18%
Материалы политиков, общественных деятелей, должностных лиц	18%	21%	19%	19%
Статистические таблицы, показатели	54%	45%	49%	49%
Законы, декреты, постановления, нормативные акты	4%	27%	9%	13%
Всего, абсолютные значения	28	33	43	104

Источник: Большаков, Рожков, 1926с

Казалось бы, обычный список отобранных событий. Всякий внимательный современник может такой составить. Но не все так просто. Собранные источники требуют внимания и сопоставления — тогда вместо разрозненных цифр начнет формироваться некоторая целостная картина происходящего. Например, в статье под номером 73 приводится типология сельскохозяйственных коллективов, с разбивкой по годам (табл. 2). Несложно оценить динамику, озадачиться снижением не только доли, но и абсолютного количества коммун.

Таблица 2. Сельскохозяйственные коллективы по их типам. Выдержка из статьи № 73 «Статистика коллективного земледелия»

Год	Коммуны	Артели	Товарищества по обществ. обработке земли
1918	912	—	—
1919	1961	3603	622
1920	1892	7722	886
1921	2236	11 427	1416
1922	2164	8755	2012
1923	1818	7511	3762
1924	1673	7814	4562

Источник: Большаков, Рожков, 1926с: 248; А. М. Большаков «Современная деревня в цифрах» (Большаков, 1925b)

А следом, под номером 74 приводится статья Льва Троцкого, опубликованная в «Правде» № 278 от 5 декабря 1925 года, где он повествует о своем посещении лучшей в Александровском округе сельскохозяйственной коммуны «Авангард» (Большаков, Рожков, 1926с: 248–257). Даже в лучшей коммуне Троцкий встречает упаднический дух, причина которого — низкая производительность труда, снижающаяся из года в год. И далее приводятся выдержки из писем, наблюдения, выводы, написанные от первого лица, обнажающие сложные социально-политические отношения в селе. За статьей Троцкого следует другая статья из «Правды» от 13 декабря 1925 года, написанная А. Биценко, о коллективных хозяйствах и производительности труда: № 75 «Колхозы и производительность труда» (Большаков, Рожков, 1926с: 257–260). Схожая стилистика, но иные акценты, другой набор фактов.

Собранные материалы, оставаясь независимыми фрагментами социальной реальности, образуют ансамбль аналитического представления происходящего, лишённого какой-либо генеральной линии, наставления или интерпретации. Читателю предлагается самостоятельно собрать свой аналитический узор, проделать работу над осмыслением происходящего. И сделать это можно на официальных, открытых для любого читателя материалах. Не нужно проводить разведывательную деятельность, искать тайное знание, сетовать на недостаток информации. Большаков и Рожков демонстрируют, что информации уже достаточно. Даже отцензурированная, представленная в одном идеологическом поле она может стать весомым подспорьем в понимании происходящего. Дело за малым: систематическим наблюдением, сбором и сопоставлением разноплановых, разнородных, разнонаправленных документов, по отдельности отражающих индивидуальные позиции, вместе составляющих объективную (как написал бы сам Большаков) картину социально-экономической действительности.

Социология села

Цензура, партийный контроль и аппаратная дисциплина отнюдь не способствуют социальным исследованиям, формируют токсичную среду подозрительности, отчужденности и некритичности. Но даже в относительно мирные времена более опасна для научного сотрудника самоцензура, самоконтроль и самодисциплина. Не избежал влияния этой триады и Антон Михайлович. Печально, что изменение во взглядах пришлось на социологический период его творчества, когда он стал заниматься включенными наблюдениями, писать о жизни деревни не только с точки зрения экономического развития, но и социальных отношений, культурных традиций.

Во второй половине 1920-х годов выходит в свет серия работ, которые отражают социологический поворот в творчестве Большако-

ва: «Советская деревня (1917–1925): экономика и быт» (Большаков, 1925ао); «Введение в краеведение» (Большаков, 1929), «Краеведческое изучение деревни» (Большаков, 1930), «Коммуна “Кудрово”» (Большаков, 1930). В этих работах изменяется подача материала: стилистика и структура книг начинает напоминать отчетные документы, в которых не только подчеркивается полезность проделанной работы для власти, но формируется и особый формат служебных записок, за которым видна «неизменная и единственно верная линия партии».

Свою книгу о советской деревне Большаков открывает набором тезисов-рекомендаций, как бы предлагая занятому государственными делами читателю ознакомиться сразу с важнейшими выводами и не тратить время на дальнейшее чтение. Причем редакция второго издания становится все более отчетливой, партийной, отражает не только дух времени, но и запрос основного заказчика — партийной номенклатуры. Так, в первом издании Большаков ограничивается общим постулатом: «Главная научная обязанность современного историка — освещать факты нашей новейшей истории» — первый тезис (Большаков, 1924b: 5). Во втором издании акценты расставлены иначе: «Одна из наших главных культурных обязанностей — освещать исторические факты текущего революционного периода жизни страны» (Большаков, 1925а: 7). Или лаконичный 31-й тезис («Общее дело элементарного просвещения масс населения поставлено из рук вон скверно» (Большаков, 1924b: 8)) во втором издании дополняется упоминанием об успехах, достигнутых за год: «Общее дело элементарного просвещения масс населения поставлено из рук вон скверно. За последний год в этой области проделана громадная работа: школа и изба-читальня уже сделались местными общественно-культурными центрами, в массовое крестьянство начала проникаться газета и пр.» (Большаков, 1925а: 11). Вопрос не в том, чтобы проверять или уличать Антона Михайловича в неточностях, — изменяется стилистика изложения, тон ученого постепенно замещается тональностью общественного деятеля, приводимые цифры и наблюдения уже требуют дополнительных пояснений, отражающих поступательный рост, успехи советской власти.

Кроме того, в середине книги подводятся итоги, отсекая более лиричную, написанную в формате очерков часть, остающуюся наиболее ценной с точки зрения изучения быта и культуры села. Каждую главу, в нетипичной ранее для себя манере, Большаков начинает с фиксации нарушений и недочетов и завершает обращением к власти, дает советы, формирует рекомендации, которые во втором издании уже неотличимы от передовиц центральных газет. В изложении проблем с архивными документами, которые из-за дефицита бумаги в селах используют как «оборотки», Большаков вообще прямо призывает к ужесточению репрессий: «В качестве экстренной меры борьбы с крупным злом [использование оборотных

сторон архивных документов для текущей отчетности] я предлагаю усиление репрессий за ненадлежащее обращение с теми сокровищами, которые, пройдя через горнило науки, могли бы быть использованы как теперь — нами, так и после — нашими потомками» (Большаков, 1925а: 13). Большой раздел с деревенскими песнями и частушками резюмируется как средство выявления контрреволюционных элементов: «Контрреволюционные элементы деревни в первые годы революционного периода, для безнаказанного выявления своих враждебных по адресу советской власти чувств и настроений, часто использовали (иногда — совершенно бессознательно) частушку, привлекаемые ее анонимностью» (Большаков, 1925а: 11). Краеведческие записи Большакова все больше начинают походить на научно обоснованные доносы, иногда с перечислением фамилий сельчан, их проступков, недолжного поведения в той или иной сфере хозяйствования, иногда лишь с указанием деревни или волости.

Вместе с тем Антон Михайлович все глубже погружается в социологическую проблематику, и во втором издании предлагает создать Институт для изучения современной деревни, публикует разработанный им вопросник и схему монографического наблюдения за крестьянским хозяйством (рис. 4).

«Очерки деревни СССР» (1928)	«Советская деревня» 1-е (1924) и 2-е изд. (1925)		
	АНАЛИЗ	ОЧЕРКИ	ПРЕДЛОЖЕНИЯ
Земледелие и землепользование			
Землеустройство и агропомощь			
Переселение	Тезисы	Торговля, кооперация и промыслы	Таблицы
Машиноснабжение и тракторизация	Объект, задача, источники и метод исследования	Первые этапы революции	Приложения
Электрификация	Страничка из прошлого волости	Управление волостью	+ Об организации специального Института для изучения современной деревни
Тяжесть налогового обложения	Среднее хозяйство, его доходность и бюджет семьи	Самогонка в деревне	+ Вопросник для едущих в деревню
Доходность крестьянского хозяйства СССР	Скотоводство	Работа социализации	+ Вопросник для едущих в деревню
Кооперация	Земледелие	Архивы	+ Схема монографического наблюдения за крестьянским хозяйством
Сельскохозяйственные коллективы		Хлебный заем	
Крестьянские бюджеты	Сравнительная тяжесть обложения земли	Суд и преступность	+ Указатель книг о деревне
Расстояние крестьянства		Дело народного просвещения	
Питание	+ Перспективы крестьянского хозяйства		
Голод 1921/22 и неурожай 1924/25	Питание	+ Положение женщины	
Постройка деревни	Итоги	Наши коммунисты, комсомольцы и пионеры	
Работа Госстраха в деревне		Песни	
Ветеринарная помощь		Религия, церковность, духовенство	
Потребление в деревне спиртных напитков		Мысли и настроения крестьян	
Здравоохранение			
Народное просвещение в деревне			
Расходы на удовлетворение религиозных потребностей			

Рисунок 4. Содержание монографии «Очерки деревни СССР» [Большаков, 1928], 2-го издания монографии «Советская деревня» (Большаков, 1925а), с выделением «+» новых глав по отношению к 1-му изданию (Большаков, 1924б)

Оставаясь сельским жителем (Большаков, 1925а: 17), Большаков фактически формирует программу длительного включенного исследования, в котором единицей наблюдения выступает не отдель-

ное крестьянское хозяйство, а район или волость. Такой выбор он обосновывает как необходимостью наблюдения за коллективным хозяйством, взаимодействием разных групп крестьян, так и возможностью совмещать, сравнивать различные документы: краеведческие наблюдения и статистические сводки. Однако последние требуют тщательного контроля и изначального критического к ним отношения. Приведенный Большаковым диалог с представителем исполнительного комитета демонстрирует несостоятельность и проблематичность статистических данных, собираемых в сельской местности:

«В центре немало прекрасно исполненных диаграмм, долженствующих рисовать современную экономику деревни, а между тем в разных волостных исполнительных комитетах Тверской губ. (нужно полагать, что она в этом отношении исключением не является) я слышал приблизительно следующее:

— Уж очень много центр требует от нас разных сведений. Анкета за анкетой. То одни цифры, то другие.

— А вы и давайте их. Если государство станет строить свою политику на цифрах, это будет самая верная политика.

— Да, помилуйте, волисполкомы перегружены текущей работой. Иные сведения дать нетрудно — даем. Другие же цифры еще собирать надо, да и собирать-то умеючи, а в нашем распоряжении вообще нет свободных людей.

— Ну, так и отпишитесь.

— Невозможно! И срок проставлен, и строгой ответственностью угрожают. Не исполнишь предписания — еще под суд за саботаж попадешь. Кроме того, сам инструктор говорит: если цифр под рукою нет — с потолка давайте.

— Как это: с потолка?

— Очень просто: посмотреть на потолок, подумать немного, да и проставить цифры, какие бог на душу положит.

— Нехорошо как-то.

— Сами знаем, что неладно. Пускай пришлют к нам в волость специалиста-статистика; он станет собирать здесь материал — тогда и будет хорошо» (Большаков, 1925а: 13).

Поэтому так важны включенные наблюдения, описание происходящих изменений не только с точки зрения цифры, но и смыслов, ожиданий и представлений, определяющих их сбор и обработку. Наряду с устоявшимися и привычными формами ведения сельского хозяйства, регулярно попадающими в статистическую отчетность, Большаков регистрирует бытовое общение и устные договоренности. Например, он останавливается на «супраге», неизученной, но весьма распространенной форме кооперации, или объединения крестьянских хозяйств. С дотошностью историка и внимательностью этнографа он фиксирует особенности такого объединения, протоколирует устные отчеты крестьянских хозяйств:

«Спряглись соседи — бедняк и середняк на пахоту и посев. Со стороны бедняка вложено 2 мужчин и 1 лошадь, со стороны середняка 1 взрослый, 3 лошади, плуг и борона. Бедняку вспахали и засеяли 3 десятины, середняку — 7 десятин. Семена у каждого свои. Эта „Супруга“ существует второй год.

2 середняка (соседи и сваты) „спряглись“ на посев, сенокос и уборку. Со стороны одного „вложено“ 2 взрослых — мужчина и женщина, 1 подросток, 3 лошади, сенокосилка с граблями и плуг, со стороны второго — 3 взрослых, 1 подросток, 2 лошади, лобогрейка, плуг и бричка. Первому вспахали, посеяли и убрали 8 1/2 десятин хлеба, второму — 9 десятин; первому накосили и перевезли домой сена и бурьянов 6 бричек; второму — 8 бричек. Семена у каждого свои» (Большаков, 1928: 72).

От Большакова не скрывается ни одна мелочь, ни одно значимое направление развития сельского хозяйства. Экономика, хозяйство, быт, культура, просвещение, религиозные взгляды — все подлежит систематическому учету и критическому с точки зрения советской власти осмыслению. Научный текст постепенно трансформируется в аналитический доклад, средство для формирования и обоснования тех или иных административных процедур и решений. Такова эволюция социологической оптики Большакова: от наблюдения и фиксации исторических событий к их переосмыслению и формированию некоторой социально значимой программы по переустройству советского села.

Заключение

Несмотря на попытки адаптироваться к советскому режиму, подстроиться под его требования контроля и надзора, Антону Михайловичу Большакову не удалось избежать репрессий. Он не мог не чувствовать, не осознавать сгущающиеся тучи, трагичность и двусмысленность своего положения. И как пытливый исследователь, дотошный историк, еще в 1922 году опубликовал провидческую запись о текущей жизни, о тех испытаниях, которые ему предстоит перенести, о том выборе, который придется сделать:

«И вся наша жизнь, наша нынешняя жизнь, будет казаться нашим потомкам морем ошибок, заблуждений, ненужной жестокости, незаконной тратой драгоценной человеческой энергии. Но среди потоков крови, слез и страданий, которые переполняют и будут переполнять мир, пока мир не станет понятным для людей, — потомки наши услышат и нашу тоску по иной, более осмысленной жизни. Они поймут, что мы, завоеывая жизнь, не всегда могли быть человеческими, потому что — таковы условия жизни нашего исторического периода — каждому из нас чаще приходилось быть не человеческим, а человеком, ибо гуманность

не высшая добродетель. Все поняв, люди будущего отнесутся к нам с таким же уважением, с каким мы сами относимся ко всем тем, кто жил до нас и в меру своего разума и сил принимал участие в великой битве за истину, за красоту, за справедливость» (Большаков, 1922: 43).

Спустя сто лет слова Антона Михайловича невероятно современны. Жизнь по-прежнему полна потоков крови, слез и страдания. Мы по-прежнему пребываем в тоске по более осмысленной жизни, отказываясь от человечности в пользу выживания, от гуманности как высшей ценности. И с такой же надеждойзираем в будущее, надеясь на понимание и уважение потомков к нашим попыткам выжить в этой страшной битве за истину, красоту и справедливость. У Антона Михайловича выжить не получилось. Получится ли у нас — покажет время.

Антон Михайлович Большаков был реабилитирован 1 сентября 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР, спустя 15 лет после расстрела, 69 лет после рождения. Вечная память историку, социологу, краеведу и крестьянскому сыну.

Библиография

- Андреев Н. (1925). К вопросу о понимании закономерности в истории: социологический этюд. М.: Изд-во «Книга».
- Большаков А. (1913а). Лунная соната: пьеса в 4-х действиях. СПб.: Типография «Грамотность».
- Большаков А. (1913б). Этюд в защиту пессимизма. СПб.: Типография «Грамотность».
- Большаков А. М. (1922а). Введение в изучение истории. Тверь: Тверское изд-во.
- Большаков А. М. (1922б). Вспомогательные исторические дисциплины: археология, архивоведение, география историческая, геральдика, дипломатика, метрология, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика. Тверь: Тверское изд-во.
- Большаков А. М. (1923а). Вспомогательные исторические дисциплины: археология, архивоведение, география историческая, геральдика, дипломатика, метрология, нумизматика, палеография, сфрагистика, эпиграфика. 2-е изд. Тверь: Октябрь.
- Большаков А. М. (1923б). Вспомогательные исторические дисциплины: антропология, палеография, сфрагистика, геральдика, нумизматика, дипломатика, метрология, хронология, историческая география, архивоведение. 3-е изд. перераб. и доп. Петроград: Госуд. трест «Петропечат».
- Большаков А. М. (1923с). Лекции по русской истории: введение в изучение истории. М.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М. (1924а). Вспомогательные исторические дисциплины: антропология, археология, первобытная и бытовая, палеография, эпиграфика, сфрагистика, нумизматика, геральдика, генеалогия, метрология, хронология, историческая география, языковедение, дипломатика, библиотековедение, архивоведение, историография. 4-е изд. заново перераб. и знач. доп., с рис. и табл. Л.: Изд-во П. П. Сойкина.
- Большаков А. М. (1924б). Советская деревня (1917–1924): экономика и быт. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».
- Большаков А. М. (1925а). Советская деревня (1917–1925): экономика и быт. 2-е изд. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».

- Большаков А. М. (1925b). Современная деревня в цифрах: Экономика и разнообразный быт деревни за революционный период. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».
- Большаков А. М. (1925c). Деревня после Октября. Л.: Прибой.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1925a). Хрестоматия по истории хозяйства России / С прилож. 5-ти исторических карт, составленных К. В. Кудряшовым. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1925b). Хрестоматия по истории хозяйства России / С прилож. 6-ти исторических карт, составленных К. В. Кудряшовым. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1925c). Хрестоматия по истории хозяйства России. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1926a). История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 1. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1926b). История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 2 / 2-е изд. исправ. и доп.; С приложением 5-ти исторических карт, составленных К. В. Кудряшовым. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М., Рожков Н. А. (1926c). История хозяйства России в материалах и документах. Вып. 3: 1905–1925 гг. Л.: Гос. изд-во.
- Большаков А. М. (1927). Деревня 1917–1927 / Предисл. М. И. Калинина, С. Ф. Ольденбурга. М.: Работник просвещения.
- Большаков А. М. (1928). Очерки деревни СССР, 1917–1927. М.: Работник просвещения.
- Большаков А. М. (1929). Введение в краеведение / Предисл. С. Ф. Ольденбурга. Л.: Рабочее изд-во «Прибой».
- Большаков А. М. (1930). Краеведческое изучение деревни. М.: Работник просвещения.
- Большаков А. М. (1930). Коммуна «Кудрово» / Всесоюз. добровольное об-во пролет. туризма и экскурсий «ОПТЭ»; Экскурсии по повышению квалификации и обмена опытом по социалист. переустройству деревни. Л.: Тип. Облфо им. Котлякова.
- Картавцев В. В. (2020). Лучший селф-хелп для наших времен: о «Бредовой работе» Дэвида Гребера // Горький. 8 октября. [Электронный ресурс] <<https://gorky.media/reviews/luchshij-self-help-dlya-nashih-vremen-o-bredovoj-rabote-devida-grebera/>> (дата обращения: 11.10.2023).
- Кочешков Г. Н. (2008). Теоретико-методологические взгляды Н. А. Рожкова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ.
- Кукушкина Е. И. (2014). Большаков Антон Михайлович // Социологи России. История социологии в лицах: библиографический справочник / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана. С. 54–55.
- Рожков Н. А. (1905). Обзор русской истории с социологической точки зрения. Ч. 1. 2-е изд. М.: Изд-во И. К. Шамова.
- Рожков Н. А. (1913). Город и деревня в русской истории: Краткий очерк экономической истории России. 3-е изд., доп. СПб.: Тип. и перепл. «Виктория».
- Цветкова Г. А. (2016). О деревенской самобытности: забытое, но очень важное исследование 1920-х годов // Социологические исследования. № 12. С. 114–122.

Peasant son Anton Bolshakov (1887–1941): A scientific obituary of the executed historian, sociologist and local historian

Dmitry M. Rogozin, PhD (Sociology), Head of the Center for Field Research, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prechistenskaya Nab., 11, bldg. 1, Moscow, 119034, Russia. E-mail: rogozin@ranepa.ru

Abstract. The article presents a scientific biography of the outstanding Russian historian, sociologist and local historian Anton Mikhailovich Bolshakov (1887–1941). The author outlines the milestones of his scientific career: from historical research to the ethnographic and local-historical descriptions of the Soviet village. The most fruitful,

productive period of his scientific activity was in the 1920s, when the NEP provided new opportunities not only for entrepreneurs but also for researchers and activists — to realize their intentions and strengths. Despite poverty, censorship and partisanship of the mass media and science, the 1920s were a golden time for the Soviet humanitarian thought and social research. The article identifies three most important directions in Bolshakov's scientific work: (1) expansion of historical knowledge through the systematic development of related disciplines; (2) promotion of economic history as a collection of documents, statistical analysis and observations; (3) development of rural sociology as a regular observation of the peasantry's life. Despite attempts to adapt to the Soviet regime's demands for control and supervision, Bolshakov failed to avoid repression, and he realized the tragedy and ambiguity of his situation. On March 6, 1939, he was arrested, convicted by the Military Collegium of the Supreme Court of the Soviet Union on charges of participation in the counter-revolutionary terrorist organization, sentenced to death on July 9, 1941, and executed on July 27, 1941. Bolshakov was rehabilitated on September 1, 1956, by the decision of the Military Collegium of the Supreme Court of the Soviet Union 15 years later.

Key words: history of the Russian sociology of the 1920s, historical sociology, peasant studies, rural sociology, economic history

References

- Andreev N. (1925) *K voprosu o ponimanii zakonomernosti v istorii: sotsiologichesky etyud* [On Understanding of Regularity in History: A Sociological Essay], Moscow: Izd-vo "Kniga".
- Bolshakov A. (1913a) *Lunnaya sonata: piesa v 4-h dejstviyah* [Moonlight Sonata: A Play in 4 Acts], Saint Petersburg: Tipografiya "Gramotnost".
- Bolshakov A. (1913b) *Etyud v zashchitu pessimizma* [An Essay in Defense of Pessimism], Saint Petersburg: Tipografiya "Gramotnost".
- Bolshakov A. M. (1922a) *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History], Tver: Tverskoe izd-vo.
- Bolshakov A. M. (1922b) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], Tver: Tverskoe izd-vo.
- Bolshakov A. M. (1923a) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], 2nd ed., Tver: Oktyabr.
- Bolshakov A. M. (1923b) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], 3rd ed., Petrograd: Gostrest "Petropechat".
- Bolshakov A. M. (1923c) *Lektsii po russkoj istorii: vvedenie v izuchenie istorii* [Lectures on Russian History: An Introduction to the Study of History], Moscow: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M. (1924a) *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny: arheologiya, arhivovedenie, geografiya istoricheskaya, geraldika, diplomatika, metrologiya, numizmatika, paleografiya, sfragistika, epigrafika* [Auxiliary Historical Disciplines: Archaeology, Archival

- Science, Historical Geography, Heraldry, Diplomacy, Metrology, Numismatics, Paleography, Sphragistics, Epigraphy], 4th ed., Leningrad: Izd-vo P.P. Soikina.
- Bolshakov A. M. (1924b) *Sovetskaya derevnya (1917–1924): ekonomika i byt* [Soviet Village (1917–1924): Economy and Everyday Life], Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1925a) *Sovetskaya derevnya (1917–1924): ekonomika i byt* [Soviet Village (1917–1924): Economy and Everyday Life], 2nd ed., Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1925b) *Sovremennaya derevnya v tsifrah: Ekonomika i raznoobrazny byt derevni za revolyutsionny period* [Contemporary Village in Numbers: Economy and the Diverse Rural Everyday Life during the Revolutionary Period], Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1925c) *Derevnya posle Oktyabrya* [Village after the October], Leningrad: Priboj.
- Bolshakov A. M. (1927) *Derevnya 1917–1927* [Village in 1917–1927], Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Bolshakov A. M. (1928) *Ocherki derevni SSSR, 1917–1927* [Essays on the Village in the USSR, 1917–1927], Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Bolshakov A. M. (1929) *Vvedenie v kraevedenie* [Introduction to Local History], Leningrad: Rabochee izd-vo “Priboj”.
- Bolshakov A. M. (1930) *Kommuna “Kudrovo”/Vsesoyuznoe Dobrovolnoe obshchestvo proletarskogo turizma i ekskursij “OPTE”* [Commune “Kudrovo”/All-Union Voluntary Society of Proletarian Tourism and Excursions “OPTE”], Leningrad: Tip. Obfio im. Kotlyakova.
- Bolshakov A. M. (1930) *Kraevedcheskoe izuchenie derevni* [Local-Historical Study of the Village], Moscow: Rabotnik prosveshcheniya.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1925a) *Khrestomatiya po istorii khozyajstva Rossii s prilozheniy 5-ti istoricheskikh kart, sostavlennykh K. V. Kudryashovym* [Reader on the History of the Russian Economy with 5 Historical Maps Compiled by K. V. Kudryashov], Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1925b) *Khrestomatiya po istorii khozyajstva Rossii s prilozheniy 6-ti istoricheskikh kart, sostavlennykh K. V. Kudryashovym* [Reader on the History of the Russian Economy with 6 Historical Maps Compiled by K. V. Kudryashov], Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1925c) *Khrestomatiya po istorii khozyajstva Rossii* [Reader on the History of the Russian Economy], Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1926a) *Istoriya khozyajstva Rossii v materialah i dokumentah* [History of the Russian Economy in Materials and Documents], part 1, Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1926b) *Istoriya khozyajstva Rossii v materialah i dokumentah* [History of the Russian Economy in Materials and Documents], part 2, 2nd ed., Leningrad: Gos. izd-vo.
- Bolshakov A. M., Rozhkov N. A. (1926c) *Istoriya khozyajstva Rossii v materialah i dokumentah* [History of the Russian Economy in Materials and Documents], 3rd ed., Leningrad: Gos. izd-vo.
- Kartavtsev V. V. (2020) Luchshaya samopomoshch dlya nashih vremen: o “Bredovoj rabote” Davida Graebera [The best self-help for our times: about *Bullshit Jobs* by David Graeber]. October 8, 2020. URL: <https://gorky.media/reviews/luchshij-self-help-dlya-nashih-vremen-o-bredovoj-rabote-devida-grebera>.
- Kocheshkov G. N. (2008) *Teoretiko-metodologicheskie vzglyady N. A. Rozhkovy* [Theoretical-Methodological Ideas of N. A. Rozhkov], Yaroslavl: Izd-vo YAGPU.
- Kukushkina E. I. (2014) Bolshakov Anton Mikhailovich. *Sotsiologii Rossii. Istoriya sotsiologii v litsah: bibliografichesky spravochnik*, otv. red. Zh. T. Toshchenko, Moscow: Yuniti-Dana, pp. 54–55.
- Rozhkov N. A. (1905) *Obzor russkoj istorii s sotsiologicheskoy tochki zreniya* [Review of the Russian History in the Sociological Perspective], Moscow: Izd-vo I. K. Shamov.

- Rozhkov N. A. (1913) *Gorod i derevnya v russkoj istorii: Kratky ocherk ekonomicheskoj istorii Rossii* [City and Village in Russian History: A Brief Outline of the Economic History of Russia], Saint Petersburg: Tip. "Viktoriya".
- Tsvetkova G. A. (2016) O derevenskoj samobytnosti: zabytoe, no ochen vazhnoe issledovanie 1920-h godov [On wooden originality: A forgotten but very important study of the 1920s], *Sociologicheskie Issledovaniya*, no 12, pp. 114–122.

Д. М. Рогозин
Крестьянский сын
Антон Большаков
(1887–1941)...

Переселение крестьян на северо-восточный берег Черного моря в 1830–1850-е годы: водворение и землепользование¹

С. Н. Шаповалов

Сергей Николаевич Шаповалов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Кубанского государственного университета. 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. E-mail: shapovalovo7@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу переселения крестьян на северо-восточный берег Черного моря для освоения южных окраин Российской империи в первой половине XIX века. Основная цель — изучение особенностей обустройства крестьян в станицах Закубанского поселения в 1830–1850-х годах и их адаптации к местным условиям. В результате проведенного исследования установлено, что в Закубанском поселении властями был создан особый поселенческий тип — неказачьи станицы, населенные крестьянами из южных и центральных губерний и утратившими навыки военного дела малороссийскими казаками. Крестьянам здесь пришлось столкнуться с недостатком мест для водворения, ограниченным земельным фондом, нападениями со стороны горцев, участием в строительной деятельности для возведения новых населенных пунктов. Правительство оказывало им помощь в форме выдачи сельскохозяйственного инвентаря, оружия, денежных пособий, продовольствия и привлечения к несельскохозяйственным заработкам. После окончательного водворения в одной из неказачьих станиц в распоряжение крестьянам передавались огороды, пашни и сенокосы. Однако землепользование и хозяйство строго регламентировалось станичными властями в связи с постоянной военной опасностью.

Ключевые слова: Закубанское поселение, Анапа, неказачьи станицы, переселенцы, натухайцы, Черноморское казачье войско

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-46-62

Историография вопроса и постановка проблемы

В настоящее время среди исследователей наблюдается устойчивый интерес к изучению организованных переселений (крестьянских, казачьих, иностранных), происходивших на южных окраинах Российской империи в XVII–XIX веках. С. Л. Перечицкая полагает, что центральная власть стремилась такими методами предотвратить

-
1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-28-00330 «Заселение южных окраин Российской империи в XIX веке и проблемы землеустройства и межевания».

бегство крестьян и «поставить переселенческие потоки в контролируемые государством рамки» (Перечицкая, 2011: 68). Такой подход позволял избегать излишних диспропорций в заселении территорий, учитывать ландшафтные, климатические и этнические особенности местности. Как считает Л. Г. Степанова, «структура расселения в новых южных губерниях Российской империи формировалась постепенно с учетом уже имевшихся ранее на этой территории поселений и освоенной земли» (Степанова, 2020: 80).

Одной из южных окраин в XIX веке была территория Закубанского поселения, расположенного на северо-восточном берегу Черного моря. Его особенностью можно считать не только небезопасное пограничное положение, но и необходимость присутствия постоянного мирного населения для постепенной интеграции этой территории в состав империи. Для демонстрации дружественных намерений местным адыгским народностям, занятым преимущественно сельским хозяйством и ремеслами, властями был избран путь основания особых поселений — неказачьих станиц, населяемых крестьянами. Осмысление такой формы организованного переселения требует углубленного изучения.

Научный интерес к изучению заселения и освоения территории Закубанского поселения проявляли еще дореволюционные исследователи. Так, известный общественный деятель и ученый Ф. А. Щербина писал о строительстве первых станиц Закубанского поселения и военной опасности со стороны горцев (Щербина, 2014: 444–445). В то же время коллежский советник В. А. Новицкий в своей статье сообщал о некоторых особенностях внутреннего устройства станиц и статистические сведения о численности поселенцев (Новицкий, 1853: 14–44).

В советской историографии Закубанское поселение не было объектом пристального научного интереса, лишь в отдельных трудах (например: Покровский, 1989: 250) эти территории упоминаются применительно к периоду Крымской войны.

В современной отечественной историографии большинство исследований изучаемой территории, в частности Северо-Западного Кавказа, в 1830–1850-е годы посвящены этническому аспекту: адыгским народностям (Кудаева, 2014; Чирг, 2002; Панеш, 2006; и др.), черноморским казакам (Скибицкая, 2010; и др.) и малороссийским переселенцам (Сазонова, 2008; Федина, 2022).

Несмотря на многочисленные упоминания Закубанского поселения в исследованиях как дореволюционных, так и современных ученых, вопрос системного изучения указанной территории и ее населения остается открытым. Не освещены процессы перемещения, обустройства, жизнедеятельность мирного крестьянского населения. В связи с этим цель данного исследования — изучение особенностей обустройства крестьян в неказачьих станицах Закубанского поселения в 1830–1850-е годы и их адаптации к местным условиям. Для этого требуется охарактеризовать специфику

водворения крестьянского населения; проанализировать государственную поддержку переселенцев на новых местах; выявить особенности крестьянского землепользования; определить источники неземледельческих доходов.

Локализация Закубанского поселения

Появление Закубанского поселения на северо-восточном берегу Черного моря было обусловлено как внешне-, так и внутривосточными обстоятельствами. Успешное окончание Русско-турецкой войны 1828–1829 годов и заключение Адрианопольского мирного договора позволили Российской империи юридически закрепить за собой восточный берег Черного моря от устья реки Кубани до русско-турецкой границы в окрестностях Батума. Однако проживавшее здесь автохтонное население не считало себя подданными султана. Поэтому, как отмечает С. Г. Кудяева, «утверждение власти России было возможно только в жесткой борьбе с адыгями — хозяевами этой земли» (Кудяева, 2012: 64).

Для закрепления новоприобретенных земель российские власти приступили к возведению укреплений Черноморской береговой линии, протянувшейся от поста на Бугазской переправе до пристани Св. Николая. В течение нескольких лет были построены Геленджикское и Навагинское укрепления, а между ними — еще около десятка военных сооружений (Ратушняк, 2012: 96).

Военное укрепление черноморского побережья за Россией еще не означало включение этих земель в правовое, социальное и экономическое пространство империи. С этой задачей могло справиться только гражданское население. Неспособность российских властей договориться с местными народностями об условиях их вхождения в состав государства привела к появлению различных проектов освоения и заселения северо-восточного берега Черного моря крестьянским и казачьим населением.

Наиболее жизнеспособным из них стал проект заселения крепости Анапы и ее окрестностей, интерес к которому проявили малороссийские казаки и жители южных и центральных губерний Российской империи. С начала 1830-х годов здесь было создано Анапское поселение, получившее позднее наименование Закубанского. Как признавал начальник штаба Черноморской береговой линии полковник Н. И. Карлгоф, учреждение Закубанского поселения было вызвано стратегическими соображениями: «Поселение это учреждено по общему предположению на Кавказе стеснять горцев поселениями» (Военно-статистическое, 1853: 36).

Закубанское поселение основано в земле натухайцев. Его естественные границы — устье реки Кубань в месте ее впадения в Черное море, левый берег Кубани и крепость Анапа на черноморском побережье. Ближайшими соседями закубанских станиц были зем-

ли Черноморского казачьего войска, расположенные на правом берегу Кубани и за Бугазской переправой на Таманском полуострове, гарнизоны Черноморской береговой линии и натухайские аулы, вплотную прилегавшие к границам поселения.

На обширной территории Закубанского поселения за весь период его существования одновременно были не более пяти неказачьих станиц и около десятка небольших поселков, в которых проживали от одной до дюжины семей переселенцев. Главной причиной дальнейшего нераспространения населенных пунктов была неурегулированность отношений с натухайцами, которые владели всеми землями до появления здесь российских крестьян и малороссийских казаков.

Взаимоотношения жителей станиц Закубанского поселения с натухайцами и другими адыгскими народностями носили противоречивый характер. Периоды нападений со стороны горцев с пленением поселян, угона их скота и имущества сменялись временами длительных затиший и спокойствия. По мнению американского исследователя Томаса Барретта, такая специфика взаимоотношений была характерна для фронтальных территорий: «Российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание: оно было также и процессом образования “фронтара” — приграничной, порубежной зоны, включавшим внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседание на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» (Барретт, 2000: 165).

Переселение казаков и крестьян в Закубанское поселение

Заселение Анапы и ее окрестностей началось в 1832 году с прибытия на северо-восточный берег Черного моря первых переселенцев в количестве 134 семей малороссийских казаков, которые не знали военного дела и были способны только к земледельческим работам, то есть по своему образу жизни являлись крестьянами. Делами их расселения и обеспечения всем необходимым первоначально занимался Анапский строительный комитет. Правительство за свой счет снабдило переселенцев жильем (было возведено 63 дома), земледельческими орудиями, семенами для посева зерновых и огородных культур, рабочим скотом, ружьями и патронами, а также довольствием (Новицкий, 1853: 28).

В первые годы процесс причисления к закубанским поселянам носил хаотичный характер. Вместе с малороссийскими казаками, казенными крестьянами, мещанами, купцами и людьми разного звания сюда бежали крепостные и лица, не имевшие письменных видов на жительство (Федина, 2022: 34). Недостаток русскоязычного населения первоначально позволял чиновникам Анапского временного правления не вникать в биографию каждого переселенца, чем

иногда пользовались скрывавшиеся от правосудия. Прибыв на новое место, они изменяли свои имена, отчества, прозвания и даже приписывались к другому сословию (Сазонова, 2008: 76).

После исчерпания возможностей для водворения населения в Анапе власти стали более требовательно относиться к состоянию и происхождению переселенцев. С 13 августа 1835 года после высочайшего императорского повеления в закубанские поселяне перестали записывать бродяг. Теперь в случае их появления без документов в Анапе они подлежали отдаче в солдаты или военно-рабочие роты (Акты, 1881: 855).

Однако и после императорского запрета приток новых жителей и запись в закубанские поселяне продолжались. По мнению американского историка Дэвида Муна, такое положение объяснялось тем, что «в 1830-х и 1840-х гг. тысячи крестьян нелегально мигрировали из юго-восточных губерний России на Северный Кавказ в результате доходивших до них законодательных слухов о заселении края. Одни законы поощряли перемещение в регион представителей некрепостного населения, а другие противоречиво предусматривали переселение некоторых бродяг» (Moon, 1992: 23).

Обратный отъезд переселенцев, как правило, носил вынужденный характер. Основанием для этого была нехватка мест для поселения в самой Анапе или ее окрестностях, пожилой возраст и неимение семьи, принудительная депортация со стороны властей. Последняя мера применялась нечасто. Например, в 1837 году император Николай I приказал отыскать среди анапских переселенцев беглых из слободы Мамоновки дьячка и крестьян (Щербина, 2014: 445). В иных случаях помещики могли получить компенсацию за своих крестьян. Ее сумма в 1837 году составляла 250 руб. за лицо мужского пола и 100 руб. — женского (Акты, 1881: 877).

Неустроенность жизни переселенцев в Анапе побуждала представителей власти оказывать им различное содействие. Одной из его форм было выделение продовольствия для лиц обоего пола. Взрослому полагалась полная норма, а малолетнему — только половина. Границей между взрослостью и малолетством служил семилетний возраст². Продовольствие назначалось только до времени перехода семей переселенцев на самообеспечение.

Другой формой поддержки переселенцев стало выделение специальных сумм для покупки нуждавшимися зимней одежды. В 1836 году на эти цели было выделено 3000 руб. серебром (Акты, 1881: 853). Такая мера была направлена не только на сохранение здоровья закубанского поселянина, но и на предоставление ему возможности заняться промыслами за пределами Анапы в холодное зимнее время.

2. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 260. Оп. 2. Д. 81. Л. 3.

Помимо этого, правительство практиковало выдачу переселенцам денежных пособий, размер которых не был единым и зависел от места и времени перемещения в Закубанское поселение. В 1836 году поселянам на первоначальное обзаведение хозяйством было безвозмездно выделено 12 500 руб. ассигнациями (Новицкий, 1853: 34). В 1844 году жителям бывшего Богоявленского селения, водворившимся в станицу Николаевскую, было безвозмездно выделено по 54 руб. 50 коп. ассигнациями на семью. Еще 125 руб. они могли взять как беспроцентный кредит³.

Также переселенцы временно освобождались от уплаты различных налогов, сборов, воинского постоя, рекрутских наборов и прочих повинностей, кроме земских. Перечень льгот упоминался в «Положении о заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря»⁴.

Важным источником доходов для поселян оказались земельные наделы (огороды). Они предоставлялись переселенцам в Анапе в ограниченном количестве. Препятствием для наделения земель всех желающих был недостаток самой земли и военная опасность со стороны горцев. О постепенном преодолении этих затруднений писал в 1836 году коллежский ассессор С. В. Сафонов в обзоре восточного берега Черного моря: «В недавнем времени верстах в четырех от Анапы... выстроен редут. Это небольшое укрепление... совершенно обеспечивает от внезапных нападений горцев, позволяет жителям Анапы разводить огороды» (Сафонов, 1837: 6).

Увеличение свободных земель для раздачи переселенцам происходило за счет как распашки бывших лесных участков, так и захвата пашен и сенокосов, принадлежавших натухайским аулам. Последние разорялись русскими войсками в ответ на набеги и проявления какой-либо враждебности. Иногда число пострадавших аулов было достаточно велико. Исследователь С. Х. Хотко пишет о разорении в районе Анапы в одном только 1840 году порядка 50 натухайских аулов (Хотко, 2015: 117). Возможно, такое большое число объяснялось тем, что черкесы не укрепляли своих аулов и защищали их только при неожиданном нападении противника. В противном случае они заранее выселялись в горы и леса (Дубровин, 2015: 254).

Водворение переселенцев в Закубанском поселении

Хаотичность заселения Анапы и ее окрестностей уменьшилась после основания первых населенных пунктов. Таковыми стали не-

3. ГАКК. Ф. 260. Оп. 2. Д. 81. Л. 19.

4. О заселении и гражданском управлении северо-восточного берега Черного моря. 15 декабря 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 21. № 20707. С. 673.

казацьи станицы, в которых жили преимущественно крестьяне из Таврической, Воронежской, Харьковской, Саратовской губерний и малороссийские казаки. Выбор в качестве поселенческого типа именно станицы объяснялся военным положением края. В станицах располагались гарнизоны, представленные воинскими частями, служившими на Черноморской береговой линии, донские казаки и артиллерия. Вооружение имели и сами жители, но могли его использовать только для защиты своего населенного пункта или имущества во время полевых работ. Оборона станиц дополнялась различными земляными и деревянными укреплениями.

Строительство станиц пришлось на весну-лето 1836 года, тогда появились станицы Зеленая и Ново-Благовещенская. Выбор времени года был связан с сельскохозяйственным циклом работ. Переселенцы должны были успеть завести огороды на новом месте, скосить сено, распахать землю и засеять озимые хлеба. Выполнение земледельческих работ происходило одновременно с возведением домов, хозяйственных построек и оборонительных сооружений.

Колоссальный объем работы требовал от поселян предельной концентрации. Для их ускорения Анапское временное правление практиковало использование помощи со стороны всех переселенцев, желавших водвориться в одной из будущих станиц. Власти применяли и другие способы для скорейшего завершения всех работ. Так, в станице Зеленой в помощь водворяемым были направлены 100 солдат из военно-рабочей роты (Акты, 1881: 856). Последние получали ежедневную оплату от 10 до 20 коп. ассигнациями. Участие в общем деле рассматривалось как одна из форм исправления дурного поведения и проступков поселян, поэтому Анапское временное правление предписывало: «Можно послать на срочные работы от 7 до 14 дней тех поселян, которые дурно себя ведут, преданы разврату, пьянству, просрочивают билеты и вообще требуют мер исправления»⁵.

С появлением первых станиц в Закубанском поселении процесс водворения значительно улучшился. Теперь государственные крестьяне из внутренних российских губерний или малороссийские казаки, прежде чем переселяться в Анапу и окрестные станицы, подавали официальные прошения своим местным начальникам и интересовались наличием свободных для водворения мест. Так, крестьяне Богучарского уезда Воронежской губернии просили окружного начальника: «Буде очистится место в Анапе и станицах оных согласно изъявленного ими желанья поселить и перечислить их в настоящее место в Анапе, когда же будет им перечисление и исключение известить их для приготовления»⁶.

5. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 788. Оп. 1. Д. 70. Л. 14.

6. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 80б.

Такие официальные прошения оправдывались тем, что к началу 1840-х годов во всех станицах Закубанского поселения проживали приписанные к ним семьи. Ожидавшие своей очереди на водворение были вынуждены получать разрешение на временное размещение в земле Черноморского казачьего войска. По состоянию на 1 декабря 1841 года здесь находились 1529 переселенцев обоего пола⁷. Черноморцы стремились извлечь для себя максимальную выгоду, пользуясь неопределенным положением таких лиц (Бурькина, 2005: 21). Они сдавали переселенцам жилье, земельные угодья, пашни и места для выпаса скота: «Чтобы собрать 1 десятину земли, платят черноморцам по 10 руб. ассигнациями, за постой — по 3 руб. в месяц от хаты, сена дозволяется им косить только с 6-й копны»⁸.

Иначе происходило водворение лиц в Закубанском поселении, которые получили разрешение на размещение в одной из построенных станиц. При отборе поселян для водворения чиновники Анапского временного правления отдавали приоритет семейным и имевшим земледельческий инвентарь. После получения сообщения о приписке в одну из станиц переселенцы занимались имущественными и хозяйственными делами. Им нужно было позаботиться о сборе урожая на прежнем месте проживания и распродать часть ненужного имущества: различные хозяйственные пристройки, ограды и прочее⁹.

Разрешив свои имущественные вопросы, переселенцы направлялись в станицу для водворения. Здесь им предстояло возвести собственное жилье и хозяйственные постройки, позаботиться о запасах сена для скота. Материалами для строительства служили различные породы деревьев, камыш, ольха. Даже для основания одной станицы переселенцам требовалось заготовить большое число бревен. Так, на строительство домов в станице Зеленой было вырублено до 2000 деревьев (Акты, 1881: 856). Первоначально в лесных предместьях Анапы хватало необходимого для строительства леса: дубов, ясеней, малого вяза, сосен и других деревьев (Скорик, Федина, 2022: 687). Однако их бесконтрольная вырубка быстро привела к образовавшемуся дефициту полезных пород древесины уже во второй половине 1830-х годов. Коллежский асессор Сафонов сообщал в 1836 году о вырубке анапского леса на расстоянии 15 верст для защиты от нападений горцев (Сафонов, 1837: 6). Лесные угодья также использовались для заготовления дров.

К началу 1840-х годов территория Закубанского поселения практически полностью была лишена лесной растительности. Исключение составляли станичные сады, в которых произрастали фруктовые деревья, а также левый берег Кубани, покрытый зарослями вербы. О недостатке местных строительных материалов

7. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

8. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 7. Л. 38об.

9. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 11. Л. 8об.

писал в эти годы начальник Черноморской береговой линии генерал-майор А. И. Будберг: «По берегу Кубани растет верба, высокая и толстая... По совершенному безлесью сего края эта верба составляет единственный строительный материал для Закубанского поселения»¹⁰.

Пока мужская часть переселенцев была занята заготовлением древесины для будущих построек, женщины и дети занимались устройством огородов, которые должны были кормить поселян до сбора урожая зерновых. Все огороды размещались на территории станицы и были защищены ее укреплениями от нападений горцев. На огородах высаживали зелень, картофель, фасоль, горох, капусту, буряки (свеклу), морковь, лук, редьку, огурцы, дыни и арбузы. Даже в засушливый период поселяне на огородах собирали урожай, который не только удовлетворял их потребности, но и приносил излишки. Последние продавались торговцам в Анапе. Наибольший доход с огородов приносили бахчевые культуры¹¹.

Землепользование и организация сельскохозяйственных работ в станицах Закубанского поселения

Станичные огороды играли вспомогательную роль. Основным источником дохода для жителей Закубанского поселения являлись пашни, на которых выращивались озимые и яровые хлеба. Их размер не позволял заниматься полевыми работами в пределах своей станицы. Все сенокосы, пашни и места для выпаса скота находились в окрестностях. Часть используемых жителями земель передавалась под сенокосы войскам местного гарнизона, которые заготавливали сено для конных частей и рабочих волов. Совокупный размер земельных владений станиц не был регламентирован и зависел от конкретных обстоятельств: особенностей расположения поселения (водоемы, балки, курганы), возможностей гарнизонов для прикрытия полевых работ, соседства с натухайскими аулами и их земельными владениями.

В мае 1843 года начальник линии А. И. Будберг попытался упорядочить землепользование жителей станиц Закубанского поселения: «До сих пор Закубанские наши поселяне в станицах Витязевой и Николаевской ничем не ограничены в занятии земель, как для пастбищ своего скота, так и для покосов и хлебопашества»¹². Он полагал, что необходимо найти такое решение в сложившейся ситуации, которое удовлетворяло бы трем условиям. Во-первых, жители Закубанского поселения должны быть обеспечены всеми необходимыми земельными наделами. Во-вторых, следовало уста-

10. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 29. Л. 17об.

11. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 75. Л. 10.

12. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

новить предел занятия земель натухайцев под нужды станиц Закубанского поселения. В-третьих, натухайцы должны были иметь представления о точных границах и пределах роста Закубанского поселения: «Каким бы образом ограничить закубанских поселян в занятии земли натухайцев с тем, чтобы они не нуждались в выгонах для скота, в сенокосах и пахотных полях, но чтобы выгоны эти, сенокосы и поля были постоянно определены...»¹³.

Намерение генерал-майора Будберга не было поддержано его подчиненными, которые полагали, что еще не настало время, когда можно точно установить пределы Закубанского поселения и урегулировать процессы землепользования как внутри самой территории, так и по отношению к натухайским аулам. Откладывание этого вопроса до «умиротворения» края привело к тому, что решение так и не было реализовано. После начала Крымской войны жители станиц Закубанского поселения были выведены на территорию земли Черноморского казачьего войска, а сами станицы разорены.

Полевые работы поселян в станицах были строго регламентированы и зависели не от календарного сельскохозяйственного цикла, а от военной обстановки в конкретный день недели. Решение о возможности проведения различных работ вне пределов станицы (рыхление почвы, посевы, жатва, сенокосы) принимал воинский начальник станицы. Он же отвечал за безопасность поселения и осуществлял охрану ее жителей¹⁴.

Для согласования военных инструкций и сельскохозяйственных надобностей поселян станичное правление каждый вечер передавало воинскому начальнику информацию о месте и характере предполагаемых полевых работ. Ранним утром из станицы отправлялись разезды на проверку (открытие) полей для безопасных работ. К 8–9 часам утра они возвращались и сообщали воинскому начальнику о положении дел в окрестностях станицы. На основании докладов командиров нескольких разездов принималось решение о безопасности проведения полевых работ или об изменении запланированного места. В случае близости неприятеля воинский начальник мог совсем запретить проводить полевые работы. Тогда поселяне оставались в станице и занимались своими огородами, которые также требовали постоянного ухода.

При разрешении воинского начальника проводить полевые работы из станицы выходили все взрослые и дети. Последние выполняли посильную работу согласно их возрасту. Поселяне брали с собой инвентарь, оружие, рабочий и продуктивный скот, провиант и запасы питьевой воды. Все тяжелые инструменты и вещи складывались в повозки, которые все время находились в местах проведения полевых работ. При появлении горцев повозки играли роль военно-полевых укреплений (вагенбургов).

13. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 20. Л. 106.

14. ГАКК. Ф. 26с. Оп. 1. Д. 1613. Л. 406.

Для обеспечения безопасности этих степных колесных поездов воинский начальник всегда выделял специальный отряд прикрытия. Его численность зависела от военных возможностей каждой станицы. В такой отряд обязательно включались конные казаки, пехота и полевое орудие. Во главе отряда прикрытия находился один из станичных офицеров. На время проведения полевых работ именно он превращался в главного начальника для военных¹⁵.

Даже самые подробные инструкции, имевшиеся в распоряжении воинского начальника станицы, не могли гарантировать совершенную безопасность поселян во время полевых работ. Так, при нападении горцев 6 июня 1853 года на поселян станицы Суворовской ее начальник исполнил все пункты инструкции, а отвечавший за прикрытия полевых работ есаул не выполнил прямой приказ, проявил нерешительность при защите поселян от внезапного нападения горцев, результатом чего стала гибель троих поселян, пленение четырех мужчин и шести женщин, потеря 16 рабочих волов¹⁶.

Постоянная угроза нападения со стороны горцев предопределила и особенности осуществления полевых работ. Поселяне должны были обрабатывать участки, входившие в открытое утренними разъездами пространство. По возможности они должны были держаться близко к охранявшему их отряду, транспортным повозкам и друг другу. При появлении условленных сигналов в виде выстрела из ружья или орудия они должны были вместе со своим имуществом и членами семьи спешить под защиту вагенбурга, где они использовали оружие для самообороны.

Возвращение с полевых работ, как правило, осуществлялось до захода солнца и сопровождалось соблюдением мер предосторожности. Транспортные повозки, рабочий и хозяйственный скот и сами поселяне вытягивались в прямую линию, которая была защищена отрядом прикрытия со всех возможных сторон от внезапных нападений горцев: «Возвращение поселян с работ и скота с пастбища в станицу подчиняется тем же правилам военной предосторожности. По барабану или сигналу. Все это собирается и следует в колонном порядке под прикрытием в станицу»¹⁷.

Только оказавшись за стенами станицы, все участники полевых работ наконец могли почувствовать себя в безопасности. Они отводили весь скот в загоны, раскладывали инвентарь и убирали в надежное место оружие. После поселяне нуждались со станичным правлением и указывали на те поля, которые нуждались в обработке в первую очередь. С наступлением нового дня происходило повторение всей процедуры отправления на полевые работы.

15. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1613. Л. 130б.

16. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1650. Л. 60б.

17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1613. Л. 150б.

Деятельность поселян не ограничивалась занятием сельским хозяйством. Постоянный приток переселенцев в Закубанское поселение вызывал потребность в рабочей силе. Анапское временное правление и начальник Черноморской береговой линии стремились завершать основание новой станицы или расширение площади, уже заселенной в течение нескольких месяцев текущего года. Такой подход требовал участия всего закубанского населения. Поэтому в 1840-е годы получила распространение практика привлечения поселян для оказания посильной помощи вновь водворяемым в станицах. Она могла быть выражена в форме рытья рва, насыпи вала, заготовки, сплава и разгрузки дров, сбора камыша и других полезных материалов, возведения домов и хозяйственных построек, предоставления подвод для доставки материалов.

Основная часть поселян закубанских станиц участвовала в водворении новых жителей в течение строго регламентированного времени или заранее определенного объема работ. По их завершении поселяне могли возвращаться к своим неотложным полевым работам. Исключением были неводворенные жители, одинокие и лица, имевшие различные проступки и отличавшиеся дурным поведением. Их прикомандирование к возводимым или расширявшимся станицам было бессрочным и завершалось только после успешного окончания всех запланированных работ. Для поощрения участвовавших в строительных работах поселян Анапское временное правление могло выделять денежные средства из своих особых фондов. Распределение денег происходило сообразно выполненному объему работы.

Вспомогательную роль в жизни поселян играли различные промыслы. Их разнообразие и доходность зависели от места расположения станицы, спроса на производимую продукцию или оказываемую услугу. Сложности с окончательным водворением вынуждали переселенцев заниматься различной неземледельческой деятельностью. Часть из них промышляла извозом между Анапой и Бугазом, где располагалась переправа на Таманский полуостров. Отсюда завозились почта, провиант, различные товары и прибывали новые переселенцы со своим имуществом. Другие жители занимались мелкой торговлей в Анапе. Важным источником доходов была рыбная ловля в Кизилташском лимане и прочих водоемах. Среди наиболее распространенных ремесел можно выделить плотницкую и кузнечную деятельность, портняжничество, выделку кож и овчин, производство глиняной посуды, обжиг кирпича, ломку камня, извоз и доставку вещей¹⁸.

18. РГВИА. Ф. 788. Оп. 1. Д. 75. Л. 19.

ИСТОРИЯ

Привлечение крестьянского сельскохозяйственного населения на северо-восточный берег Черного моря, где было создано Закубанское поселение, являлось частью правительственной политики по мирному включению проживавших на этой территории адыгских народностей в состав империи. С этой целью происходило основание особых типов поселений — неказачьих станиц, жителями которых являлись утратившие навыки военного дела малороссийские казаки и крестьяне из южных и центральных губерний. Своим личным примером они должны были демонстрировать все преимущества мирного вхождения в состав империи и одновременно служить опорой властей в деле освоения новоприобретенных территорий.

Некоторая поспешность властей в решении этих вопросов привела к возникновению целого ряда трудностей, которые серьезно усложнили процесс адаптации крестьянских переселенцев к местным условиям. Важнейшими из них были нехватка домов для размещения прибывших, недостаток продовольственных запасов, ограниченный земельный фонд, хронический недостаток мест для водворения в неказачьих станицах, немирное состояние края, вынуждавшее переселенцев иметь в своем хозяйстве не только скот, сельскохозяйственный инструмент, но и огнестрельное оружие и патроны.

Частичное преодоление указанных трудностей достигалось благодаря помощи переселенцам со стороны властей, которая выражалась в выделении семенного фонда, необходимого инвентаря, вооружения, возмездных и безвозмездных денежных пособий, участков для разведения огородов. Специфической формой помощи была выдача билетов на право проживания и работы в Земле Черноморского казачьего войска до окончательного водворения в одном из населенных пунктов поселения.

Последнее совершенно не означало наступления мирной и беззаботной жизни для крестьянского населения. Наоборот, после окончательного водворения вся их последующая деятельность регламентировалась и подчинялась как интересам конкретной станицы, так и всего поселения в целом. Помимо полевых работ, водворенные жители активно участвовали в обустройстве новых населенных пунктов, осуществляли ремонт и поддерживали обороноспособность своего поселения. Эти и другие работы составляли несельскохозяйственные источники доходов для населения, которые играли второстепенную роль в их жизнедеятельности.

В распоряжение водворенных крестьянских семей передавались огороды, пашни и сенокосы. Однако землепользование и земледелие строго регламентировались воинскими станичными начальниками, которые на основании военного положения края определяли местоположение, продолжительность и интенсивность полевых работ, соизмеряя их с безопасностью местных жителей. Такие меры,

безусловно, оказывали негативное влияние на качество производимых сельскохозяйственных работ.

Населенные пункты Закубанского поселения и их жители не стали инструментом мирного включения проживавших на этой территории адыгских народностей в состав Российской империи. Такое положение стало результатом поспешной и недостаточно продуманной политики властей, которая вынуждала крестьянских переселенцев тратить ресурсы и время не столько на развитие хозяйства и обеспечение материального благополучия, сколько на ожидание своей очереди на водворение и последующую адаптацию к военным условиям края.

Библиография

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (1881). Архив Главного управления наместника кавказского: в 12 т. / Под ред. ст. сов. Ад. Берже. Т. 8. Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского.
- Баррет Т. М.* (2000). Линии неопределенности: Северокавказский «фронт» России // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара: Самарский университет.
- Бурыкина Л. В.* (2005). Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20–50-е гг. XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. № 4. С. 20–22.
- Военно-статистическое обозрение Российской империи (1853). В 17 т. Т. 16. Ч. 10: Восточный берег Черного моря. СПб.: Типография Департамента Генерального штаба.
- Дубровин Н. Ф.* (2015). Кавказ и народы, его населяющие. Книга I. Кавказ. М.: Кучково поле, Горные технологии.
- Кудаева С. Г.* (2012). Северо-Западный Кавказ и адыги (черкесы) в контексте геополитических интересов противоборствующих держав (конец 20-х — начало 40-х гг. XIX в.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 2. С. 63–74.
- Кудаева С. Г.* (2014). Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. Майкоп: Магарин О. Г.
- Новицкий В.* (1853). Анапа и Закубанские поселения (с картою) // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества: в 30 книгах. Кн. 2. Тифлис: Типография Канцелярии наместника кавказского.
- Панеш А. Д.* (2006). Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп: Адыгея.
- Перечицкая С. Л.* (2011). Заселение Юга Российской империи в последней четверти XVI–II в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 9 (63). С. 66–69.
- Сафонов С. В.* (1837). Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. Одесса: Городская типография.
- Покровский М. В.* (1989). Из истории адыгов в конце XVIII — первой половине XIX века: социально-экономические очерки. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.
- Ратушняк В. Н.* (2020). Кубанские исторические хроники. Малоизвестное об известном: очерки. Краснодар: Перспективы образования.
- Сазонова С. Е.* (2008). История заселения Анапского района украинскими переселенцами (30–60-е гг. XIX века) // Культурная жизнь Юга России. № 3. С. 75–78.

- Скибицкая И. М. (2010). Проблемы русской колонизации Закубанья на заключительном этапе Кавказской войны (1860–1864 гг.) // Культурная жизнь Юга России. № 1. С. 60–63.
- Скорик А. П., Федина И. М. (2022). Кубанские курени и станицы. Повседневный переселенческий уклад кубанских казаков и исторические формы поселений на Кубани в конце XVIII — первой трети XX века. Новочеркасск: Лик.
- Степанова Л. Г. (2020). Освоение южных территорий Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в.: структурно-формирующие факторы расселения // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020 год: Социальный мир деревни X–XXI вв.: земельные собственники/землевладельцы и земледельцы / Отв. ред. А. А. Горский, В. В. Кондрашин. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга». С. 72–81.
- Федина И. М. (2022). Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: российский опыт региональной политики XIX столетия. Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Хотко С. Х. (2015). Открытие Черкесии. Картографические источники XIV–XIX вв. Майкоп: Полиграф-ЮГ.
- Чирг А. Ю. (2002). Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII (60-е гг.) — XIX в.). Майкоп: Качество.
- Щербина Ф. А. (2014). История Кубанского казачьего войска. М.: Вече.
- Moore D. (1992). Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society). Palgrave Macmillan, 1992.

Peasant resettlement to the North-Eastern coast of the Black Sea in the 1830s — 1850s: Settlement and land use

Sergey N. Shapovalov, PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History, Kuban State University. Stavropolskaya St., 149, Krasnodar, 350040. E-mail: shapovalov07@gmail.com

Abstract. The article considers the peasant resettlement to the southern outskirts of the Russian Empire in the first half of the 19th century. The author focuses on the features of the peasant rural settlement in Trans-Kuban in the 1830s–1850s and on the peasants' adaptation to local conditions. The article describes a special settlement type created by the authorities in this region — non-Cossack villages with peasants from southern and central provinces, which suffered from the permanent lack of places for accommodation, limited land fund, highlanders' attacks, and forced construction of new villages. The government provided the peasantry with agricultural implements, weapons, cash benefits, food and possibilities for non-agricultural earnings. After the final settlement of the non-Cossack villages, gardens, arable land and hayfields were transferred to their disposal. However, land use and farming were strictly regulated by the village authorities due to the constant military danger.

Key words: Trans-Kuban settlement, Anapa, non-Cossack villages, settlers, Natukhai, Black Sea Cossack army

References

- Akty, sobrannyye Kavkazskoy akhrheograficheskoy komissiej (1881) Arkhiv Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo: v 12 t.* [Acts Collected by the Caucasian Archaeograph-

- ic Commission, Archive of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus: in 12 vols.], vol. 8, Tiflis: Tipografiya GUNK.
- Barret T. M. (2000) Linii neopredelennosti: Severokavkazsky "frontier" Rossii [Uncertainty line: The North Caucasian "frontier" of Russia], *Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednih let. Imperatorsky period*, Samara: SU, pp. 163–194.
- Burykina L. V. (2005) Krestnyanskaya migratsiya na Severo-Zapadny Kavkaz v 20-e — 50-e gg. XIX v. [Peasant migration to the North-Western Caucasus in the 1820s — 1850s], *Vestnik AGU*, no 4, pp. 20–22.
- Chirg A.Yu. (2002) *Razvitiye obshchestvenno-politicheskogo stroya adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza (konets XVIII — 60-e gg. XIX v.)* [Development of the Social-Political System of the Circassians in the North-Western Caucasus (Late 18th — 1860s)], Maykop: Kachestvo.
- Dubrovin N. F. (2015) *Kavkaz i narody, ego naselyayushchie. T. 1: Kavkaz* [Caucasus and Its Peoples, vol. 1: Caucasus], Moscow: Kuchkovo pole, Gornye tekhnologii.
- Fedina I. M. (2022) *Poselencheskoe miromodelirovanie Vostochnogo Prichernomoriya: rossiysky opyt regionalnoy politiki XIX stoletiya* [Settlement World-Modeling of the Eastern Black Sea Region: A Russian Case of the Regional Policy in the 19th Century], Krasnodar: KGU.
- Khotko S.Kh. (2015) *Otkrytie Cherkesii. Kartograficheskie istochniki XIV – XIX vv.* [Discovery of Circassia. Cartographic Sources of the 14th — 19th Centuries], Maykop: Polygraf-Yug.
- Kudaeva S. G. (2012) Severo-Zapadny Kavkaz i adygi (cherkesy) v kontekste geopoliticheskikh interesov protivoborstvuyushchih derzhav (konets 20-h – nachalo 40-h gg. XIX v.) [North-Western Caucasus and Circassians in the context of the geopolitical interests of the opposing powers (late 1820s — early 1840s)]. *Vestnik AGU. Seriya 1: Regionovedenie. Filosofiya, Istoriya, Sotsiologiya, Yurisprudentsiya, Politologiya, Kulturologiya*, no 2, pp. 63–74.
- Kudaeva S. G. (2014) *Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskego obshchestva* [Circassians of the North-Western Caucasus in the 19th Century: Transformation and Differentiation of the Adyghe Society], Maykop: Magarin O. G.
- Moon D. (1992) *Russian Peasants and Tsarist Legislation on the Eve of Reform: Interaction between Peasants and Officialdom, 1825–1855 (Studies in Soviet History and Society)*, Palgrave Macmillan.
- Novitsky V. (1853) Anapa i Zakubanskie poseleniya (s kartoyu) [Anapa and Trans-Kuban settlements (with map)], *Zapiski Kavkazskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*, Tiflis: Tip. Kantselyarii Namestnika Kavkazskogo.
- Panesh A. D. (2006) *Myuridizm i borba adygov Severo-Zapadnogo Kavkaza za nezavisimost (1829–1864 gg.)* [Muridism and the Struggle of the Circassians of the North-Western Caucasus for Independence (1829–1864)], Maykop: Adygea.
- Perechitskaya S. L. (2011) Zaseleniye Yuga Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII v. [Settlement in the South of the Russian Empire in the last quarter of the 18th century]. *Izvestiya VGPU*, no 9, pp. 66–69.
- Pokrovsky M. V. (1989) *Iz istorii adygov v kontse XVIII – pervoy polovine XIX veka: sotsialno-ekonomicheskie ocherki* [From the History of the Circassians at the End of the 18th — first half of the 19th Century: Social-Economic Essays], Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo.
- Ratushnyak V. N. (2020) *Kubanskije istoricheskie khroniki. Malozvestnoe ob izvestnom: ocherki* [Kuban Historical Chronicles. Little-Known about the Famous: Essays], Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya.
- Safonov S. V. (1837) *Poezdka k vostochnym beregam Chernogo morya na korvette Iphigenia v 1836 godu* [A Trip to the Eastern Shores of the Black Sea on the Corvette Iphigenia in 1836], Odessa: Gorodskaya tip.

С. Н. Шановалов
Переселение крестьян на северо-восточный берег Черного моря в 1830–1850-е годы

- Sazonova S. E. (2008) Istoriya zaseleniya Anapskogo rayona ukrainskimi pereselentsami (30–60-e gody XIX veka) [History of the Ukrainian settlement in the Anapa Region (1830s — 1860s)], *Kulturnaya Zhizn Yuga Rossii*, no 3, pp. 75–78.
- Shcherbina F. A. (2014) *Istoriya Kubanskogo kazachiego voyska* [History of the Kuban Cossack Army], Moscow: Veche.
- Skibitskaya I. M. (2010) Problemy russkoy kolonizatsii Zakubaniya na zaklyuchitelnom etape Kavkazskoy voyny (1860–1864 gg.) [Issues of the Russian colonization in the Trans-Kuban Region at the final stage of the Caucasian War (1860–1864)], *Kulturnaya Zhizn Yuga Rossii*, no 1, pp. 60–63.
- Skorik A. P., Fedina I. M. (2022) *Kubanskie kureni i stanitsy. Povsednevny pereselenchesky uklad kubanskih kazakov i istoricheskie formy poselenij na Kubani v kontse XVIII — pervoj treti XX vekov* [Kuban Kurens and Villages. Daily Life of the Kuban Cossack Settlers and Historical Forms of Settlements in the Kuban in the Late 18th — First Third of the 20th Century], Novocherkassk: Lik.
- Stepanova L. G. (2020) Osvoenie yuzhnyh territorij Rossijskoj imperii v kontse XVIII — pervoj polovine XIX v.: strukturno-formiruyushchie faktory rasseleniya [Colonization of the southern territories of the Russian Empire in the late 18th — first half of the 19th century: Structural-forming factors of settlement], *Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy*, Ed. by A. A. Gorsky, V. V. Kondrashin, Voronezh: “Nauchnaya kniga”, pp. 72–81.
- Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii (1853)* [Military-Statistical Review of the Russian Empire], vol. 16, part 10: Vostochny bereg Chernogo morya [Eastern coast of the Black Sea], Saint Petersburg: Tip. Departamenta Generalnogo Shtaba.

Крестьянские дети и подростки в аграрных выступлениях 1905–1907 годов¹

В. Б. Безгин

Владимир Борисович Безгин, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета. 392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5. E-mail: vladuka62@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению роли «поколения революционного перелома» — родившихся в 1890-е годы — в аграрном движении 1905–1907 годов. Источниковую базу статьи составили архивные документы и материалы периодической печати. На основе содержания губернаторских отчетов, полицейских рапортов, судебных хроник установлено присутствие детей и участие подростков в таких формах крестьянского протеста, как потрава помещичьих полей, разгром и поджог барских усадеб. О степени вовлеченности этой возрастной когорты в протестные действия крестьян свидетельствуют факты гибели и ранения сельских детей в ходе карательных акций, а также упоминания о противоправных действиях деревенских подростков в материалах следственных дел, судебных разбирательств и газетных заметках. Автором установлено, что если малолетние дети были наблюдателями происходящих событий, то сельские отроки, наряду со взрослыми крестьянами, играли в них активную роль, а порой выступали и в качестве зачинщиков беспорядков. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что участие детей и подростков в аграрном движении обусловлено характером коллективных действий общины и традиционным отношением крестьян к «чужой» собственности. Полученный подрастающим поколением села опыт крестьянского протеста впоследствии проявился в ходе «черного передела» 1917 года.

Ключевые слова: поколение революционного перелома, крестьянская революция 1902–1922 годов, крестьянство, сельская община, дети, подростки, социальный протест, погромы имений

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-63-77

Изучение феномена «поколения революционного перелома» невозможно без оценки участия его представителей в важнейших событиях отечественной истории, в частности, крестьянской революции 1902–1922 годов. Она, став завершающим этапом аграрного движения, во многом определила будущее развитие страны и судьбу сельского социума. Первым жизненным этапом для изучаемого поколения стало участие в аграрном протесте 1905–1907 годов. Крестьянское движение, начавшееся в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 году, к 1905 году охватило большую часть Европейской России. Наивысшего размаха оно достигло на территории Центрального Черноземья и Поволжья. Это обстоятельство определило географические границы исследования. Выбор в качестве объекта изучения сельских детей и подростков продиктован време-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

нем их рождения, а это — 1890-е годы. Таким образом, современниками данных событий могли быть представители «поколения революционного перелома», достигшие максимум семнадцатилетнего возраста. Ввиду того, что в изученных документах точный возраст участников аграрных выступлений указывался редко, к подросткам нами отнесена категория несовершеннолетних, то есть лица, не достигшие 21 года, времени призыва в армию. С учетом деревенских традиций возраст детства ограничен 14 годами, то есть наступлением времени отрочества, когда сельские подростки фактически становились полноценными работниками в крестьянском хозяйстве. В силу возраста степень участия детей и подростков в происходящих событиях была различна: если сельские дети были преимущественно наблюдателями, то деревенские подростки в ряде случаев играли в них активную роль.

Цель статьи состоит в том, чтобы исследовать период, когда изучаемая когорта только формировалась, и выяснить, какое влияние на подрастающее поколение российского села оказали протестные выступления 1905–1907 годов. Документальную основу работы, наряду с архивными материалами судов и полиции империи, составили статьи центральной и губернской печати. Именно в репортажах с мест их авторы чаще всего упоминали об участии в погромах барских имений деревенских детей и подростков. Реже они фигурировали в полицейских рапортах и материалах следствия. В качестве обвиняемых в силу возраста их не привлекали, поэтому если они и участвовали в судебном разбирательстве, то лишь как свидетели.

Методологическую основу работы составила концепция крестьянской революции 1902–1922 годов (Данилов, 1996; Шанин, 1997), получившая в последующие годы убедительное документальное и теоретическое обоснование (Кондрашин, 2008: 85–89). Были учтены выводы, содержащиеся в современных работах специалистов в области аграрного движения (Безгин, 2017: 20–27; Шорников, 2022: 44–54) и истории поколений (Вязинкин, 2022: 153–165; Вязинкин, Якимов, 2023: 402–417).

Участники

Вовлеченность подрастающего поколения села в различные формы аграрного протеста была predeterminedена ролью общины в жизни русской деревни. Именно она выступала главным механизмом и организационным ресурсом аграрного движения (Кондрашин, 2020: 199). С этим утверждением солидарны и другие современные исследователи (Кабытов, 2021: 237; Варфоломеев, 2022: 144). Протестные выступления 1905–1907 годов в российском селе носили массовый характер. По данным В. В. Кондрашина, непосредственное участие в активных формах протеста (захват земли, сенокосов, лугов, разгром помещичьих и частновладельческих имений, коллективные по-

рубки леса и т.п.) приняли в среднем от 20 до 30% сельского населения (Кондрашин, 2020: 198).

Решения о погромах барских имений принимались крестьянами на сходах, что подтверждается как наблюдением современников, так и содержанием полицейских отчетов. Исходя из общинных традиций российской деревни, реализация приговора, требующего коллективных действий, предполагала поголовное участие односельчан. Это объясняет присутствие детей и подростков в толпе, осуществлявшей разорение владельческой экономии. Вот как описывает алгоритм погрома и его участников современник: «Раздавался набат в церковный колокол, набиралась толпа, вооружившись кольями, двигалась к намеченному имению, за ней следовали подводы с бабами и подростками, и все это двигалось с криками, гиканьем и шумом» (Перепелицын, 2013: 123). Присутствие детей в числе погромщиков отмечено и в материалах следственных дел. Например, в Севском уезде Орловской губернии 20 февраля 1905 года около 11 часов вечера к Георгиевскому хутору купца Петровского подошла толпа крестьян около 100 человек, в числе которых были женщины и дети. Они сломали замки на 6 амбарах и расхитили зерно². В том же уезде староста с. Хинель Андрей Ключников отдал приказание местным крестьянам ехать на погром Михайловского хутора. Отправились не только мужчины, но женщины и даже дети³. Это наблюдение местного газетного репортера. Аналогичные суждения об участии деревенских ребят в протестных выступлениях содержатся в материалах полицейского ведомства. Так, сообщая о событиях 30 августа 1905 года в слободе Борисовке Грайворонского уезда Курской губернии, местный исправник отметил в рапорте, что «агитаторов окружала толпа мальчиков, были между ними 10-летние дети»⁴. Из донесения прокурора Тамбовского окружного суда о крестьянских беспорядках в экономии помещика Романова при д. Марьиной Голицынской волости Козловского уезда Тамбовской губернии от 30 октября 1906 года узнаем, что «в воскресенье, 22 октября, вечером на хутор явилась толпа крестьян в несколько сот человек, в ее числе были женщины и дети»⁵. В с. Любятино Пензенского уезда и губернии в ходе крестьянского протеста были сожжены имения местных помещиков. По рассказам очевидцев, во время пожара на усадьбе Эйнем можно было наблюдать толпу в несколько сотен человек: «Больше это все были парни да девки» (Лемаев, 2017: 159). Таким образом, подрастающее поколение села, участвуя в коллективных формах протеста, обре-

2. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА).

Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 150б.

3. Речь. 1906. 24 февраля. № 2.

4. Государственный архив Курской области. Ф. 1. Оп. 15. Д. 14. Л. 220б.

5. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6977. Л. 2.

тало навыки борьбы с помещиком, на деле убеждалось в допустимости, а самое главное — в результативности погромных действий.

Нередко инцидент с участием крестьянских детей становился причиной серьезного конфликта взрослой части села с представителями коронной власти. Например, в с. Крутые Горы Задонского уезда Воронежской губернии 10 мая 1906 года произошло столкновение местных крестьян с полицией. Подростки пасли стадо в казенном лесу, четыре стражника выгнали скотину, о чем пастухи сообщили односельчанам. После чего в селе ударили в набат, и все от «малого до старого» бросились отбивать угоняемую скотину. Стражники произвели выстрел, чтобы «попугать». Озверевшая толпа, вооруженная кольями, вилами, косами, топорами, начала избивать стражников. В результате побоища двое стражников были убиты⁶.

«Аграрные беспорядки», начавшиеся в губерниях региона в феврале-марте 1905 года, достигли своего апогея к концу года. К этому периоду относятся следующие свидетельства. 22 декабря 1905 года в 12 часов ночи от станového пристава Клипикова поступила телеграмма, что в слободе Коренной сожжены и разгромлены экономии жены генерал-майора Ширинкина и жены капитана 2-го ранга землевладелицы Вальронде. Он сообщил, что 19 декабря около трех часов дня экономия была разграблена толпой, состоящей из мужчин, женщин и детей. Из обвинительного акта Курского окружного суда узнаем, что 30 крестьян д. Александровки Курского уезда 23 октября 1905 года произвели беспорядки в имении Стишинского. В частности, «крестьяне, предшествуемые детьми, стали бить стекла в окнах квартиры управляющего г-на Егорова и выбрасывать во двор его имущество»⁷. Соразмерно возрастным возможностям деревенские парни вносили свой посильный «вклад» в разгром барских имений. Приведем одно из описаний такого погрома, произошедшего в Саратовской губернии: «Взрослые ломали и выбрасывали имущество, а женщины и дети подбирали все, что им приглянулось, и уносили домой. Впереди толпы шли мальчишки, которые били окна камнями и помогали тащить имущество» (Варфоломеев, 2022: 140).

Несмотря на усилия коронной власти, успокоение в центрально-черноземной деревне не наступало. Более того, все чаще в ходе протестных действий крестьяне стали прибегать к физическому насилию в отношении представителей власти. Так, 9 июля 1906 года в слободе Борисовке Грайворонского уезда Курской губернии толпа крестьян численностью в 2000 человек обезоружила стражников, избивла пристава, волостного старшину и подожгла дом графа А. Д. Шереметева. Выяснено, что большинство виновников беспо-

6. Воронежское слово. 1906. 17 мая. № 115.

7. Курская жизнь. 1906. 2 июня. № 20.

рядков — подростки и хулиганы⁸. По сообщению корреспондента «Воронежского слова» от 18 июня 1906 года, беспорядки произошли в слободе Алексеевке Бирюченского уезда Воронежской губернии на базарной площади, принадлежащей Шереметеву. В результате столкновения три крестьянина получили легкие ранения, а несколько стражников было избито. Погромщики в графской усадьбе уничтожили архив конторы, сожгли три дома и надворные постройки. Также они разгромили, а затем и сожгли магазин купца Шапочникова. По мнению автора заметки, самое активное участие в произошедшем погроме принимали местные мальчишки и несколько человек из молодежи⁹.

Сельские парни нередко сами выступали застрельщиками протестных действий. По сведениям полиции, в списках крестьян Петровского уезда Саратовской губернии неблагонадежного поведения от 2 августа 1902 года значилось 55 человек. Именно они производили поджоги и другие акции в своей местности. В основном это была молодежь в возрасте от 18 до 25 лет (Воробьев, 2015: 183). Аналогичная картина была и в других регионах страны. Так, 27 октября 1905 года крестьяне с. Иваново Цивильского уезда Казанской губернии поддержали призыв молодежи и всем обществом, численностью почти 200 человек, двинулись на захват имения Н. П. Курбатова. Погром начала молодежь, старшее поколение присоединилось позже (Соколова, 2021: 20). В материалах выездной сессии Харьковской судебной палаты, состоявшейся 30 июня 1905 года в г. Дмитрове, находим следующее описание погрома, произошедшего 29 февраля: «Сперва крестьяне всё били и ломали, а затем, когда большинство зданий в усадьбе загорелось, будучи подоженными бывшими в толпе подростками и детьми, начали растаскивать экономическое имущество, главным образом хлеб и спирт. Трое свидетелей видели, как Александр Марочкин, 17 лет, во время погрома нес зажженный пук соломы у плотницкой мастерской, как он затем бил окна в доме управляющего и кричал толпе: “У кого есть спички, таскайте!”¹⁰. В с. Рогачевка Воронежского уезда 11 мая 1906 года на сельском сходе группой молодежи был поднят вопрос об установлении цены на уборку ржи у соседних помещиков в размере 15 руб. за десятину. Не найдя поддержки у односельчан, те пригрозили применять силу к тем, кто будет наниматься на работу за меньшую плату¹¹. Таким образом, молодые люди стали играть все более заметную роль в общественной жизни села, и иногда проявляли больший радикализм в действиях, чем их отцы.

8. Речь. 1906. 19 июля. № 130.

9. Воронежское слово. 1906. 22 июня. № 145.

10. Русские ведомости. 1905. 5 июля. № 179.

11. Воронежское слово. 1906. 16 июня. № 140.

ИСТОРИЯ

Мощным триггером для крестьянского протеста было насилие, примененное властью. В листовке Борисоглебской группы РСДРП об аграрном движении в уезде от 30 ноября 1905 года говорилось, что «офицер 6-го запасного кавалерийского полка г-н Щербинин, “охотой” вызвавшийся на усмирение крестьян, с чувством наслаждения и сладострастья занимался поркой крестьян. Без всякого повода, единственно из наслаждения, этот негодяй порет мужчин, порет женщин и даже детей!»¹² А месяцем ранее, некий штабс-капитан Илюшин сообщал, что «в Уварове навел порядок одними плетьюми, патроны не потребовались»¹³. Из других мест приходили аналогичные свидетельства: «Били плетьюми, нагайками с вплетенною проволокой и со свинцовыми наконечниками, увечили ружейными прикладами, расстреливали... Били взрослых, били подростков, женщин, стариков. Засакали до бесчувствия, многих — до смерти»¹⁴. А вот описание расправы над крестьянами в с. Чириково Балашовского уезда Саратовской губернии. «Истязали стариков лет 60–65 и 17-ти летних мальчиков, истязали так, что несчастные не могли на другой день снять рубашку, прилипшую к мясу, так как кожа была содрана плетьюми»¹⁵. По всей видимости, такие карательные акции, осуществленные с целью острастки крестьян, вызывали у них не только страх, но и чувство ненависти к существующей власти.

Деревенские дети часто становились свидетелями жестоких расправ. Одна из таких, произошедшая 25 ноября 1905 года в с. Серединовка Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, описана в газетном сообщении: «Били плетьюми и нагайками с ужасной жестокостью. Давали по несколько десятков ударов каждому. Одному истязаемому выбили глаз, одному проломили лоб до мозга, других избивали до полусмерти»¹⁶. В телеграмме Саратовской губернской земской управы генерал-адъютанту Сахарову, по поводу усмирений в Балашовском уезде, говорилось, что «казаки бьют, калечат, грабят, насилуют женщин, убивают». В с. Чернавка казаками были изнасилованы девочки 13–15 лет (Веселовский, 1907: 89). Можно предположить, что подобные сцены порки отцов и братьев являлись для юных жителей села сильной психологической травмой.

В ходе подавления протестов крестьянские дети порой и сами становились случайными жертвами карательных акций. Например,

12. *Дубышкин И.* К 25-летию революции 1905 года. Крестьянское движение в Борисоглебском уезде 1905 года // Коммунар. 1930. 25 ноября. № 2.

13. Там же.

14. *Засодимский П. В.* О крестьянских волнениях в 1905–1906 годах // Северный Край. 1922. Кн. № 2. Март — Апрель.

15. Там же.

16. Тамбовский голос. 1905. 1 декабря. № 62.

в результате стрельбы в ходе подавления выступления в с. Петровское Княже-Богородицкой волости Тамбовского уезда и губернии 7 ноября 1905 года было убито 4 и ранено 19 крестьян. По заявлению врача Коптевского участка Когана, в Сампурскую больницу Тамбовского уезда поступило 13 человек. В их числе был крестьянский мальчик 16 лет, раненный в руки, одну из которых пришлось ампутировать¹⁷. А 24 мая 1906 года в ходе столкновения конных стражников с крестьянами с. Балаклея Кирсановского уезда Тамбовской губернии выстрелом пулей в живот была убита крестьянская девочка 7 лет, Хорлачева¹⁸. Приведенные факты гибели деревенских детей — еще одно подтверждение того, что они физически находились в гуще происходящих событий.

Известны также случаи, когда насилие над подростками становилось причиной для крестьянского протеста. В изучаемый период одним из приемов «оружия слабых» являлась потрава барских полей или выгон скота в казенный лес. Известно, что пастьба лошадей была традиционным занятием деревенских парней. Так, в имении князя Барятинского Льговского уезда Курской губернии 24 мая 1906 года казаки, застигнув на помещицьем лугу четырех подростков, пасших лошадей, устроили им экзекуцию. Трех мальчиков так исполосовали казацкими нагайками, что «куски мяса прямо висели ключьями». Одному из ребят удалось убежать в деревню и сообщить мужикам. В результате последующего столкновения один крестьянин был убит и один серьезно ранен¹⁹.

Наряду с насилием, вызывавшим ответную агрессию, мотивом для погромных действий могли быть и весьма прозаические причины. Например, в ночь на 19 мая 1905 года на Поддубенском лугу имения князя Васильчикова, расположенном в Павловском уезде Воронежской губернии, приказчик Перн выстрелом из револьвера убил крестьянина Григория Кизина. Озлобленные крестьяне села Нижний Кисляй, узнав, что убийца не арестован, перебили окна в экономии, изломали части наружных построек, похитили некоторые вещи и разграбили погреб с вином. Подростки из толпы бросали камнями и кусками сухой земли в окна дома управляющего и били стекла²⁰. Весьма любопытен мотив их действий. В деле имеются указания, что расхищение и повреждение имущества холостых служащих в экономии произведены были молодыми парнями, питавшими неудовольствие против экономической молодежи из-за крестьянских девушек²¹. Проще говоря, деревенские парубки приревновали и мстили своим конкурентам за внимание местных невест.

17. Тамбовский голос. 1905. 2 декабря. № 63.

18. Тамбовский голос. 1906. 30 мая. № 35.

19. Курская жизнь. 1906. 27 мая. № 15.

20. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6818. Л. 1, 4.

21. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6818. Л. 50б.

При анализе проблемы следует также учитывать рост социальных девиаций, которые были присущи сельскому населению, в том числе и деревенской молодежи. Мы оставляем без рассмотрения такое явление, как хулиганство, о котором написано много. Однако обращаем внимание на распространение в селе такого порока, как пьянство, которому отчасти было подвержено и молодое поколение русской деревни. Такой подход обусловлен тем, что исследователи относят алкогольное опьянение к числу важнейших условий физиологического характера, детерминирующих социальную агрессию (Сухова, 2007: 18). По мнению самарского губернатора, в ноябре 1905 года одной из самых «существенных причин, влияющих на возникновение беспорядков, являлось пьянство крестьян, совершающих самоуправство и грабежи всегда в нетрезвом виде» (Сухова, 2007: 19). Во время погромов и актов разрушения в октябре 1905 года винные лавки часто взламывались, после чего начинались пьяные оргии, длившиеся день за днем (Шанин, 1997: 172). Таким образом, особенностью протестного движения, на которую мало обращали внимание исследователи, было употребление спиртного участниками погромов, не только мужиками, но и женщинами, а в ряде случаев и подростками. Так, в донесении министру юстиции от 9 марта 1905 года из Орловской губернии сообщали, что 28 февраля разграблена и сожжена экономия великого князя Сергея Александровича в селах Долбенкино и Лобоново Дмитровского уезда. Местные крестьяне разгромили винный склад, спирт расхищали ведрами, корытами, бочонками, кувшинами. Пили его на месте, и пили без меры, вследствие чего четверо крестьян умерло тут же около склада²². По сообщению газеты «Речь», в Бобровском уезде Воронежской губернии за период с 27 по 29 июня 1905 года было разгромлено 20 имений. Погромщики предварительно везде разбивали монопольные лавки и перепивались²³. В ноябре того же года в Новоскольском уезде Курской губернии было разгромлено 13 казенных лавок. Такие хулиганские выходки были распространены среди деревенской молодежи в возрасте от 14 до 25 лет, занимающейся ремеслом или отхожими промыслами (Евдокимова, 2019: 110). Из полицейского донесения следует, что крестьяне с. Никольское Орловского уезда той же губернии 25 мая 1906 года разграбили всем обществом местную казенную винную лавку и двинулись на разгром имения помещика Шенига: «Крестьянами разграблено 240 ведер вина. Весь день все село было страшно пьяно: перепились даже женщины и дети»²⁴. С 15 по 17 мая 1906 года в Старом Осколе выездной сессией Курского окружного суда слушалось четыре аграрных дела, два из которых относились к разгрому вин-

22. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 10.

23. Речь. 1906. 1 июля. № 114.

24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДП 00. Оп. 1906 (II). Д. 236. Д. 700. Ч. 7. Л. 27, 29, 48.

ных лавок в слободе Орлик и селе Волоконовке²⁵. Из описания разгрома в имении графа Орлова крестьянами с. Пады Михайловской волости Бобровского уезда Воронежской губернии, произошедшем 27 июня 1906 года, узнаем, что «большая часть пришедших была выпивши, а сама толпа состояла из лиц обоего пола, от стариков и старух до детей включительно»²⁶. То, что погромы совершались под воздействием винных паров, признавали и сами крестьяне. Так, в прошении крестьян с. Позняшовка Севского уезда Орловской губернии, осужденных за разгром экономии генерала Бобылева, на имя императора о помиловании от 17 января 1906 года находим такое объяснение: «Кроме того время было праздничное, масленица, выпили мы больше чем следует, потеряли сознание и что делали и сами хорошо не помним»²⁷. Таким образом, алкоголь в русском селе часто выступал «спутником» крестьянских погромов.

Наказание

Вовлеченные в события с присущим этому возрасту любопытством, дети часто становились свидетелями противоправных действий взрослых односельчан. Поэтому объяснимо желание следствия использовать их наблюдения для установления хода произошедшего и его участников. Так, в судебной хронике «Тамбовского го-лоса» от 26 октября 1906 года о слушаниях в окружном суде дела о разгроме Булгаковского хутора крестьянами села Саюкино и деревень Каменка и Федоровка Дмитриевской волости Тамбовского уезда и губернии есть следующая фраза: «Десятилетний мальчик просто и подробно рассказал о погроме. В темноте он никого не мог узнать»²⁸. Трудно установить, что было тому причиной, особенность детской психологии или подсказ взрослых. Как видим, ребенок охотно описывал увиденные действия, но отказывался называть тех, кто их совершал. Подобная ситуация хорошо отражала позицию жителей села к происходящему: как правило, следствие быстро устанавливало ход преступных действий, но с трудом определяло их участников и долго не могло выявить инициаторов. На допросах крестьяне отказывались называть зачинщиков, утверждая, что громили «всем миром». Понимая, что по наивности дети могут сказать «лишнее», взрослые крестьяне препятствовали привлечению малолетних к следствию в качестве свидетелей. По сообщению урядника Бондаренко от 8 июля 1905 года, производившего дознание о поджоге сена в экономии землевладелицы Суровцевой крестьянами села Трубетчино Балашовского уезда Саратовской гу-

25. Курская жизнь. 1906. 21 мая. № 11.

26. Воронежское слово. 1906. 16 ноября. № 263.

27. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 100.

28. Тамбовский голос. 1906. 26 октября. № 149.

бернии, он хотел допросить как свидетеля девочку Анну Ефимову Козлову, 9 лет. Ее отец отказал ему в этом, сославшись на то, что тот не имеет права допрашивать малолетних в отсутствие их отцов²⁹. Такая позиция объяснима бытовавшими нормами обычного права, которые не только рассматривали правонарушения детей как вину родителей, но и не допускали привлечение их в качестве свидетелей. Отметим, что положения официального законодательства в этом совпадали с неписанным правом, и не допускали к свидетельству под присягой малолетних детей, не достигших 14-летнего возраста.

Активное участие сельской молодежи в разгроме помещичьих имений подтверждается содержанием судебных приговоров. Так, из 188 крестьян, жителей слободы Коренной Богучарского уезда Воронежской губернии, обвиненных в разгроме экономии Ширинкиной, 11 были в возрасте от 18 до 21 года³⁰. Среди 19 крестьян, в отношении которых был вынесен приговор по обвинению в разгроме 1 ноября 1906 года хутора г. Чихачева в Татаршинской волости Тамбовского уезда, было двое несовершеннолетних³¹. В результате слушания дела о разгроме крестьянами Добруньской экономии Севского уездного предводителя дворянства В. П. Подлинева Орловским окружным судом 29 июля 1906 года 15 подростков из 100 обвиняемых были оправданы, а четверо крестьян, не достигших семнадцати лет, «присуждены в тюрьму на 8 месяцев каждый»³². Тем же присутствием 16 августа 1906 года за участие в погроме хутора Подворного несовершеннолетний крестьянин Александр Карпов был осужден на 10 месяцев в арестантские роты. Несовершеннолетний крестьянин Павел Хрычев, как участник разгрома имения Каstialьского, решением того же суда получил 8 месяцев тюремного заключения³³.

Коронная власть проявляла снисхождение к молодым погромщикам. Если они и привлекались к ответственности за участие в «аграрных беспорядках», то их наказание было более мягким, чем приговоры в отношении их взрослых односельчан. За участие в погроме Михайловского хутора Неонил Левенец, 19 лет, был приговорен к тюремному заключению на 4 месяца³⁴. Из 48 крестьян, жителей сел Дмитровского уезда Орловской губернии, признанных виновными в разорении экономии великого князя Сергея Александровича, только трое несовершеннолетних получили минимальный срок — четыре месяца тюремного заключения³⁵. По факту разгро-

29. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6991. Л. 2.

30. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6874. Л. 18-19.

31. Тамбовский голос. 1906. 29 августа. № 101.

32. Орловская речь. 1906. 2 августа. № 170.

33. Орловская речь. 1906. 17 августа. № 182.

34. Речь. 1906. 24 февраля. № 2.

35. Русские ведомости. 1905. 25 июля. № 199.

ма лавки в с. Большой Хутор Новооскольского уезда Курской губернии к суду было привлечено 10 крестьян, из них четверо несовершеннолетних. Приговором Курского окружного суда от 16 июня 1907 года наказание для них было понижено на одну степень, и срок тюремного заключения составил 6 месяцев (Пашков, 2012: 140).

Согласно положениям 269 ст. Уложения о наказаниях, для несовершеннолетних участников аграрных беспорядков не применялось лишение особенных прав и преимуществ, производилась замена наказания арестантскими исправительными ротами на тюремное заключение, а его срок уменьшался не менее чем вдвое. Так, приговором Московской судебной палаты по особому присутствию от 21 сентября 1905 года 90 крестьян д. Манцурово Юровской волости Трубчевского уезда Орловской губернии за разграбление хлебного склада помещика Щегловитова были осуждены к 8 месяцам тюрьмы, а трое из них, имеющие возраст 18 и 19 лет, лишь к 4 месяцам³⁶. Из представления прокурора Харьковской судебной палаты от 7 февраля 1906 года по делу о расхищении хлеба в экономии Мейендорфа «Прилепы» Орловской губернии следует, что из 117 крестьян д. Лобков, преданных суду, 9 несовершеннолетних были приговорены к заключению в тюрьму на два месяца, а взрослые получили срок в восемь месяцев³⁷.

Такая гуманность объяснима не только требованиями действовавшего законодательства, но и тем, что судьи проявляли к молодым крестьянам снисхождение, считая, что противоправные действия стали следствием их «темноты» и заблуждений, а примененное ими насилие результатом подстрекательства злонамеренных сил.

Заключение

Протестное движение 1905–1907 годов стало для представителей «поколения революционного перелома» своеобразным «первым классом» школы социальной активности. Стоит согласиться с утверждением Теодора Шанина, что «основными уроками, которые они вынесли из опыта Революции 1905–1907 годов, была враждебность царизма к их основным требованиям, жестокость армии и властей...» (Шанин, 1997: 301–302). Их отцы, не знавшие крепостного состояния, передали им убежденность в справедливости решения земельного вопроса посредством ликвидации помещичьей собственности. Коллективный характер протеста рождал у них ощущение причастности к сельскому «миру», наглядно демонстрировал силу общины в борьбе с помещиком, ее потенциальные возможности сопротивления власти. Наряду с традиционными

36. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 9408. Л. 2.

37. РГИА. Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811. Л. 101–103.

ми приемами «оружия слабых» крестьянство прибегло к разгрому помещичьих имений и сожжению барских усадеб. Если сельские дети в силу возраста были лишь наблюдателями, то крестьянские подростки играли в происходящих событиях активную роль. Новым в аграрном движении было то, что крестьяне все чаще прибегали к вооруженному протесту, применяли насилие в отношении стражников, полицейских, казаков, военных. Фактором, повышавшим степень агрессии сельских погромщиков, был алкоголь, что формировало у юных участников беспорядков мнение о зависимости решительности действий от состояния опьянения. Это во многом объясняет волну «пьяных» погромов 1917 года, как и прочих проявлений жестокости в ходе «общинной революции». Повзрослевшие дети, побывавшие на фронтах Первой мировой войны и привитые насилием, вернулись домой, многие с оружием, чтобы отомстить за порки их отцов, и посредством «черного передела» обрести вождеденную землю. Но это будет уже следующий жизненный этап поколения «революционного перелома», сыгравшего важную роль в событиях, определивших историческую судьбу российской деревни.

Библиография

- Безгин В. Б. (2017). Погромное движение 1905–1907 гг. и повстанчество 1920–1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: факты и символы. № 12. Вып. 3. С. 20–27.
- Варфоломеев Ю. В., Шумилова Л. Н. (2022). Погромные «иллюминации»: особенности и характер крестьянских беспорядков в Саратовской губернии в 1905 году (по материалам судебных процессов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 3(78). С. 135–145.
- Веселовский Б. (1907). Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб.: Зерно.
- Воробьев Е. П., Яценко Р. В. (2015). Поджоги как форма крестьянского движения в пореформенный период. По материалам Саратовской губернии // Вестник архивиста. № 4. С. 177–187.
- Вязинкин А. Ю. (2022). Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии // Вопросы истории. № 7-2. С. 153–165.
- Вязинкин А. Ю., Якимов К. А. (2023). Крестьяне в революционных событиях начала XX века: по материалам Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Научный диалог. Т. 12. № 4. С. 402–417.
- Данилов В. П. (1996). Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: Материалы научной конференции. М. – Тамбов: Изд-во ТГТУ. С. 4–23.
- Евдокимова А. Г. (2019). Проявления революции 1905 г. в российской провинции на примере аграрной Курской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. (07.00.02). Курск: КГУ.
- Кабытов С. П., Баринаева Е. П. (2021). Аграрные «беспорядки» в России 1902–1904 гг.: новые вызовы крестьян имперской власти // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы Международной научной конференции, 1–3 апреля 2021 г. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. Т. 1. С. 233–240.

- Кондрашин В. В. (2008). «Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг.»: научный проект и научная концепция (предварительные заметки) // Уральский исторический вестник. № 2(19). С. 85–89.
- Кондрашин В. В. (2020). Крестьянское движение в годы первой русской революции // Северо-Запад в аграрной истории России. № 26. С. 195–212.
- Лемаев И. В. (2017). Феномен аграрного террора в крестьянском движении во второй половине XIX — начале XX в. (на примере Пензенской губернии) // Успехи современной науки и образования. № 10. С. 157–163.
- Пашков Е. В. (2012). Погромы казенных винных лавок в Курской губернии в 1905 г. // Вопросы истории. № 11. С. 137–140.
- Перепелицын А. В., Кудинова Ю. В. (2013). Крестьянское движение в Воронежской губернии в годы первой русской революции // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология, экономика, информатика. Вып. 26. № 8(151). С. 120–124.
- Соколова В. И., Ласточкин В. Б., Бойко С. И. (2021). Крестьянский мир Чувашского края в социально-экономическом и политическом противостоянии власти в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории. № 9-2. С. 16–29.
- Сухова О. А. (2007). «Русский бунт» начала XX века как ритуал крестьянской повседневности: реальность или мистификация? // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1. С. 17–25.
- Шанин Т. (1997). Революция как момент истины. Россия 1905–1907 — 1917–1922 гг. М.: Весь мир.
- Шорников Е. И. (2022). Крестьянское понимание экономической справедливости в конфликте с действующим законодательством и «беспорядки» на спорном участке помещика Рклицкого в 1902 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1. С. 44–54.

Peasant children and adolescents in the agrarian protests of 1905–1907

Vladimir B. Bezgin, DSc (History), Leading Researcher, Tambov State Technical University, Sovetskaya St., 106/5, Tambov, 392000. E-mail: vladyka62@mail.ru

Abstract. The article considers the participation of village children and adolescents in the agrarian movement of 1905–1907 as a part of the study of the role of the “generation of revolutionary change” in the peasant revolution of 1902–1922. The study aims at the historical justification of Danilov-Shanin’s concept through generational history combined with peasant studies and interdisciplinary approach. The author focuses on the underage peasants’ participation in the agrarian turmoil of 1905–1907, based on the archival documents and media materials. Police and governor’s reports and court records show that children and adolescents participated in such forms of peasant protest as destruction and arson of landlords’ fields and estates, which is evidenced by deaths and injuries of rural children during punitive actions and by illegal actions of rural adolescents mentioned in investigative cases, court proceedings and newspaper articles. Thus, rural children were observers of protests, while rural adolescents played an active role, sometimes including the role of rioters. Such a participation of children and adolescents in the peasant movement was determined by the nature of collective actions in the peasant community and by the peasant traditional attitude to ‘alien’ property. The experience of peasant protest was used by the younger rural generation during the ‘black redistribution’ of 1917.

Key words: “generation of revolutionary change”, rural community, peasantry, children, adolescents, protest

- ИСТОРИЯ Bezgin V. B. (2017) Pogromnoe dvizhenie 1905–1907 gg. i povstanchestvo 1920–1922 gg. tambovskogo krest'yanstva: obshchee i otlichie [1905–1920 pogrom movement and 1920–1922 rebellion of the Tambov peasantry: Common and different features], *Istoriya: Fakty i Simvol'y*, vol. 12, no 3, pp. 20–27.
- Danilov V. P. (1996) Krest'yan'skaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg. [Peasant revolution in Russia. 1902–1922], *Krest'yan'e i vlast'*, Moscow–Tambov: Izd-vo TGTU, pp. 4–23.
- Evdokimova A. G. (2019) *Proyavleniya revolyutsii 1905 g. v rossiyskoy provintsii (na primere agrarnoy Kurskoy gubernii)* [Manifestations of the Revolution of 1905 in the Russian province (on the example of the agrarian province of Kursk)] (PhD Thesis), Kursk: KGU.
- Kabytov S. P., Barinova E. P. (2021) Agrarnye “besporyadki” v Rossii 1902–1904 gg.: novye vyzovy krest'yan imperskoy vlasti [Agrarian “riots” in Russia in 1902–1904: New peasant challenges to the imperial power], “Vyzov” v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost', Ed. by V. A. Veremenko, Saint Peterburg: LGU im. Pushkina, vol. 1, pp. 233–240.
- Kondrashin V. V. (2008) “Krest'yan'skaya revolyutsiya v Rossii. 1902–1922 gg.”: nauchny proekt i nauchnaya kontseptsiya (predvaritelnye zametki) [“Peasant Revolution in Russia. 1902–1922”: Scientific project and scientific concept (preliminary notes)], *Uralskiy Istoricheskiy Vestnik*, no 2, pp. 85–89.
- Kondrashin V. V. (2020) Krest'yan'skoe dvizhenie v gody pervoy russkoy revolyutsii [Peasant movement in the first Russian revolution], *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*, no 26, pp. 195–212.
- Lemaev I. V. (2017) Fenomen agrarnogo terrora v krest'yan'skom dvizhenii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. (na primere Penzenskoy gubernii) [Phenomenon of agrarian terror in the peasant movement in the second half of the 19th — early 20th century (on the example of the Penza Province)], *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya*, no 10, pp. 157–163.
- Pashkov E. V. (2012) *Pogromy kazennykh vinnykh lavok v Kurskoy gubernii v 1905 g.* [Pogroms of the state wine shops in the Kursk Province in 1905], *Voprosy Istorii*, no 11, pp. 137–140.
- Perepelitsyn A. V., Kudina Yu. V. (2013) Krest'yan'skoe dvizhenie v Voronezhskoy gubernii v gody pervoy russkoy revolyutsii [Peasant movement in the Voronezh Province in the first Russian revolution], *Nauchnye Vedomosti BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, vol. 26, no 8, pp. 120–124.
- Shanin T. (1997) *Revolyutsiya kak moment istiny. 1905–1907 gg. — 1917–1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. 1905–1907 — 1917–1922], Moscow: Ves mir.
- Sokolova V. I., Lastochkin V. B., Boyko S. I. (2021) Krest'yan'ski mir Chuvashskogo kraya v sotsialno-ekonomicheskom i politicheskom protivostoyanii vlasti v gody Pervoy russkoy revolyutsii 1905–1907 gg. [Peasant world of the Chuvash region in the social-economic and political opposition to power during the first Russian Revolution of 1905–1907], *Voprosy Istorii*, no 9–2, pp. 16–29.
- Sukhova O. A. (2007) “Russkiy bunt” nachala XX veka kak ritual krest'yan'skoy povsednevnosti: realnost ili mistifikatsiya? [“Russian revolt” of the early 20th century as a ritual of the peasant everyday life: Reality or myth?], *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region. Gumanitarnye Nauki*, no 1, pp. 17–25.
- Shornikov E. I. (2022) Krest'yan'skoe ponimanie ekonomicheskoy spravedlivosti v konflikte s deystvuyushchim zakonodatel'stvom i “besporyadki” na spornom uchastke pomeshchika Rkhlitskogo v 1902 g. [Peasant understanding of economic justice in conflict with the current legislature and “riots” on the disputed plot of the landowner Rkhlitsky in 1902], *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedeniy. Povolzhskiy Region. Gumanitarnye Nauki*, no 1, pp. 44–54.

- Varfolomeev Yu.V., Shumilova L. N. (2022) Pogromnye “illyuminatsii”: osobennosti i kharakter krestiyanskih besporyadkov v Saratovskoy gubernii v 1905 godu (po materialam sudebnyh protsessov) [Pogrom “illuminations”: Features and nature of the peasant unrest in the Saratov Province in 1905 (based on court proceedings)], *Vestnik SGPU*, no 3, pp. 135–145.
- Veselovsky B. (1907) *Krestiyansky vopros i krestiyanskoe dvizhenie v Rossii (1902–1906 gg.)* [Peasant Question and Peasant Movement in Russia (1902–1906)], Saint Petersburg: “Zerno”.
- Vorobiev E. P., Yashchenko R. V. (2015) Podzhogi kak forma krestiyanskogo dvizheniya v poreformenny period. Po materialam Saratovskoy gubernii [Arson as a form of the peasant movement in the post-reform period. Based on the materials on the Saratov Province], *Vestnik Arkhivista*, no 4, pp. 177–187.
- Vyazinkin A.Yu. (2022) Pokolenie “revolyutsionnogo pereloma” v sudbe russkoy derevni pervoy treti XX v.: problemy istoriografii [Generation of the “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village in the first third of the 20th century: Issues of historiography], *Voprosy Istorii*, no 7–2, pp. 153–165.
- Vyazinkin A.Yu., Yakimov K. A. (2023) Krestiyane v revolyutsionnykh sobytiyah nachala XX veka: po materialam Vsesoyuznogo Obshchestva politkatorzhan i ssylno-poselentsev [Peasants in revolutionary events of the early 20th century: based on the materials of the All-Union Society of Political Prisoners and Exiles], *Nauchny Dialog*, vol. 12, no 4, pp. 402–417.

Дача на Николиной Горе: случай А. В. Чайнова¹

Н. В. Михаленко

Наталья Владимировна Михаленко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. 121069, Москва, ул. Поварская, 25 а. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности создания и деятельности дачно-потребительского поселка «Работников науки и искусства» («РАНИС») на Николиной Горе. Создававшийся как поселок-коммуна, он объединил творческую интеллигенцию 1920–1930-х годов, зачастую связанную дружескими или служебными отношениями. Здесь были реализованы принципы коллективизма: организация общественных огородов, выделение помещений для мелкого скотоводства, наличие общественного транспорта, создание кооперативной столовой и детских обучающих и досуговых мероприятий. Выступления артистов, музыкантов, писателей и ученых должны были объединять жителей поселка, формировать общие культурные представления. Мероприятия, проводимые здесь, стали своеобразным продолжением традиций литературы и искусства звенигородских мест, где бывали А. С. Пушкин, А. И. Герцен, А. П. Чехов, А. М. Горький, И. И. Левитан, К. С. Станиславский и др. Особое внимание в статье уделяется деятельности А. В. Чайнова, одного из трех создателей и вдохновителей дачного кооператива, привлечшего О. Ю. Шмидта, А. И. Кравченко, Б. А. Криля и др. на Николину Гору. Его раскопки в 1928–1929 годах Успенского городища на территории поселка носили не только научный (им предложена новая методика раскопок), но и образовательный характер, поскольку, кроме практических навыков, местные подростки получали и теоретические представления об истории земли, на которой были построены дачи. Феномен дачного кооператива на Николиной Горе является трансформацией усадебной традиции в реалиях XX века, где жизнь человека на лоне природы гармонично сочетается с интеллектуальной и творческой деятельностью.

Ключевые слова: дачный топос, Николина Гора, дачно-потребительский кооператив «РАНИС», А. В. Чайнов, А. С. Яковлев (Трифонов), Е. Б. Криль, Успенское городище, поселок-коммуна

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-78-86

Традиция создания кооперативного дачного поселка сотрудников научной сферы, работников культуры и искусства характерна для послереволюционного времени. Дача стала своеобразным инвариантом усадебной жизни XIX века, во многом сохраняя харак-

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала»), <https://rsef.ru/project/22-18-00051>) в ИМЛИ РАН.

терные для нее приметы. В писательском поселке в Переделкино, на дачах в Комарово, на Николиной Горе, следуя принципам сохранения природной среды, жители оберегали деревья, растущие на их участках, садоводство и огородничество развивалось в таких же рамках.

История поселка «РАНИС» уникальна и интересна, поскольку была связана с инициативой «снизу» — объединением людей науки, искусства, культуры, которые самостоятельно искали подходящие земли, оформляли документы, формировали устав кооператива². Изначально здесь поселились те, кто был связан узами дружества или совместной деятельности, поэтому были развиты традиции поддержки, взаимовыручки, общего досуга.

Николина Гора связана с именами А. В. Чаянова, О. Ю. Шмидта, В. И. Качалова, А. В. Неждановой, А. Б. Гольденвейзера, В. Я. Шебалина, С. С. Прокофьева, Т. Н. Хренникова, П. Л. Капицы, С. П. Капицы, А. П. Капицы, А. И. Кравченко, М. М. Ботвинника, Н. А. Семашко, В. В. Вересаева, А. Н. Туполева, С. В. Михалкова, Н. П. Кончаловской, В. М. Мясничева, А. Н. Баха, Н. Н. Бурденко, А. И. Воробьева, Е. М. Тареева, В. А. Энгельгардта и др.

Создателями кооператива были профессор Государственного педагогического института имени Ленина К. И. Львов (1895–1950), писатель и журналист А. С. Яковлев (Трифонов) (1886–1953), экономист и писатель А. В. Чаянов (1888–1937).

А. В. Чаянов, который взял на себя хлопоты по организации кооперативного товарищества, задолго до этого времени, еще в 1923 году в письме к Е. Д. Кусковой отмечал, что «если не будет перспектив, то невольно думается о преодолении себя и переходе где-нибудь, хотя бы в Литве, хотя бы в Эстонии, на хозяйственный труд» (Чаянов, 2008: 194–197). Вероятно, Чаянову было близко представление о сочетании умственного и физического труда, современники вспоминали, как он любил дачный быт. Сохранились фотографии 1929 года, где Чаянов с женой и двумя детьми проводит лето на даче в поселке на Николиной Горе, а также снимок с соседями по даче. Интересно, что в его «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» семья утопических жителей — Мининых, принимавших крупного советского работника периода революции Алексея Кремнева, который фантастическим образом перенесся в будущее и вынужден был выдавать себя за американского экономиста Чарли Мена, живет в «нескольких маленьких домиках, построенных в простых формах XVI века и обнесенных тыном, придававшим усадьбе вид древнего городка» (Чаянов, 2006: 238). В стране-утопии «помещицья культура двадцатых годов прошлого века, давшая декабристов и подарившая миру

2. История поселка // Сайт ДПК «РАНИС»: URL: <https://dpk-ranis.ru/history/info> (дата доступа: 21.10.2023).

Пушкина» (Там же: 262) признается эталонной, наиболее способствующей всестороннему развитию человека. По мысли Чаянова, в усадебном быту было представлено идеальное соединение практической работы, сельского труда и бережного сохранения культурного наследия предшествующих эпох.

По воспоминаниям никологорцев, очень многих уговорил стать дачниками именно Чаянов. Так, А. И. Кравченко, художник, иллюстратор его мистических повестей, с 1929 по 1940 год прожил в дачном поселке, здесь были созданы многие его работы.

Несмотря на многочисленные трудности на всех этапах создания дачного поселка, инициаторы стойко с ними справлялись. Например, поиски места, где можно было начать стройку дач, длились два года. Первоначально собирались построить поселок на земле под барвихинским монастырем, в широкой долине, где течет речка Сомынка. Но жившие неподалеку крестьяне оказались против. После этого «двинулись дальше по Москве-реке и взяли участок земли в 15 гектаров в Липовой роще бывшего имения князя Голицына в километре от села Знаменское, над высоким обрывом вдоль реки» (Яковлев, 2008: 15). В конце 1924 года участки были распределены по жребию, а 6 января 1925 года началось строительство. Но земли были реквизированы для правительственных нужд. Пришлось искать другое место на территории так называемой «Подмосковной Швейцарии» — от Звенигорода до Знаменского (первые пайщики хотели обязательно остаться на этой территории). В результате выбрали место недалеко от села Иславского. Им очень понравилась Николина Гора, полуподковой лежавшая над Москвой-рекой, покрытая темным лесом. «В октябре 1925 г. в Московский земельный отдел (МОЗО) было подано заявление об отводе дачному кооперативу земельных участков на Николиной Горе. В феврале 1926 года был заключен договор на 40 гектаров земли сроком на 25 лет. Эти 40 га решено было разделить на 40 участков — 22 по береговой линии и 18 по второй» (Там же: 16). За первые три года было построено 24 дачи. Так был создан кооператив «Хуторок». Однако число желающих очень быстро росло, и в 1929 году в кооператив, переименованный в «РАНИС» (сокращение от «Работники науки и искусства»), было принято уже 66 человек, а в первое десятилетие число участков возросло примерно до 100.

В книге «Наша Николина Гора» (2008), в которой собраны воспоминания и фотографии первых жителей дач, так описывается впечатление от природы этих мест, когда строительство поселка только намечалось: «Было начало осени, солнечный день, лес стоял в ярком уборе. На берегу было тихо и совсем пустынно. <...> По всему было видно, что в лес почти никто не ездит, никто не ходит. Несколько ручейков с очень светлой холодной водой сбегало из-под горы в Москву-реку. Каждый уголок здесь был очарователен, нетронут. Густые заросли ольхи, ветел, дикого хмеля создавали

непроницаемую стену вдоль берега. А над зарослями поднимались могучие дубы, сосны, березы. Москва-река здесь широкая, спокойная, глубокая. Очень чистые песчаные отмели золотели на солнце» (Там же).

Вероятно, первых дачников привлекала не только красота этих мест, но и культурно-историческое, литературное прошлое окрестностей Николиной Горы. Например, в близлежащем селе Уборы сохранилась церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа конца XVII века (действовала до конца 1930-х, возвращена церкви в 1995 году), построенная известным крепостным архитектором Я. Г. Бухвостовым.

В усадьбе М. А. Ганнибал «Захарово» прошло раннее детство А. С. Пушкина, здесь он жил летом с 1805 по 1810 год. Бывая в усадьбе «Архангельское» у Н. Б. Юсупова и восхищаясь красотой этого места и богатством коллекций древнего рода, Пушкин посвятил такие строки князю:

Ступив за твой порог,
 Я вдруг переносюсь во дни Екатерины.
 Книгохранилище, кумиры, и картины,
 И стройные сады свидетельствуют мне,
 Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
 Что ими в праздности ты дышишь благородной (Пушкин, 1997: 236).

Интересно, что в «Путешествии моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чаянова именно в Архангельском создана модель университета, своеобразного светского монастыря, «Братства святого Флора и Лавра»: «В анфиладе комнат старого дворца и липовых аллеях парка, освещенных былыми посещениями Пушкина и блистательной, галантной жизнью Бориса Николаевича Юсупова с его вольтерьянством и колоссальной библиотекой, посвященной Французской революции и кулинарии, шумела юная толпа носителей прометеяева огня творчества, делившая труды с радостями жизни» (Чаянов, 2006: 236).

В Перхушково, в усадьбе дворянского рода Яковлевых, у дяди и двоюродного брата неоднократно бывал А. И. Герцен. Эту усадьбу, «запущенный барский дом», он упоминал в автобиографической хронике «Былое и думы».

Герцен был излюбленным автором Чаянова. В письме Э. Л. Гуревичу от 5 декабря 1935 года он писал: «Бесконечно я тебе благодарен за письмо и книги, а особенно за “Былое и думы”. По сути дела, первый том их — одна из самых любимых моих книг» (Чаянов, 2008: 267). Во время чтения книги Герцена «С того берега» Алексей Кремнев в «Путешествии...» Чаянова переносится в Россию будущего. В свои тексты писатель вносил важные для него самого произведения литературы и искусства, реалии. Характерно, что, став членом дачного кооператива, он стал соседом тех мест и тех литераторов прошлого, которых ранее упоминал.

В Звенигороде, где жил его младший брат Михаил, в 1884–1886 годах работал А. П. Чехов³. Н. А. Лейкину, редактору журнала «Осколки», с которым он сотрудничал, он писал так: «В настоящее время я нахожусь в граде Звенигороде. Где волею судеб исполняю должность земского врача, упросившего меня заменить его на две недельки» (Чехов, 1974: 118). Результатом этой работы стали рассказы «Мертвое тело», «На вскрытии», «В суде» и др.

Саввинская слобода под Звенигородом была любимым местом отдыха И. И. Левитана и его друзей (по словам М. П. Чехова, художники «жили там коммуной целыми месяцами»). Здесь Левитаном были написаны «Весна в деревне», «Затопленное поле. Саввинская слобода», «Вид в окрестностях Звенигорода», «Въезд в деревню», «Деревня. Серый день» и др.

В усадьбе «Дарьино» летом 1925 и 1926 гг. отдыхал К. С. Станиславский. С 1931 года в Горках-10 жил А. М. Горький, у него гостили Г. Уэллс, Р. Роллан, В. В. Вересаев, А. С. Новиков-Прибой. Здесь писатель закончил роман «Жизнь Клима Самгина», работал над пьесами «Егор Булычев», «Достигаев» и др.

Вероятно, такая своеобразная память места диктовала и культурные традиции, которые дачники Николиной Горы культивировали и поддерживали. В «Объяснительной записке к пятилетнему плану развитию Кооператива “Работников науки и искусства”» от 1929 года была высказана утопическая идея совместного общежития: «...превращение поселка в советский кооператив с последовательно проведенной коллективизацией быта, с организацией коллективного отдыха, с общественным воспитанием детей своих членов и с широко развернутой культурной работой и вне поселка, в окружающем районе (лечебные пункты, совхозы и колхозы)»⁴. Многие направления деятельности, в ней обозначенные, были воплощены в реальность. Особенно это касается досуга.

На общественной веранде, ставшей культурным центром поселка, выступали пианисты С. Т. Рихтер и Н. А. Петров, певица А. В. Нежданова, актер В. И. Качалов и многие другие. Научные доклады здесь делали географ и геофизик О. Ю. Шмидт (после возвращения из знаменитого путешествия на «Челюскине»), психиатр, академик В. А. Гиляровский, врач-путешественник Л. М. Старокадомский. Художник А. И. Кравченко организовывал выставку своих работ. Писатели В. В. Вересаев⁵, П. Г. Низовой, поэ-

3. В том же письме Э. Л. Гуревичу Чайанов, прося того прислать ему в ссылку в Алма-Ату книги, перечислял свои излюбленные произведения: «Если можно, то пришли Пушкина, хотя бы дешевый томик избранных вещей. <...> Из русских классиков меня интересует только Лесков и Чехов» (Чаянов, 2008: 267–268).

4. Цит. по: История поселка // Сайт ДПК «РАНИС»: URL: <https://dpk-ranis.ru/history/info> (дата доступа: 21.10.2023).

5. Жизни во время Великой Отечественной войны на Николиной Горе посвящен рассказ В. В. Вересаева «Трусиха».

ты А. И. Безыменский, Н. Н. Асеев, С. В. Михалков, Н. П. Кончаловская читали свои произведения.

Начиная с 1928–1929 гг. здесь были созданы первые детские учебные группы. Дети занимались хореографией, рисовали в студии «Чудо-кисточка», играли в шахматы и футбол, волейбол и теннис.

В поселке-коммуне были созданы общественные огороды, парник, помещения для разведения мелких животных. Сначала появился кооперативный грузовик, а в 1933 году — автобус. Свободные поляны засаживались соснами.

Чаянов, автор статей о Москве, ее прошлом («История Миюсской площади», «Петровско-Разумовское в его прошлом и настоящем», «Собирательство в старой Москве. Собрания XVI и XVII века»), в 1928–1929 гг. проводил на Николиной Горе раскопки курганов IX–X вв. поселения вятичей⁶, а также старинной крепости на участке А. И. Кравченко. Сохранились два отчета Чаянова о результатах раскопок, им была разработана программа дальнейших исследований⁷. Как отмечал Кренке, ученым «были заложены основы комплексного историко-археологического направления в изучении русских средневековых поселений» (Кренке, 2007: 24).

Будучи в эти годы преподавателем историко-археологического отделения 1-го МГУ, Чаянов смог «набрать рабочих для археологической экспедиции из числа студентов университета и научных работников, состоявших в краеведческой комиссии кооперативно-дачного поселка ученых на Николиной Горе» (Кренке, 2007: 23).

В погребениях были найдены «бусы (характерные для племени вятичей), височные и другие кольца, в том числе семиполостные, гривны, массивные шейные украшения, которые также преимущественно носили вятичи, керамика с линейным орнаментом или совсем неорнаментированная, грубой работы. При раскопках городища были найдены памятники славянской культуры в основном IV–VI вв. н.э., там была найдена гладкая керамика, но имелась и «сетчатая», характерная для III–VI вв. до н.э.» (Раскопки, 2008: 275). В 1929 году Чаянов «снял инструментальный план ключевого памятника — Успенского (Молоденковского, Иславского) городища и <...> приступил к его шурфовке⁸. Им также была улучшена

Н. В. Михаленко
Дача на Николиной Горе: случай
А. В. Чаянова

6. В XV в. на горе был погост — церковь Николы на Песку, при ней кладбище и дома для духовенства. В 1619 году на Николиной Горе у церкви Николы произошла встреча отца царя Михаила Федоровича — митрополита Филарета, возвращавшегося из польского плена, с князем Трубецким, окольным Бутурлиным и митрополитом Московским, посланным царем из Москвы навстречу. В 1623 году погост сгорел «от литовского разорения», и с того времени храм не действовал. Церковный пруд сохранился до наших дней.

7. В работе (Кренке, 2007) содержится информация, что все эти материалы сохранились в архиве Института истории материальной культуры в Санкт-Петербурге (см.: Чаянов, 2007).

8. Шурфовка — удаление верхнего слоя грунта.

и применена на практике методика раскопки курганов, начат поиск селищ по эффективной системе» (Кренке, 2007: 24).

Активное участие в раскопках принимал Б. А. Криль, сотрудник Чайнова по работе в Тимирязевской академии и сосед по даче на Николиной Горе, а также молодежь кооператива: Юра Гордон, Дима Иорданский, Эля Криль, Вера Леонтович и другие. Е. Б. Криль вспоминала: Чайнов «...собрал вокруг себя молодежь, организовал кружок и рассказал нам, что в округе есть древние курганы наших далеких предков и можно попробовать заняться их раскопками. <...> В районе бывшего имения Морозова <...> оказалось большое Молоденово городище, и мы с энтузиазмом принялись за работу. Раскопали мы только часть с одной стороны и нашли там множество глиняных черепков, различных по форме, отделке и рисунку. Потом мы собирали и несли на дачу к Чайновым» (Криль, 2008: 40б). Раскопки имели не только научную ценность, но и несли важное образовательное значение. Чайнов, опытный преподаватель, рассказывал подросткам историю мест, где они живут, и показывал на практике приемы ее изучения: «В центре дачи была большая комната, мебели никакой не было, и мы располагались на полу. Осколки отмывали, собирали и склеивали. Все это было очень увлекательно. Александр Васильевич при этом рассказывал нам о русских воинах, о набегах татар и т.п. <...> Вполне понятно, что нам было все интересно и мы с жадностью слушали и задавали вопросы. <...> Много увлекательных рассказов мы услышали от Александра Васильевича, а Ольга Эммануиловна угощала нас домашним хлебным квасом из бочонка» (Там же).

Важной достопримечательностью Николиной Горы, связанной с историей архитектурного авангарда, является водонапорная башня инженера Шухова, которая до сих пор функционирует. Недалеко от нее расположен памятник жертвам репрессий 1937 года — расстрелянным жителям Николиной Горы. На камне высечены слова: «Никологорцам — жертвам тирании». На обратной стороне камня указаны имена пострадавших в те годы жителей дачного поселка, в том числе и Чайнова. Сохранение памяти о прошлом, уважение к традициям первых дачников — важный лейтмотив в жизни Николиной Горы.

История дачного кооператива «РАНИС» интересна и драматична. Будучи попыткой воплощения утопической коллективистской модели коммуны деятелей науки, литературы и искусства, поселок хранит традиции, заложенные его основателями, показывая жизнеспособные черты изначальной модели.

Библиография

- Кренке Н. А. (2007). Археологические работы А. В. Чайнова в долине Москвы-реки в 1928–1929 годах // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 23–25.

- Криль Е. Б. (2008). Речь на торжественном собрании к 100-летию со дня рождения А. В. Чаянова (из архива семьи Криль-Гуляевых) // Наша Николина Гора: в 2 кн. / Редкол.: М. М. Громова и др. М.: Издательский Дом ТОНЧУ: Московские учебники. С. 403–407.
- Пушкин А. С. (1997). К вельможе («От северных оков освобождая мир...») // Пушкин А. С. Стихотворения / Рос. АН. СПб.: Наука. С. 234–236.
- Раскопки (2008) // Наша Николина Гора: в 2 кн. / Редкол.: М. М. Громова и др. М.: Издательский Дом ТОНЧУ: Московские учебники. С. 275–276.
- Чаянов А. В. (2007). Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. // Археология Подмоскovie. № 3. С. 26–40.
- Чаянов А. В. (2008). Письма (1909–1936) // Чаянов А. В. Избранное: Статьи о Москве. Письма (1909–1936) / Примечания С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ. С. 148–275.
- Чаянов А. В. (2006). «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Московская гофманиада / Послесловие В. Б. Муравьева; примечания В. Б. Муравьева, С. Б. Фроловой. М.: Издательский Дом ТОНЧУ. С. 217–274.
- Чаянов В. А. (2008). Чаяновы // Наша Николина Гора: в 2 кн. / Редкол.: М. М. Громова и др. М.: Издательский Дом ТОНЧУ: Московские учебники. С. 408–413.
- Чехов А. П. (1974). Письмо Лейкину Н. А., 14 июля 1884 г. Звенигород // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1983. Т. 1. Письма, 1875–1886. М.: Наука. С. 118–119.
- Яковлев А. С. (2008). История Николиной (Речь на вечере, посвященном 25-летию поселка) // Наша Николина Гора: в 2 кн. / Редкол.: М. М. Громова и др. М.: Издательский Дом ТОНЧУ: Московские учебники. С. 13–27.

Dacha on Nikolina Gora: The case of A. V. Chayanov

Natalia V. Mikhalenko, PhD (Philology), Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Povarskaya St., 25a, Moscow, 121069, Russia. E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Abstract. The article considers the features of the dacha-consumer cooperative “Workers of Science and Art” (RANIS) on Nikolina Gora. It was created as a village-commune and united the creative intelligentsia of the 1920s and 1930s, often connected by friendly or official relations. RANIS was based on the principles of collectivism: public vegetable gardens and transport, allocation of premises for breeding small livestock, cooperative canteen and collective children’s educational and leisure activities. Performances by artists, musicians, writers and scientists were to unite residents of the village and to develop common cultural ideas. Such events continued the traditions of literature and art of Zvenigorod places visited by A. S. Pushkin, A. I. Herzen, A. P. Chekhov, A. M. Gorky, I. I. Levitan, K. S. Stanislavsky, etc. The article focuses on the activities of A. V. Chayanov as one of three creators and inspirers of the dacha-consumer cooperative, who invited O. Yu. Schmidt, A. I. Kravchenko, B. A. Kril and others to Nikolina Gora. In 1928–1929, Chayanov’s excavations at the Uspensky settlement had both scientific (a new method of excavations) and educational meaning (in addition to practical skills, local adolescents learned the history of the land their dachas were built on). The dacha-consumer cooperative on Nikolina Gora presents a transformation of the estate tradition in the 20th century realities, that is, a collective life in nature harmoniously combined with intellectual and creative activity.

Key words: dacha topos, Nikolina Gora, RANIS dacha-consumer cooperative, A. V. Chayanov, A. S. Yakovlev (Trifonov), E. B. Kril, excavations of the Uspensky settlement, village-commune

- ИСТОРИЯ Krenke N. A. (2007) Arheologicheskie raboty A. V. Chayanova v doline Moskvy-reki v 1928–1929 godah [A. V. Chayanov's archaeological works in the valley of the Moskva River in 1928–1929], *Arheologiya Podmoskoviya. Materialy nauchnogo seminara*, issue 3, Moscow: IA RAN, pp. 23–25.
- Kril E. B. (2008) Rech na torzhestvennom sobranii k 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Chayanova (iz arkhiva semyi Kril — Gulyavyh) [A speech at the ceremonial meeting on the 100th anniversary of A. V. Chayanov (from the archive of the Kril–Gulyaev family)], *Nasha Nikolina Gora: v 2 kn.*, Moscow: Tonchu; Moskovskie uchebniki, pp. 403–407.
- Pushkin A. S. (1997) K velmozhe (“Ot severnyh okov osvobodzhdaya mir...”) [To the nobleman (“Freeing the world from the northern shackles...”)], Pushkin A. S. *Stihotvoreniya*, Saint Petersburg; Nauka, pp. 234–236.
- Raskopki* [Excavations] (2008), *Nasha Nikolina Gora: v 2 kn.*, Moscow: Tonchu; Moskovskie uchebniki, pp. 275–276.
- Chayanov A. V. (2007) Otchet ob arheologicheskikh rabotah v Zvenigorodskom uезде v 1928 i 1929 gg. [Report on the archaeological works in the Zvenigorodsky uyezd in 1928 and 1929], *Arheologiya Podmoskoviya*, no 3, pp. 26–40.
- Chayanov A. V. (2008) Pisma (1909–1936) [Letters (1909–1936)], Chayanov A. V. *Izbrannoe: Statyi o Moskve. Pisma (1909–1936)*, Moscow: TONChU, pp. 148–275.
- Chayanov A. V. (2006) Puteshestvie moego brata Alekseja v stranu krestiyanskoj utopii [The Journey of My Brother Alexei to the Land of Peasant Utopia], *Moskovskaya gofmanada*, Moscow: TONChU, pp. 217–274.
- Chayanov V. A. (2008) Chayanovy [Chayanovs], *Nasha Nikolina Gora: v 2 kn.*, Moscow: Tonchu; Moskovskie uchebniki, pp. 408–413.
- Chekhov A. P. (1974) Pismo Leikinu N. A., 14 iyulya 1884 g. Zvenigorod [Letter to Leikin N. A. on July 14, 1884, Zvenigorod], Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tt.*, Moscow: Nauka, vol. 1: Pisma, pp. 118–119.
- Yakovlev A. S. (2008) Istoriya Nikolinoj (Rech na vechere, posvyashchenom 25-letiyu poselka) [Story of Nikolina Gora (A speech at the evening in honor of the 25th anniversary of the village)], *Nasha Nikolina Gora: v 2 kn.*, Moscow: Tonchu; Moskovskie uchebniki, pp. 13–27.

Russia's ways to ensure food security (control food prices) in 2020-2022, and their impact on consumers¹

N. I. Shagaida, D. S. Ternovsky, I. V. Trotsuk

Natalia I. Shagaida, DSc (Economics), Head of the Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

Denis S. Ternovsky, DSc (Economics), Senior Researcher, Center for Agro-Food Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Irina V. Trotsuk, DSc (Sociology), Professor, Sociology Department, RUDN University; Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Abstract. This year confirmed an ambiguous situation with food security in Russia. On the one hand, the government insists on the achieved sustainable food self-sufficiency/sovereignty: “Russia is self-sufficient in all basic types of food”²; “the level of food security in Russia is one of the most reliable in the world”³; “the Eurasian Economic Union has reached a level of self-sufficiency in most food products (grain, vegetable oils, pork, lamb, sugar, eggs)”⁴. The Russian leadership admits the “very complex nature” of food sovereignty as depending on climate change, population growth, trade wars, sanctions, and so on⁵. However, the official discourse emphasizes that “we should not be pessimists”, “a country striving to be sovereign must provide itself with food”, and Russia solves this task so successfully that has become one of the largest food exporters. Therefore, “in 2023, food inflation in Russia will be one of the lowest in the world due to self-sufficiency in basic products”⁶ and “systemic measures of anti-crisis sup-

1. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program
2. Russia provides itself with the basic types of food, Putin said. 18.05.2023. URL: <https://ria.ru/20230518/prodovolstvie-1872601897.html?ysclid=llrwoogh3f828613799>.
3. Mishustin praised the level of Russia' food security. 23.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230323/prodbezopasnost-1860018791.html?ysclid=llrvy7n5km581093894>.
4. Prime Minister Mishustin: Russia's level of food security is one of the most reliable in the world. 21.06.2023. URL: <https://rg.ru/2023/06/21/baranina-sahar-i-iajca.html?ysclid=llrvyekkl1646198537>.
5. African food sovereignty: A joint solution to the African problem. 07.27.2023. URL: <https://www.interfax.ru/russia/913622>.
6. In 2023, Russia's food inflation will be one of the lowest in the world. 18.07.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZLZqCeL2qmgyOXh3>.

port for enterprises and sectors that ensure food security”⁷. Since mid-2020, rising prices on world markets have determined higher prices on domestic markets, and high food inflation affected many countries. In Russia, food inflation is lower compared to other regions (10% vs 19.1% in the EU or 14.9% in the OECD), and the rate of increase in food prices is lower than general inflation, while in other countries food prices became key drivers of accelerating retail prices. The article considers Russia’s measures for keeping food prices down and its population’s everyday food-consumer practices for keeping usual diet under rising prices. The survey confirmed the persistent inconsistency of Russians’ assessment of food practices, which can be explained by the trend to ‘normalize’ one’s life situation in general and in its most essential part (daily diet) in particular.

Key words: rising food prices, foreign and domestic markets, food inflation, food prices volatility, food (in)security, (everyday) food-consumer practices, economic and physical access to food, sociological data

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-87-112

Food self-sufficiency, prices volatility and government measures

In Russia, the need for self-sufficiency is considered urgent in all economic spheres, including the functioning of all national systems under cataclysms in world markets. However, the first serious efforts were made by the state to increase the level of food self-sufficiency. From 2010 to 2020, food independence indicators (80%–95% of national consumption for main product groups) were the only indicators of the national food security according to the Doctrine of Food Security⁸. Today for all main food groups, except dairy products and fruits, the country has achieved food independence. The state focused on the highest possible level of self-sufficiency/independence to ensure stable food supplies and to reduce the dependence of national food prices on fluctuations on foreign markets. The integral level of food dependence, calculated as the ratio of the import-export balance to the population’s food expenses, reached negative values already in 2020. However, as the rising prices have shown since 2020, high self-sufficiency does not protect the national economy from price volatility under the rising prices on foreign markets.

In 2022, Russia’s food independence did not decrease, as evidenced by the growth rate of agricultural production (+10.2%) compared to 2021. This growth, the country’s status of a net food exporter and the state support for agriculture (1.1%–1% of spendings in the consolidated budget) prove the sustainability of Russia’s food system (Fig. 1–2).

7. Food at the safe line. 15.06.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6042042?ysclid=llrvy4x2ul103550459>.

8. Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020, No. 20 “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation”

Fig. 1. Integral level of food dependence on imports, %⁹

Fig. 2. Share of agricultural expenditures in the consolidated budget

From the beginning of 2020 to September 2020, the increase in food prices on the domestic market was 2%–5% (compared to the same months of the previous year); in December 2020, prices increased by 6.7% compared to December 2019. This trend made the government react urgently and publicly — by revising the rules for introducing maximum retail prices for socially significant food products. According to the new rules, maximum retail prices can be introduced for three months if the price of the socially significant product increases by 10% in 60 days (previously 30% in 30 days); and maximum retail prices were introduced for sugar and vegetable oil¹⁰. In addition, the Russian

9. Calculated on the Rosstat data with V.Ya. Uzun's method: Shagaida N. I., Uzun V.Ya. (2015) Food security: Assessment issues. *Economic Issues*, no 5.

10. "On approval of the rules for introducing maximum retail prices for certain types of socially significant, essential food products, of the list of socially significant, essential food products for which maximum retail prices can be introduced, and of the list of socially significant food products for the purchase of certain quantities of which the trader (business entity) is

government took many measures used in other countries such as specific restrictions/incentives to curb price increases for certain products, bans on export of some products, new export duties and quotas, reduced import duties, increased government support, revised lists of socially important companies (they were promised support in difficult situation), some money were paid to families with children three times.

As expected, the introduced maximum retail prices for certain types of sugar and vegetable oil did not stop but slowed down rising prices for sugar and vegetable oil in general. Moreover, price restrictions did not significantly affect the dynamics of food prices. Thus, the accumulated consumer price index for food increased from 1.76 in November 2020 to 1.91 in November 2021, and in April 2022 the growth accelerated — in 5 months this index increased from 1.91 to 2.06. The growth rate of food prices increased every year, and in February 2022 food prices already exceeded the prices of February 2021 by 11% (in February 2020/2019 — +1.8%, in February 2021/2020 — +7.8%, in February 2022/2021 — +11.5%). Since February 2022, food prices have been rising steeply — in April 2022, by 20% compared to April 2021.

The list of socially significant products and maximum retail prices for them are highly appreciated by the Russian population but are criticized by experts¹¹. The government does not want to abandon or reduce the list of socially significant products¹²: to curb retail prices, the government prefers agreements with manufacturers and retailers to the introduction of maximum retail prices. It should be noted that the condition for applying new rules (an increase in price of the socially significant product by 10% in 60 days) was fulfilled only in a few months of 2022 for 14–16 products from the list of 24 socially significant ones.

Not only rising prices are important but also the position of the product in consumption and its share in food expenses. Thus, the price of sugar increased by 50% from August 2021 to August 2022, but, considering its share in food expenses, this increase turned into 0.5% in the total increase in food prices (14.7%), and the share of all 24 socially significant products — into 3.2%. In other words, under rising prices, maximum prices for some products were of little use, that is, such measures were ineffective but had a positive psychological effect on consumers.

The idea of controlling retail prices is extremely popular in Russia: older generations remember the Soviet era with prices that did not change for decades, which explains the enviable regularity of populist bills prom-

not allowed to be paid remuneration”. Federal Law of December 28, 2009, No. 381-FZ “On the Basics of the State Regulation of Trade in the Russian Federation”, Article 8.

11. Experts suggested to exclude beef and apples from the list of socially significant products. URL: <https://www.rbc.ru/business/13/12/2022/63931a959a79470deac2e8a6>.
12. Ministry of Economic Development denied the exclusion of apples and beef from the list of socially significant products. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/12/13/955090-minek-oproverg-isklyuchenie>.

ising to keep retail prices or trade margins down¹³. However, any limitations of trade margin for a product or a group of socially significant products only redistribute trading costs and rate of return to other groups of products in stores. Thus, when the maximum retail price was set for one type of sunflower oil, prices for unrefined sunflower oil increased together with average prices for other types of vegetable oil (Uzun 2023). There is a more effective measure — to allow retailers to select several types of socially significant goods for setting maximum retail prices. However, there is an indisputable psychological effect of discussing and introducing measures to keep trade margins down or to limit profits of trading organizations — such measures are easy to implement and administer, and customers believe to be taken care of. This is why bills with different trade margins (5%, 10% or 20%) appear and disappear with enviable regularity¹⁴.

Our analysis of food prices volatility allowed to identify some features of its dynamics since 2006: a reduction in normal volatility intervals; an increase in the amplitude of volatility; an increase in the period of high volatility (Fig. 3).

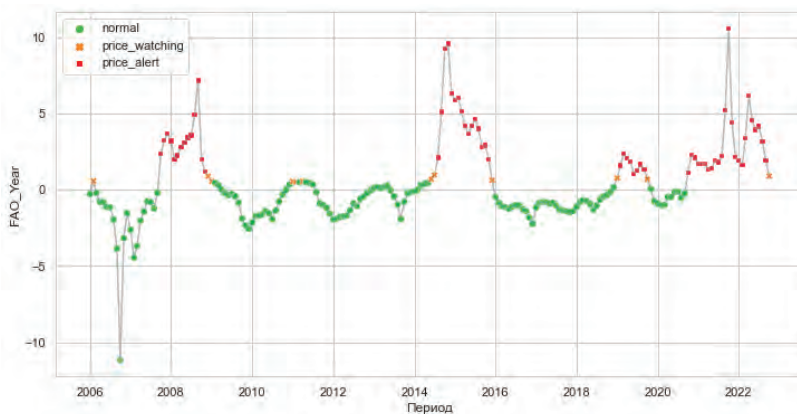

Fig. 3. Volatility of food prices and the population's reaction to rising prices (Rosstat data, FAO volatility assessment methodology) (Baquedano 2015)¹⁵

13. A bill for keeping trade margins on socially significant products down was submitted to the State Duma. URL: <https://www.interfax.ru/russia/824449>; The maximum trade margin on some products in Russia is to be limited to 5%. URL: <https://www.interfax.ru/business/820134>.
14. Deputies proposed to limit trade margin on socially significant products to 10%. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/deputaty-predlozhili-ogranichit-10-torgovuyu-nacenu-na-socialno-znachimye-produkty-20220225-130600>; Deputies are rewriting price tags. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4322009>.
Keeping trade margin on food products down? The Altai deputy also advocates ration cards. URL: <https://regnum.ru/news/economy/3497060.html>.
15. Methodology for assessing excessive volatility in the food market. IFPA Indicator (2018). URL: <https://www.fao.org/3/cb0764ru/cb0764ru.pdf>.

At the end of 2020, the long period of the abnormally high volatility began (based on the observations since 2006) and has not yet ended: only on October 1, 2022, the annual FAO volatility index left the anomalous zone for the moderately high one and in December — for the normal one. The maximum annual volatility (calculated by the FAO method) was observed on October 1, 2021 (10.57), although volatility is considered normal up to 0.5, and from 1 — as abnormally high. However, despite the extreme volatility, in 2022 the food price increase was not maximum: in 2008, 2015 and 2016, the price index was higher than in 2021 and 2022 (Fig. 4).

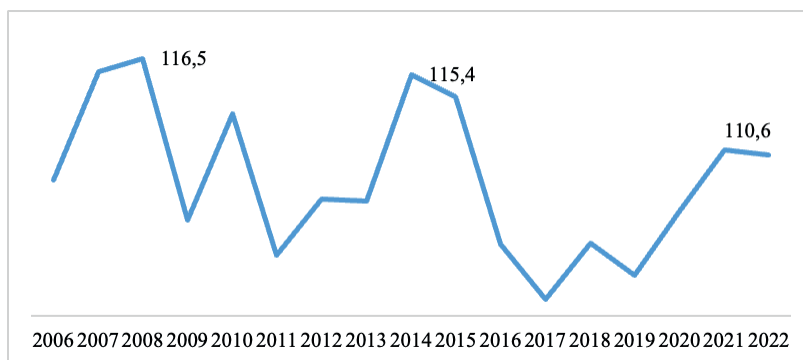

Fig. 4. Food price index, % (December to December)

In 2020–2022, the reaction to rising prices was as sharp as in 2015, when the Russian government did not take any measures to keep prices down. We used two ways to assess the population's reaction: counted the number of publications on rising prices in the media (Fig. 5) and conducted a sociological survey.

Thus, not so much rising prices as the features of price volatility matter: under less price increase but long-term high volatility the situation was considered more dangerous than in previous years despite greater government efforts. Our estimates of the influence of price volatility show that families with low incomes were more affected (Shagaida et al 2023). The high level of national food self-sufficiency failed to reduce social tension caused by rising prices since this high level did not lead to low price volatility. Russia was self-sufficient in potatoes, cabbage, eggs and flour, but their prices were extremely volatile; there was a high dependence on imports of apples, but their price volatility was relatively low. The same applies to countries with different levels of self-sufficiency: in 2020–2021, they showed different price increases, that is, a high level of self-sufficiency does not guarantee low food inflation or low volatility.

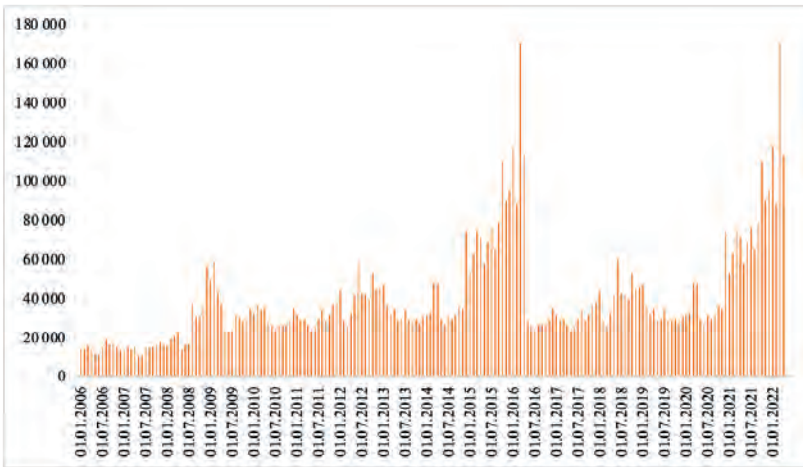

Fig. 5. Number of publications in the Russian media by the search query “rising prices” (based on the data of Medialogia)

It would be logical to assume that rising prices would increase the share of households' food expenses. However, in 2021, this share decreased compared to 2020 — from 37% to 36.3%. As a rule, a decrease in the share of food expenses is considered a good sign, but in 2021 it was accompanied by a deterioration of diet: in 2020, the average cost of the food set ensured 96% of the rational consumption, while in 2021 — 94%. Despite a decrease, this average indicator was still very high, and the share of households assessing their financial situation as a lack of money for food was very low (above 0 only in 9 subjects of the Russian Federation out of almost 80 — from 0.1% to 1.3% of households¹⁶). In the village, the share of food expenses did not change (in 2021 and 2022 — 42.5%) and the worse diet remained (higher consumption of cheaper products, including sugar, reduced consumption of meat and fruits, a slight increase in the consumption of dairy products and eggs).

In Russia, when the levels of production, self-sufficiency and prices change, the access to food remains the same, according to the long-term observations of three decile groups: 30% of households can afford only up to 85% of rational consumption (Shagaida, Uzun 2015; Shagaida et al 2019; 2022). Probably, the most vulnerable families have the lowest incomes but receive social subsidies and benefits, which does not allow their life situation to worsen under rising prices. Thereby, government's efforts to support the poor seem to be the most successful: when prices rise, the group affording up to 85% of rational consumption does not increase. The idea of a food aid pro-

16. Rosstat: Sample surveys of household budgets. 2021. URL: <https://obdx.gks.ru>.

gram for vulnerable groups is constantly discussed especially under rising prices. The refusal to introduce such a program in Russia is explained not so much by inflation risks as by “acceleration of inflation”¹⁷. But this explanation has no justification: under the pandemic, social payments did not accelerate inflation that was lower than in 2015–2016, when there were no additional payments (Fig. 6).

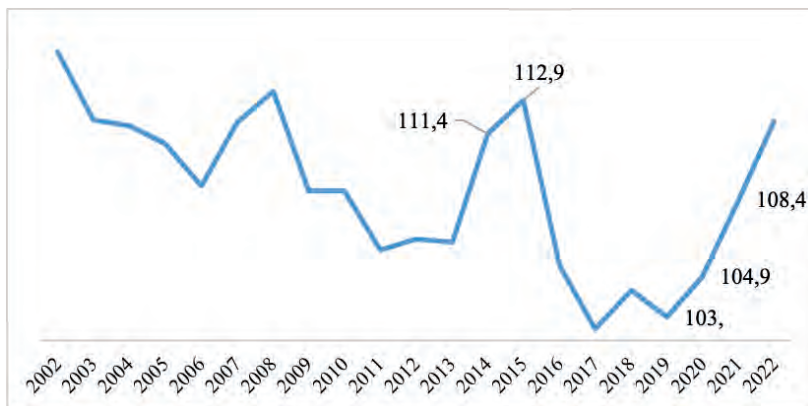

Fig. 6. Price index for goods and services, % (December to December)

Although since December 2022, price volatility has kept normal distribution, price increases remain a pressing problem. In 2023, 58% considered rising prices the most worrying social problem¹⁸. Food was named the most increased-in-price goods by every fourth in the first half of 2020 vs 38% in December 2021 and 40% in April 2022¹⁹. In December 2022, 35% expected prices to rise significantly, while 49% were more optimistic — expected a slight increase²⁰. Most Russians (82%), “when choosing food products, focus primarily on price; for 88% discounts and promotions are important”²¹; “there is a growing share of

17. Pokatovich G. How to curb price increases. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/22/10/2021/6172db069a79474dd66bdee4>.

18. The most pressing problems of the Russian society: March 2023. URL: <https://www.levada.ru/2023/04/14/predstavleniya-o-naibolee-ostryh-problemah-rossijskogo-obshhestva-mart-2023-goda>. The Russian non-governmental research organization “Yuri Levada Analytical Center” (“Levada-Center”) was included by the Ministry of Justice in the register of non-profit organizations performing the functions of a foreign agent.

19. Question: In your opinion, in the past one or two months, for what goods and services prices have increased the most? URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=499&q_id=48528&date=27.02.2022.

20. Question: How do you think, will the prices for basic consumer goods and services change in the next one or two months? URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=635&q_id=64161&date=25.12.2022.

21. Trends in Russians’ food consumption. 06.04.2023. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/04/06/trendi-potrebleniya-rossiyanami-pro

Russians planning to save on food and essential goods... and the most popular ways to save on are to buy food on promotions and discounts, choose cheaper shops/products or refuse to buy some other goods”²². “For every fifth Russian, food products are expensive — vegetables, fruits, meat, seafood, etc. (21%). In the group of 60+ year-olds and in the group with a low consumer status, the top three most expensive goods include food products (26% and 37%, respectively)”²³. “Most Russians say that they have food reserves (85%)... due to the fear of rising prices (46%)... even in Moscow and Saint Petersburg (35%)”²⁴. In other words, the Russian government is concerned primarily with physical access to food (sufficient volumes of production) and food exports, while the Russian population is worried mainly about economic access to food.

Sociological dimension of Russia's food security under rising prices

Our sociological monitoring of food security aims at considering it not through state programs or national strategies but through households' everyday food practices and consumers' perception of food risks. The sixth all-Russian survey was conducted on March 13–15, 2023 on a sample of 1818 respondents (completed telephone interviews) by 95 operators of the Omsk call center (the average interview took about 26 minutes). This sample's differences from the official *Rosstat* data by gender, age and settlement are not statistically significant, just as the differences from our previous surveys. 76% live in cities and towns, 21% — in rural areas; 58% are employed (including part-time jobs and self-employment), 33% — retired, 7% — unemployed; most households consist of two (32%) or three (22%) members.

Most respondents believe that their families eat enough meat (73%) but not fish (46%); every fifth (18% vs 7% for meat) explains insufficient fish consumption by a conscious choice, every fourth (24 and 17%, respectively) — by lack of money (Fig. 7): “*Fish is more expensive than meat! How is it possible? Where such prices come from?!... And meat is very expensive. I cannot afford it as often as I want*”.

duktov-pitaniya?ysclid=llttq1ndx982112383.

22. The share of Russians planning to save on food and essential goods has increased. 17.08.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6162445?ysclid=llttxit1rg145583903>.
23. Shopping in Russia: Trends, challenges, guidelines. 03.07.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shopping-v-rossii-trendy-vyzovy-orientiry>.
24. Products for future use, or the art of stocking up. 13.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/produkty-vprok-ili-ob-iskusstve-delat-zapasy>.

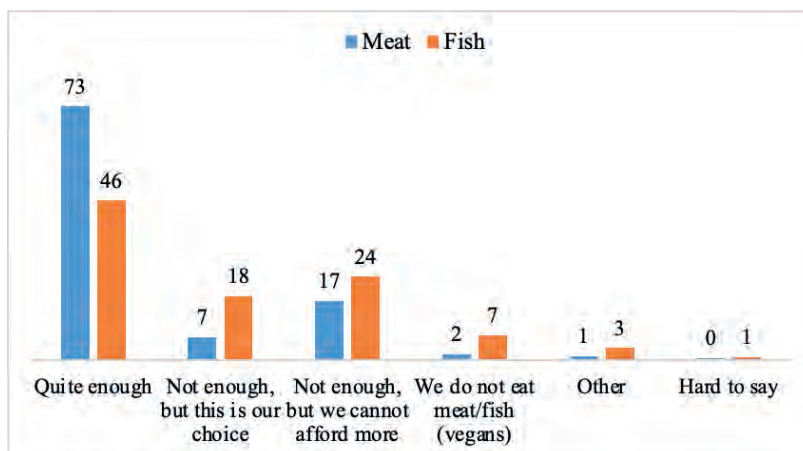

Fig. 7. Family consumption of meat/fish (%)

A specific feature of the Russian public opinion is a kind of social ‘normalization’ — respondents tend to give socially approved answers even to minimally sensitive questions: ‘normal’ family (‘normal’ income, ‘normal’ diet, etc.) should have ‘normal’ food products, primarily nutritious (meat) and vitamin-rich (fruits), which should be purchased even in straits: “*We eat meat every day. Me, my wife, two children and my mother-in-law — we love meat and eat it every day*”; “*It depends on income, and it’s not that simple to buy as much as we want. For instance, I go to the farmer, buy a half of pork, and we eat it... I would like to eat not only pork but also beef, but we cannot afford beef. We can afford poultry*”; “*We buy fruits only for children, my wife and I, we do not eat fruits, we buy fruits only for children... and not every day... and only apples and bananas*”.

Every second respondent says that in winter his family buys as much fresh fruit as they want, 40% buy fruits as far as possible, every tenth — extremely rarely due to lack of money. Almost every tenth says that his family does not buy fresh fruit in winter (11%, but 9% mention food reserves) (Fig. 8). The changed wording of the question does not allow to make comparisons: previously we focused on the frequency of consumption of fresh fruits in winter (an objective indicator), in 2023 — on the subjective aspect of consumption, i.e., whether respondents can afford fresh fruit in winter in principle. However, the answer “we don’t buy fresh fruit in winter” was used in all surveys, which allows to make a comparison (Fig. 9).

In 2023, the share of respondents not buying fresh fruit in winter almost doubled (11% vs 6%). On the one hand, the social-economic (sanctions and special military operation) and financial (ruble vola-

tility and its declining purchasing power) situation has hit Russians' pockets, and people "tighten their belts" by reducing consumption of off-season food products. On the other hand, by breaking the answer "we don't buy" into two options — the very fact and its explanation — we gave respondents an opportunity to admit self-restraint but to "save one's blushes" by referring to food reserves (made of organic, cheap, self-grown seasonal fruits), which is considered socially 'normal': "We don't buy fresh fruit in winter because we eat frozen and canned self-grown fruits and berries... and because we don't have enough money". Russian families seem to have developed sustainable patterns of fruit consumption, which are unlikely to change without a sharp deterioration of the financial situation (purchasing power) of households. "We have dacha and we provide ourselves with fruits, but we buy some exotic fruits: bananas, watermelons, etc. as far as possible".

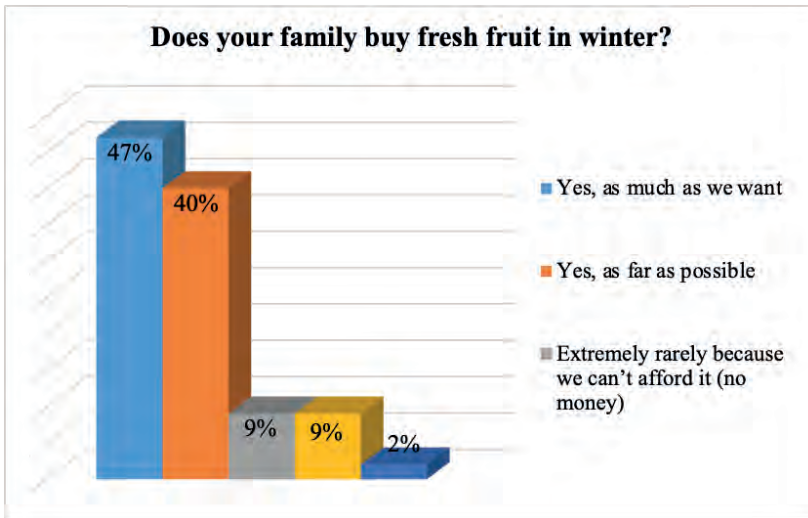

Fig. 8. Consumption of fresh fruit in winter (%)

In general, assessments of the diet quality have not changed significantly since 2017 (fluctuations do not exceed the statistical error) (Fig. 10).

Most respondents qualify their family diet as 'normal' — good or satisfactory (84% in 2017, 80% in 2020, 82% in 2021, 81% in 2022, 79% in 2023; the sum of 'excellent' and 'good' estimates is, respectively, 55%, 61%, 56%, 58% and, unexpectedly, 66% in 2023). Such food 'optimism' can be explained by the "social desirability" effect, and its impact increases in a difficult social-economic situation in which respondents tend to hyper-normalize basic aspects of their life. This is confirmed by the trend of worsening

diet with age, i.e., due to low incomes of the elderly, although they also assess their diet as 'normal'/'good'. 24% of the youth (17% in 2022), 18% of 35–54-year-olds (13%) and 9% (8%) of the elderly assess their diet as excellent; 51%, 51% and 49%, respectively (52%, 45% and 43% in 2022) — as good; 21%, 27% and 37% (26%, 35% and 40%) — as satisfactory. Gender differences are insignificant: men more often assess their diet as excellent (20% vs 13%), women — as satisfactory (33% vs 25%), which can be explained by the traditionally greater concern of women about their family diet.

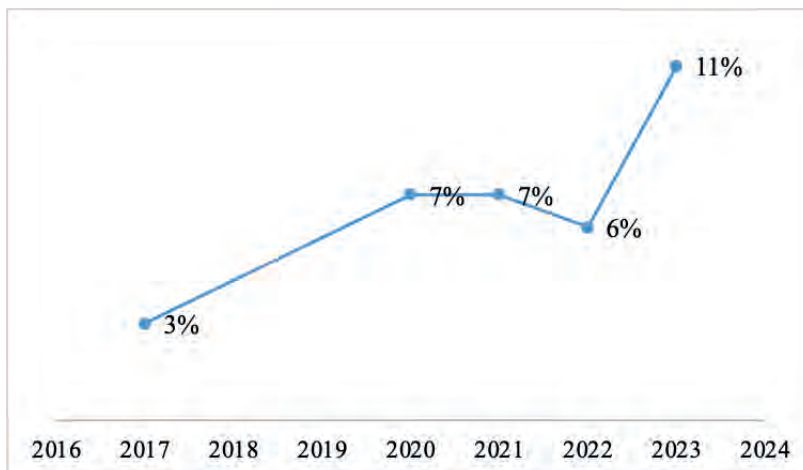

Fig. 9. Shares of respondents not buying fresh fruit in winter

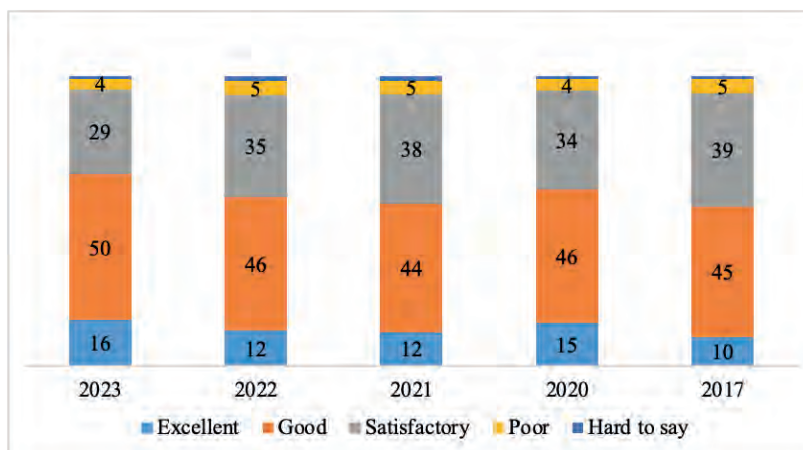

Fig. 10. Assessments of the diet quality (%)

Since in 2022 some indicators did not change compared to 2021 and 2020 (fluctuations did not exceed the statistical error), we slightly changed a few questions' wording to focus on respondents' 'self-examination'. In 2020, the share of respondents with relatives or friends who ate poorly or were malnourished decreased from 29% (2017) to 23%, in 2021 this share was 25%, in 2022 — 22%, and in 2023 — 25%. In 2023, we removed the question about whether the share of such people had changed over the year, since from 2017 to 2020 there was a positive trend (decreasing share of those noting an increase in the number of poorly eating families), and since 2021 — a negative one (every second noted an increase in this number). Thus, we wanted to identify the very fact of knowing malnourished families rather than to confirm the previously identified trend in assessing the situation of such families: *The number of poorly eating people among those I know has increased due to rising prices*; *“There is no malnutrition among my friends or relatives, but there is malnutrition among other people I know”*.

The fact that there are malnourished families in the close social circle of every fourth respondent is an extremely negative indicator, especially considering the methodological function of this question: given the Russians' desire for social 'hyper-normalization', the question about one's social circle provides more reliable data than a direct personal one which makes respondents assess their life situation more positively: 69% say that in the past three years the quality of their diet has not changed, 14% — that it has improved, 16% — that it has deteriorated. In 2022, we changed the period — from “three years” to “the last year”, but the distribution of answers did not change: 72% said that the quality of their diet had not changed (60% in 2021), 8% — that it had improved (15%), every fifth (23%) — had deteriorated. Since the three-year period is perceived as a more obvious 'past' and by March 2023 there had been no radical transformations in the Russian society (compared to March 2022), we returned to the three-year period: the share of those noting improvements in the quality of their diet increased from 8% to 14% due to a reduction in the shares of those noting deterioration (from 19% to 16%) or no changes (from 72% to 69%).

In 2021–2022, we asked respondents to assess sufficiency of their diet and requests to it for a certain period: in 2021 — for six months, in 2022 — for a month, since a shorter period provides more reliable data. However, the differences were insignificant, which seems to confirm the pressure of social desirability in direct questions: in 2021, 85% said that their families did not suffer from insufficient nutrition (45% had enough food they wanted, 40% — enough but not always of the desired type); in 2022, respectively, 88% (48% and 40%). The main reason for not hav-

ing the desired food was “not enough money” (85%; 82% in 2021) (Fig. 11). In 2023, we changed the wording: since respondents had already given a qualitative assessment of their diet, we replaced its comparisons with a clarification — whether respondents could always afford the desired food. The sample split into two equal groups: 49% could, 49% could not, and the latter were asked to explain their answer (Fig. 12). Most respondents in this group could not afford the desired food due to rising prices (72%), every third (30 %) — due to a decrease in income (Fig. 13).

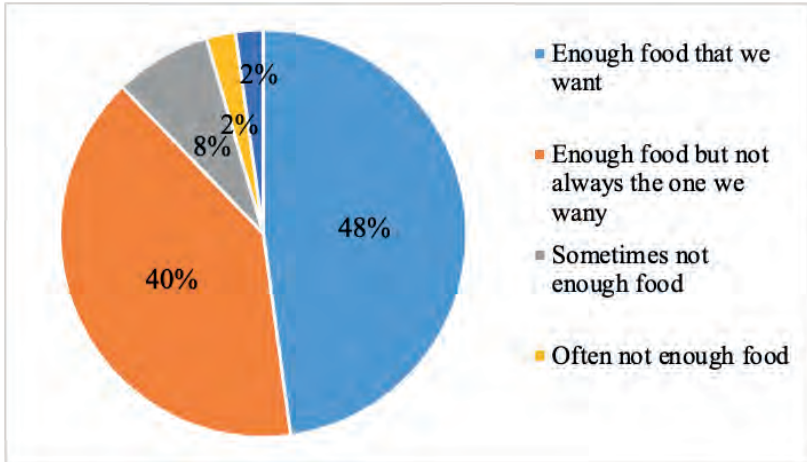

Fig. 11. “What is the best description of your diet?” (2022)

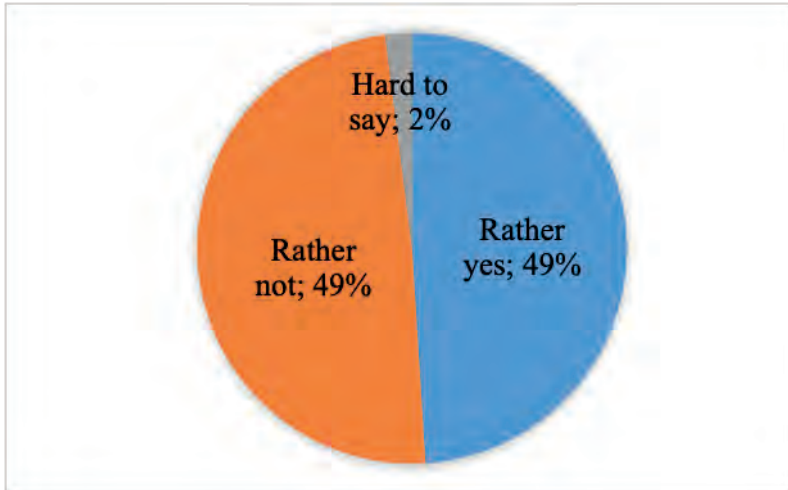

Fig. 12. “Can you always afford the food you want?”

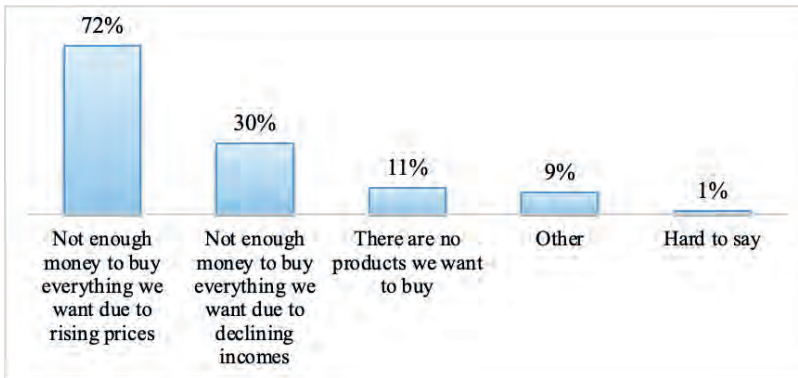

Fig. 13. Reasons for food self-restraint

The distribution of self-restrictive strategies has changed since 2017 (a half began to use such strategies, a half did not): in 2020, the share of self-restricting families decreased to 39% (60% avoided such strategies); in 2021, the ratio changed to 43% vs 55%, in 2022 — 41% vs 57%, and in 2023 — 35% vs 63% (Fig. 14).

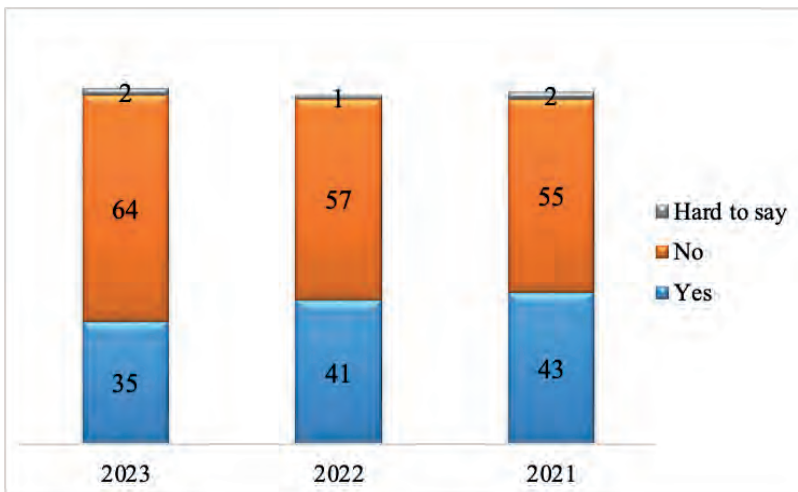

Fig. 14. "If you compare last year and this year, has your family started limiting food expenses?" (%)

The set of products in which families limit themselves has changed little since 2017 (Fig. 15), but there are clear negative trends.

As a rule, respondents buy less meat (67% in 2017, 60% in 2020, 57% in 2021, 55% in 2022 and 2023) and fish (respectively, 49%, 51%, 55%, 47% and 58%), that is, Russians react to rising prices by reducing primarily the fish and meat parts of their diet. Since 2017, from a quarter to a third

of respondents chose to buy less dairy products (since 2021 — a third), 39%–40% — less fruits. The shares of those buying less fruits and dairy products change little, while the share of those buying less vegetables began to grow in 2021: in 2017, it was every fourth respondent, in 2020 — every fifth, then every third (34% in 2021, 37% in 2022, 33% in 2023). “*This year vegetables became very expensive... a kilogram of cucumbers and a kilogram of meat are equal in price. I'd rather buy a kilogram of meat*”.

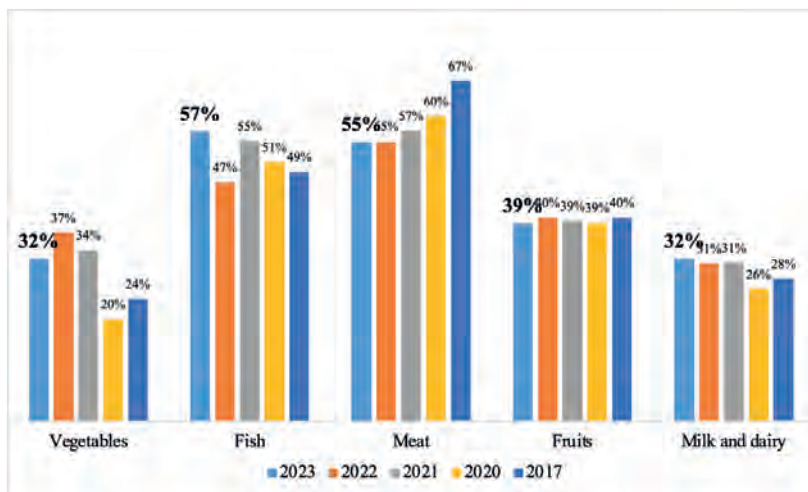

Fig. 15. “What food products does your family buy less?”

The households’ response strategies to rising food prices do not change much (Table 1; Fig. 16): respondents look for places (shops, markets) with cheaper prices (71%) or choose cheaper products in usual places (59% vs 69% in previous years, which seems to indicate both a consumer habit and coming to terms with constantly rising prices); then comes a reduction in purchases (39%) partly compensated by the personal subsidiary plot (32%), although the potential of the latter has decreased; the least used strategy is to ask relatives with personal subsidiary plots for food aid (14%), while every third (36%) began to give more food to relatives. “*I prefer not to buy cheaper products, because cheap means low-quality... For example, sausages: you shouldn't buy sausages for 100 rubles, at least for 500 rubles to be sure that there's some meat in them*”.

Table 1. Households’ response strategies to rising food prices

Strategy		2023	2022	2021	2020	2017
We try to keep our diet but buy less food (2023) / We buy less food	Yes	39%	43%	42%	38%	49%
	No	58%	56%	56%	61%	50%
	Hard to say	3%	1%	2%	1%	1%

*N. I. Shagaida,
D. S. Ternovsky,
I. V. Trotsuk*
Russia's ways to ensure food security (control food prices) in 2020-2022, and their impact on consumers

We try to find a place (shops, markets) with cheaper prices	Yes	71%	71%	70%	69%	78%
	No	28%	27%	27%	29%	21%
	Hard to say	2%	2%	2%	1%	2%
We buy cheaper products in usual places	Yes	59%	69%	68%	67%	68%
	No	38%	28%	30%	30%	30%
	Hard to say	3%	2%	3%	3%	2%
We get more food from relatives with personal subsidiary plots	Yes	14%	15%	20%	17%	23%
	No	86%	84%	78%	82%	76%
	Hard to say	1%	1%	2%	1%	1%
We started to grow (more) fruits and vegetables	Yes	32%	32%	36%	37%	40%
	No	67%	65%	63%	62%	59%
	Hard to say	1%	3%	1%	1%	1%
We give more products to relatives	Yes	32%				
	No	67%				
	Hard to say	1%				

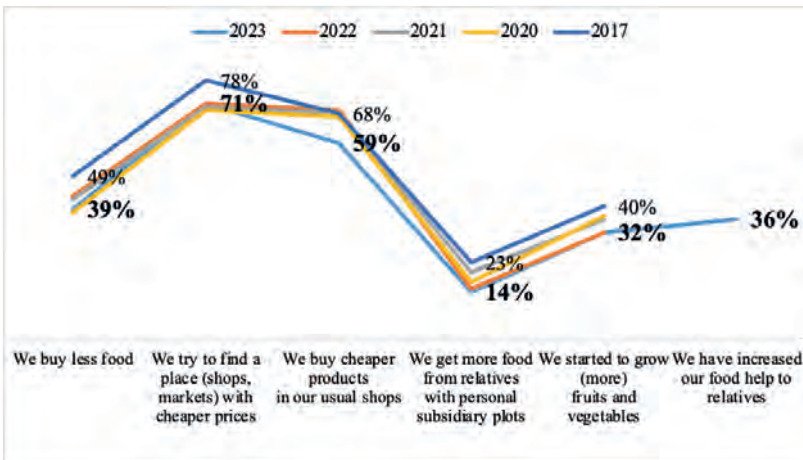

Fig. 16. Households' response strategies to rising food prices

Since 2017, the share of those intensifying self-sufficiency practices under rising prices has decreased, that is, of those who start/increase food production in personal subsidiary plots (32% in 2022–2023, 40% in 2017) or rely on such efforts of relatives (14%–15% and 23%) (Fig. 17).

Self-sufficient practices have consistently reached their limit: in 2021, the share of those growing vegetables and fruits in their subsidiary plots increased to 88%, and in 2023 — to 92%. It is unlikely that Russians' passion for gardening is determined by the desire to provide their families with organic food, it is rather a reaction to the social-economic situation (rising prices, economic inaccessibility of food, the special military operation that followed the pandemic restrictions, etc.) in which many households reconsider their self-suf-

efficiency decisions. This is confirmed by the fact that until 2022 there was no increase in potato production (from 2017 to 2022, the share of those growing it decreased from 78% to 66% of families with personal subsidiary plots, and in 2023 this share increased to 72%).

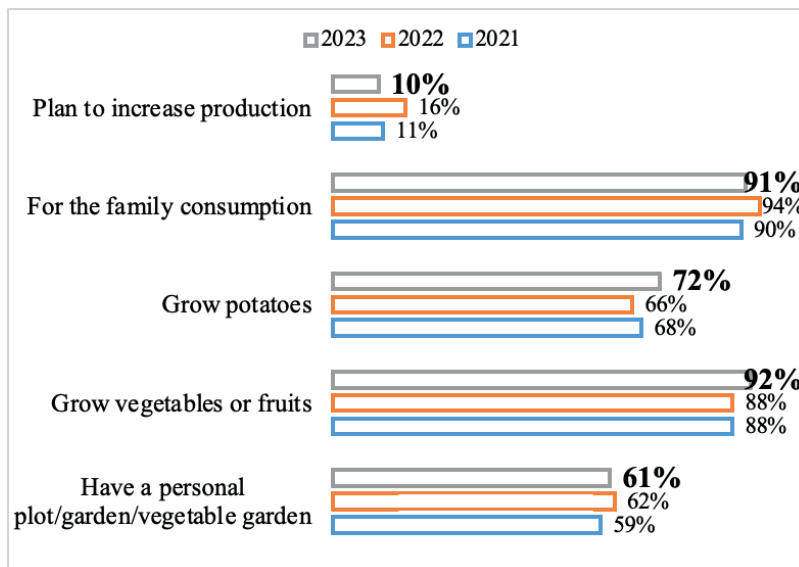

Fig. 17. Households' situation under rising food prices

In 2022, the share of those not growing potatoes/vegetables/fruits due to unprofitability decreased (23% vs 29% in 2021; in 2023 — 24%), while the shares of other reasons almost did not change: every fifth (22%; 21% in 2021) did not consider it necessary; 14% (13% in 2021, 16% in 2023) did not want to be engaged in such activities; every second (48%; 45% in 2021) named some objective reasons (a small plot, poor quality of land, etc.) or physical inability (poor health, old age, etc.). In 2023, the share of those not seeing the need for growing potatoes/vegetables/fruits increased to 29%, and every fifth (19%) mentioned physical inability/difficulty.

The group keeping poultry and/or livestock is even smaller (15%; 13% in 2022, 16% in 2021), such respondents prefer chickens and ducks (88%; 91% in 2022, 88% in 2021), and this figure increased significantly from 2017 (55%) to 2020 (89%). In 2021, we explained the expansion of self-sufficiency practices by the fact that their dairy and meat parts had become more in demand and more marketable since city dwellers moved to villages under the pandemic. In 2022, the situation changed due to rising prices on poultry and livestock production: “*What fool raised prices for forage crops? How can one keep poultry if a kilogram of feed costs 20 rubles?*”. The deteriorating social-economic situation made households return to poultry and meat production: in 2022–2023,

most such households provided their diet (over 90%), that is, reached the limit of self-sufficiency, which is confirmed by the share of those not planning to expand their farm production — 89% (87% in 2021; 81% in 2022). As a rule, respondents plan to grow more potatoes, vegetables and fruits (66% in this group, 71% in 2022), less often to keep more poultry (37% and 39%) and livestock (33% and 22%). In general, there are no generational differences, but with age the share of those mainly providing themselves, relatives and friends with the produce of their personal subsidiary plots increases: every third among 18–34-year-olds, 40% of 35–54-year-olds, every second among the elderly (53%).

In previous surveys, most respondents did not notice the disappearance of their usual products (84% in 2021, 85% in 2020, 82% in 2017), but in 2022 this figure was 50%: before a small share noticed a reduction in their usual assortment (7% in 2021, 8% in 2020, 7% in 2017), in 2022 — 44%. It seems that from spring 2022 to spring 2023, Russians adapted to new realities: in 2023, the majority (78%) did not notice the disappearance of their usual products, and such respondents do not worry about a reduction in their usual assortment — almost every second in this group (49% in 2022, 46% in 2021) before and 62% in 2023. Perhaps, consumers got used to the ‘product’ consequences of sanctions and geopolitical decisions: changes in the food assortment have become routine and given rise to jokes, for instance, about the bans of Turkish tomatoes in response to unfriendly decisions of the Turkish leadership: *“I don’t know what food products have disappeared... I do not experience any inconvenience due to a reduction in food assortment... We are unpretentious in food... We are rather short of money than of food”*.

In 2022, there were significant changes in the assessment of missing products: previously, every fifth in this group mentioned vegetables, fish and fruits, every third — dairy products, every fourth — groceries; in 2022, the leaders were grocery (52%) and ‘other’ (61%), and the shares of dairy products and fruits (7%), vegetables (6%), fish (5%) and meat (3%) decreased. The share of the ‘other’ increased significantly due to the sugar rush: 93% in these group named sugar. In 2023, the list of missing products confirmed the trends identified before 2022 (Fig. 18): every third named dairy products or ‘other’, every fourth — groceries and fish, every fifth — vegetables, 15% — meat and fruits. The fact that 2022 stands out from the trends can be explained, on the one hand, by the increased sanction pressure after the start of the special military operation; on the other hand, by the question wording in 2022 — in March we asked whether any food products had disappeared, and respondents could not help but contextualize their answers with anti-Russian sanctions. In 2023, the wording became more time-specific and neutral: respondents were asked to name usual food products that had been missing since the beginning of 2023. *“I cannot say that some specific products are missing, but the assortment has decreased in general, and we have to choose from products we didn’t buy before”*.

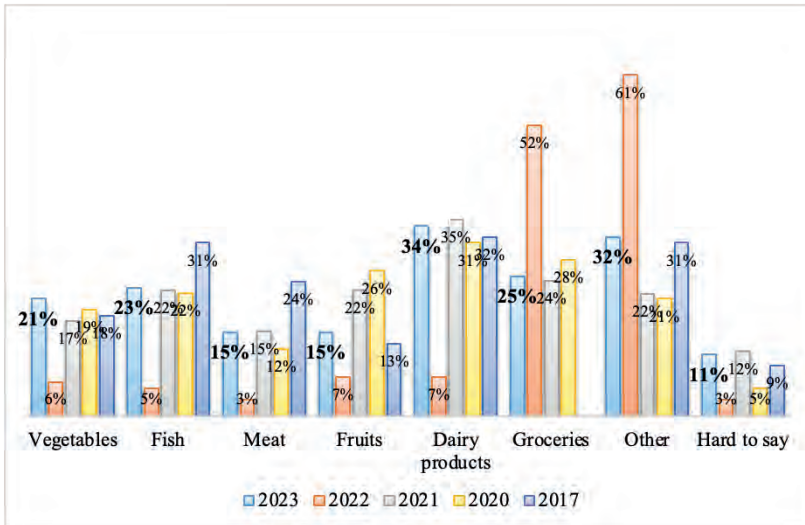

Fig. 18. Missing food products (in the relevant group)

The key part of the sociological monitoring is the economic access to food, and its main indicator is the share of food expenses in the total monthly family income (Fig. 19), which has remained almost unchanged since 2017: a half of respondents spend from a third to a half of their income on food; over 40% — from a half to two thirds (45% in 2023, 43% in 2022, 45% in 2021 and 2020, 48% in 2017). In 2023, 16% (13% in 2022, 14% in 2021, 13% in 2020, 12% in 2017) spent less than a third of their income on food (the richest group), while every tenth (9% in 2023, 11% in 2022 and 2021, 12% in 2020, 10% in 2017) — more than two thirds (the poorest group). In 2021, the older group spent the largest share of income on food (65% vs every second in the younger groups); in 2022, the ratio changed to 57% in two older groups vs 46% among 18–34-year olds; in 2023, generational differences decreased even more — 59% in the older group vs every second in two other groups.

Until 2023, in younger groups changes in the share of food expenses did not exceed the statistical error, and in the older group the share with the highest food expenses was decreasing (perhaps, due to the indexation of pensions and social benefits, which partly compensated for rising prices). In 2023, the situation changed: the share of food expenses in the older group did not change (57% in 2022, 59% in 2023), while in two younger groups changes in the share of food expenses exceeded the statistical error — 57% and 50% among 35–54-year-olds, 46% and 53% — among 18–34-year-olds. In the older group, the share of those not noticing changes in food expenses compared to the last year is higher (33% vs 24% in younger groups; in 2022 — 22% vs 14%—

12%), and the share of those whose food expenses increased is lower (61% vs 69% and 73%; in 2022 — 72% vs 83%). Moreover, in 2022, in the older group, there was a higher share of those reporting an increase in family income (24% vs 19% and 13%) and a lower share of those reporting its decrease (18% vs 25% and 27%). In 2023, generational differences do not exceed the statistical error, and every second respondent says that the family income remained the same. “*The pension was increased, but what’s the point? All pension is spent on food... Everything has become more expensive*”.

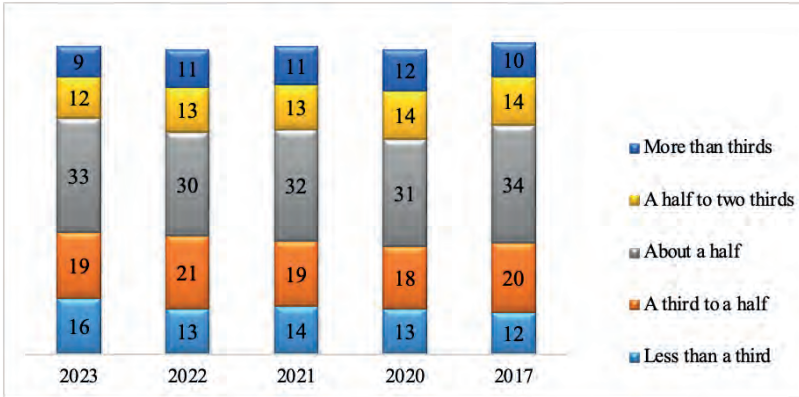

Fig. 19. Shares of food expenses in the total monthly family income, %

Russians’ low food purchasing power is confirmed by the estimates of changes in family food expenses, when respondents compare the beginning of 2022 and 2023 (Fig. 20).

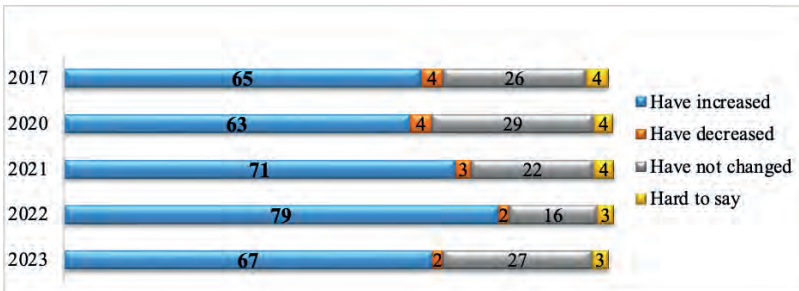

Fig. 20. Changes in family food expenses, %

Until 2022, an increasing share of respondents had reported an increase in family food expenses — from 65% in 2017 to 79% in 2022, but in 2023 this share returned to 67%. Since there are no significant changes in the total monthly family income (Fig. 21), Russians seem to spend constantly indexed social benefits, pensions and wages on

their usual food basket in order to assess their financial situation as good/‘normal’ (more than 70% in 2023; 63% in 2022).

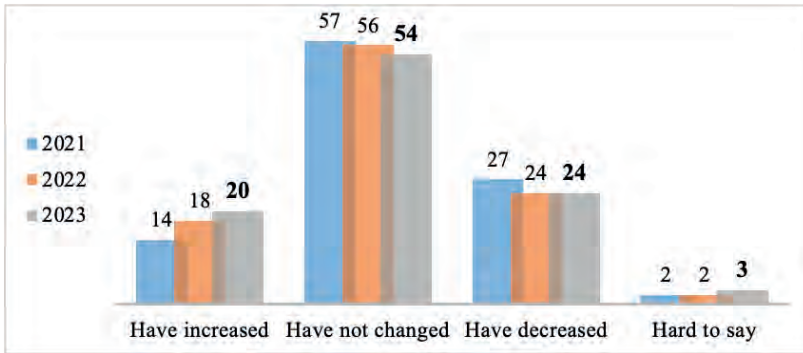

Fig. 21. Changes in the total monthly family income in the last 12 months, %

As in previous surveys, in 2023 there are no significant differences by social-demographic group (except for those mentioned above). There are some expected gender differences, but less than in 2022: as a rule, women assess their family diet more adequately, are less likely to consider fish consumption sufficient and explain the situation by both family preferences and income, more often admit that the family cannot afford the desired diet. *“I eat whatever my wife cooks... If you really want something, you can go and buy it if you have money, but I don’t have money... But if you’re an adult, you... deny yourself... to buy something for your children”*. Women more often prefer to maintain ‘quality’ rather than ‘quantity’ of the family diet under rising prices and to buy cheaper products but in usual places. Women assess their family’s access to food more realistically, more often reporting that their food self-restraint is determined by rising prices.

The older generation has developed specific self-limiting food patterns under the constantly rising prices and low family income: they less often notice a reduction in food assortment and mention rising prices as the reason for food self-restraint; less respondents in this group assess their financial situation as good. *“We are forced to buy cheap products as we are retired”*; *“Usually I buy a piece of meat and a piece of fish... and divide these pieces for a month... we are not starving”*; *“We spend all money on food and utility services... I have to save up for months to buy such things as a coat or boots”*; *“If you pay your utilities, you only have money left to buy bread... But I’m 69 years old, I do not need much, but I have to help my children... We don’t follow the trends, we don’t change fur coats every year, we have a car, we have a dacha — what else do we need?”*.

There are some differences by the type of settlement, but in 2023 we replaced the ‘urban/rural’ dichotomy with an expanded scale (from million-plus cities to villages) and identified significant variations in-

stead of a linear change according to an increase/decrease in ‘rurality’. For instance, in small towns, urban settlements and villages the level of food nationalism is higher (mainly due to the lack of foreign products) and ‘food aid’ to relatives is more common. In general, the concentration of poverty in rural areas is not the highest — rather urban settlements stand out due to a worse situation than in villages. There are no significant differences between basic types of settlements by most indicators of food security, which indicates not so much settlement-spatial as social-demographic concentration and persistence of poverty under a kind of ‘standardization’ of consumer-food practices.

In 2023, the survey data confirmed the previously (from 2020) identified inconsistency of Russians’ assessments of food practices and capabilities, which can be explained by two factors. On the one hand, respondents not only evaluate their past and present food-consumption routines but also compare their life situation with those around them, concluding that ‘they are ok’. On the other hand, before the pandemic, the food assortment of Russians had been expanding, and under the pandemic food became a source of a sense of ‘normality’. In 2023, both factors remain, and the influence of the second one is increasing, because the population’s purchasing power is decreasing (despite the state measures for ensuring the economic accessibility of the normal diet for the average Russian) due to rising prices, sanction pressure and the state mobilization of resources for the goals of the special military operation. Since in food consumption Russians developed seasonally specific strategies based on food price volatility and show confident food nationalism, the state should introduce seasonally and regionally differentiated measures to support local producers, including those involved in processing, in addition to the already taken macro-economic and agro-industrial measures for ensuring national food security.

*N. I. Shagaida,
D. S. Ternovsky,
I. V. Trotsuk*
Russia’s ways
to ensure food
security (control
food prices) in
2020-2022, and
their impact on
consumers

References

- Baquedano F. G. (2015) *Developing an Indicator of Price Anomalies as an Early Warning Tool: A Compound Growth Approach*, FAO.
- Chugrov S. V., Malov A. V. (2019) Food sovereignty and education: A Japanese type of harmonization. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 4.
- Díez-Nicolás J. (2016) The perception of security in the international comparative perspective. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 16, no 2.
- Kozyreva P. M., Zhu D., Nizamova A. E., Smirnov A. I. (2021) Justice and inequality in the household consumption in Russia and China: A comparative analysis. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 21, no 1.
- Lawrence G., McMichael P. (2012) The question of food security. *International Journal of Sociology of Agriculture and Food*, vol. 19, no 2.
- McMichael P., Schneider M. (2011) Food security politics and the millennium development goals. *Third World Quarterly*, vol. 32, no 1.
- Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. (2016) Regional safety as an object of sociological monitoring. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 16, no 4.

- Niederle P., Kurakin A. A., Nikulin A. M., Schneider S. (2019) Theory of “food regimes” as a model to explain the strategies of agrarian development (the ‘cases’ of Russia and Brazil). *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no 2.
- Rosstat: Sample surveys of household budgets. 2021. URL: <https://obdx.gks.ru>.
- Shagaida N. I., Trotsuk I. V. (2022) Russia’s food security under the crisis of 2020-2021: Objective and subjective dimensions. *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 2.
- Shagaida N., Uzun V., Ternovsky D., Potapova A., Shishkina E. *Food Price Volatility: Measurement Tools, Growth Factors in Russia, Countermeasures* (April 18, 2023). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4422546.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya. (2015) *Food Security in Russia: Monitoring, Trends and Threats*, Moscow: “Delo”.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya. (2015) Food security: Assessment issues. *Economic Issues*, no 5.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya., Nikulin A. M., Trotsuk I. V., Shishkina E. A. (2019) *Monitoring of Russia’s Food Security in 2014–2016*, Moscow: “Delo”.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya., Ternovsky D. S. (2022) Second year of the pandemic: Food security. *Russian Economics in 2021. Trends and Perspectives*, Moscow: Gaidar Institute Press.
- Shagaida N. I., Uzun V. Ya., Trotsuk I. V., Shishkina E. A., Potapova A. A. (2022) *Food Security in Russia under the Pandemic*, Moscow: “Delo”.
- Ternovsky D., Shagaida N. (2021) The price of potatoes: Factors of increase and ways for reduction, *Economic Development of Russia*, no 11.
- Trotsuk I. V. (2016) A small book about a big problem, or a macro-look at what we eat. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 16, no 3.
- Trotsuk I. V., Nikulin A. M., Wegren S. (2018) Interpretations and dimensions of food security in contemporary Russia: Discursive and real contradictions, *Universe of Russia. Sociology, Ethnology*, vol. 27, no 1.
- Uzun V. (2023) Manual control of food prices: Mechanisms, results, alternatives. *Economics of Agricultural and Processing Enterprises*, no 1.
- Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. (2018) *Food Policy and Food Security. Putting Food on the Russian Table*, Lanham: Lexington Books.
- Wegren S., Nikulin A., Trotsuk I. (2021) *Russia’s Food Revolution. The Transformation of the Food System*, London: Routledge.
- Wegren S., Trotsuk I. V. (2013) Food security in the Russian Federation, *Russian Peasant Studies. Theory. History. The Present Time*, vol. 8, Moscow: “Delo”.
- Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2016) The Russian variant of food security. *Problems of Post-Communism*, vol. 64, no 1.
- Wegren S. K., Nikulin A. M., Trotsuk I. V. (2023) The fragility of Russia’s agricultural production and implications for food security. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 64, no 3.

Российские подходы к обеспечению продовольственной безопасности (сдерживанию цен) в 2020–2022 годы и их влияние на потребителей²⁵

Наталья Ивановна Шагайда, доктор экономических наук, директор Центра агропродовольственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: nshagaida@mail.ru

25. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Денис Сергеевич Терновский, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра агропродовольственной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82.
E-mail: ternovskiy-ds@ranepa.ru

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, просп. Вернадского, 82. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Аннотация. 2023 год подтвердил, что в сфере продовольственной безопасности в России складывается неоднозначная ситуация. С одной стороны, декларируется, что на макроуровне цели продовольственного самообеспечения/суверенитета страны достигнуты и не подвержены серьезным рискам: «мы обеспечиваем себя всеми основными видами продовольствия»²⁶; «уровень продовольственной безопасности в России — один из самых надежных в мире»²⁷; «Евразийский экономический союз достиг уровня самообеспеченности по большинству продовольственных товаров (зерну, растительным маслам, свинине, баранине, сахару, яйцам)»²⁸. Руководство страны признает «очень комплексный характер» продовольственного суверенитета, отмечая среди его объективных факторов изменения климата, рост населения, торговые войны, санкционное давление и т.д.²⁹ В то же время официальный дискурс подчеркивает, что «мы не должны быть пессимистами», «страна, если она стремится быть суверенной, должна обеспечивать себя продуктами питания», и Россия с этой задачей справляется настолько успешно, что стала одним из крупнейших экспортеров продовольствия. В результате прогнозируется, что «продовольственная инфляция в России в 2023 году будет одной из самых низких в мире благодаря полной самообеспеченности основными продуктами»³⁰ и «системным мерам антикризисной поддержки предприятий и секторов, которые обеспечивают продовольственную безопасность»³¹. Однако рост цен на мировых рынках с середины 2020 года привел к росту цен на внутренних рынках, и продовольственная инфляция остается высокой в большинстве регионов мира. В России она ниже, чем во многих странах (10% против 19,1% в ЕС или 14,9% в ОЭСР), а темпы роста цен на продовольствие — ниже уровня общей инфляции, в то время как в других странах цены на продукты питания стали драйверами разгона розничных цен. В статье рассмотрены меры, которые вводились в России для сдерживания роста

*N. I. Shagaida,
D. S. Ternovsky,
I. V. Trotsuk*
Russia's ways
to ensure food
security (control
food prices) in
2020-2022, and
their impact on
consumers

26. Россия обеспечивает себя основными видами продовольствия, заявил Путин. 18.05.2023 // URL: <https://ria.ru/20230518/prodovolstvie-1872601897.html?ysclid=llrwoogh3f828613799>.
27. Мишустин оценил уровень продовольственной безопасности в России. 23.03.2023 // URL: <https://ria.ru/20230323/prodbezopasnost-1860018791.html?ysclid=llrvy7n5km581093894>.
28. Премьер Мишустин: Уровень продовольственной безопасности России — один из самых надежных в мире. 21.06.2023 // URL: <https://rg.ru/2023/06/21/baranina-sahar-i-iajca.html?ysclid=llrvyekkl646198537>.
29. Продовольственный суверенитет Африки: африканской проблеме — совместное решение 27.07.2023 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/913622>.
30. Продовольственная инфляция в России в 2023 году будет одной из самых низких в мире. 18.07.2023 // URL: <https://dzen.ru/a/ZLZqCeL2qmgyOXh3>.
31. Продовольствие у безопасной черты. 15.06.2023 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6042042?ysclid=llrvy4x2ulic3550459>.

цен, и те продовольственно-потребительские практики, что использовались населением для сохранения привычного рациона в условиях роста цен. Общероссийский опрос 2023 года подтвердил выявленную ранее устойчивую противоречивость оценок продовольственных практик и возможностей, что можно объяснить общей тенденцией к «нормализации» своей жизненной ситуации в целом и ее основополагающей части (ежедневного рациона) в частности.

Ключевые слова: рост цен на продукты питания, внешний и внутренний рынки, продовольственная инфляция, волатильность цен на продовольственные товары, продовольственная (не)безопасность, (повседневные) продовольственно-потребительские практики, экономический и физический доступ к продовольствию, социологические данные

Генезис органического сельского хозяйства: мировой опыт и прогнозы для России

Г. В. Федотова, М. В. Новиков, Т. М. Джанчаров

Гилян Васильевна Федотова, доктор экономических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина, ФИЦ «Информатика и управление» РАН. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, 23. E-mail: g_evgeeva@mail.ru

Михаил Вячеславович Новиков, кандидат технических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, 23.
E-mail: 6773285@gmail.com

Турмушбек Мурзабекович Джанчаров, кандидат биологических наук, доцент, РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева. 127434, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49.
E-mail: tdzhancharov@rgau-msha.ru

Аннотация. В свете актуализации климатических повесток XXI века переход на ресурсосберегающие и органические технологии производства и переработки сельскохозяйственной продукции становится стратегической задачей многих стран. По этой причине появление и расширение органических форм и площадей сельскохозяйственного производства получили широкое распространение во всем мире. В последние 10 лет тренд органического АПК становится одним из главных мейнстримом перехода к концепции «зеленой» экономики. Для лучшего понимания философии органического производства нами были систематизированы основные формы организации такого рода деятельности, выделены базовые принципы и подходы к ресурсосбережению производственных процессов в АПК. В статье приведен региональный обзор распределения органического производства по континентам с подсчетом его объемов и ресурсного потенциала. На примере России представлен и проанализирован проект новой концепции перехода к органическому производству в АПК с учетом имеющегося ресурсного потенциала и конкурентных возможностей страны. На примере проекта Стратегии развития органического производства в РФ до 2030 года изучен рынок и структура органической продукции в настоящее время и определены основные прогнозные драйверы роста данного направления. По итогам исследования предложены новые направления развития органического направления в системе отечественного АПК.

Ключевые слова: сельское хозяйство, органическое производство, рынок, продовольствие, производители, экология, продукция

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-113-128

Популярность органического сельского хозяйства в различных странах обусловлена актуализацией климатических повесток и поиском новых альтернативных направлений развития отраслей АПК. Впервые вве-

денный в оборот Лордом Нортборном термин «органическое сельское хозяйство» в 1939 году раскрывал сельскохозяйственное предприятие как гармонично функционирующий единый организм (Northbourne, 1940). В последующие годы данному направлению в различных странах применялись иные термины, определяющие его как «производственную систему» (Ушачев, 2009), «биологическое сельское хозяйство» (Lang, 2005), «природное сельское хозяйство» (Свечникова, 2019), «экологическое сельское хозяйство» (Cobb, 2011) и т.п., но при этом оставался единым подход к используемым технологиям, которые должны в процессе эксплуатации максимально сохранять состояние окружающей среды и человека (Волкова, Леушкина, Погребцова, 2022).

На начало 2023 года более 180 стран имеют определенный опыт реализации принципов органического сельского хозяйства на своих территориях. Это позволило сформировать стабильно развивающийся рынок органической продукции, объемы которого растут в среднем на 14% в год (Чеха, 2021; Федотова, Сложенкина, 2022). Согласно исследованиям компании Research&Markets, в 2022 году объем рынка составил 259,06 млрд долл. США, а к 2026 году его рост достигнет, по прогнозам, 437,36 млрд долл. США (Organic Food Global Market Report, 2023). Продолжающийся военный конфликт на Украине в 2022–2023 годах снизил темпы роста данного рынка, нарушил логистику, но тем не менее в долгосрочной перспективе данная тенденция будет сохраняться.

Антропогенное воздействие на окружающую среду невозможно полностью исключить, что требует разработки новых подходов и технологий производственной деятельности и сохранения ресурсов для будущих поколений. В связи с чем в национальных юрисдикциях продолжают работы по формированию единого подхода к определению органического сельского хозяйства ради его унификации и сертификации.

Подходы и принципы органического сельского хозяйства

На протяжении более чем 70 лет мировой практики органического сельскохозяйственного производства сложились региональные устойчивые понятия данного направления в АПК. Рассмотрим основные подходы к определению органического сельского хозяйства и выделим основополагающие принципы данного направления.

Представим схематично базовые практики органического фермерства и их характерные принципы на рисунке (рис. 1). Наиболее распространенные варианты названий органического способа сельскохозяйственного производства, принятые в различных национальных юрисдикциях, не меняют основного правила данного подхода — исключения применения: 1) химических удобрений (в некоторых случаях даже компоста и навоза); 2) стимуляторов и регуляторов роста животных; 3) антибиотиков; 4) ГМО.

В Российской Федерации данное направление зародилось относительно недавно, что обосновало в 2020 году официальное закрепление законодателем термина «органическое сельское хозяйство» в соответствующем нормативно-правовом акте. Итак, согласно российскому законодательству, под органическим сельским хозяйством понимаются виды экономической деятельности, в процессе которых используются технологии, направленные на сохранение благоприятной окружающей среды, укрепление здоровья человека, сохранение и восстановление плодородия почв¹.

Как показано на рисунке 1, различные названия органического сельского хозяйства не меняют его основного подхода и научных принципов организации данного производства, вытекающих из основных целей устойчивого развития территорий.

Рисунок 1. Варианты устоявшихся определений органического сельского хозяйства в различных странах

Источник: составлено авторами по материалам: Ушачев, 2009; Lang, 2005; Свечникова, 2019; Cobb, 2011; Волкова, Леушкина, Погребцова, 2022.

1. Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/e5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ffe/ (дата обращения: 30.04.2023).

Раскроем суть каждого из базовых принципов:

Здоровье. Органическое сельскохозяйственное производство должно способствовать регенерации и восстановлению окружающей среды, поддерживать высокую производительность сельскохозяйственных животных и птицы с учетом их естественных потребностей. Только при качественной производственной базе (чистая почва и здоровое поголовье сельскохозяйственных животных и птиц) будет возможность для производства безопасного для жизни и здоровья человека продовольственного сырья.

Экология. Деятельность человека по производству продукции АПК не должна нарушать баланс в окружающей среде, а должна сохранять естественное биоразнообразие.

Справедливость. Производственные отношения должны быть выстроены таким образом, чтобы обеспечивать достойную и соразмерную компенсацию труда, усилий и потерь всех участников процесса. В данном случае необходимо учитывать не только прибыль производителей и переработчиков, но и компенсационные затраты на восстановление ресурсной базы окружающей среды, которые необходимо нести для ее восполнения.

Забота. Органическое сельское хозяйство направлено не только на обеспечение потребностей данного поколения, но и на нужды будущих потомков.

Несмотря на большое разнообразие в терминологии определений и устоявшихся оборотов органического сельскохозяйственного производства, суть данного направления сводится к единым базовым принципам, направленным на максимальное сохранение, бережливое использование и качественное производство продовольственного сырья для обеспечения полноценного и здорового питания населения.

Мировое производство органической продукции

Рост потребностей и популяризация здорового питания во многих странах стимулируют расширение рынка органических продуктов питания. Рост уровня доходов населения позволяет уделять более пристальное внимание качеству, поэтому потребители готовы переплачивать за натуральные продукты и гарантию низкой токсичности продовольственного сырья. Короткий срок хранения и транспортировки органических продуктов питания стимулирует расширение производства инновационных готовых форм в виде снеков, закусок, замороженных продуктов и органических напитков. Необходимо четко представить и рассчитать структуру рынка органической продукции и его объемы.

Исследования региональной специфики органического сельского хозяйства показали, что основные площади земель сельскохозяйственного назначения, адаптированные под органиче-

ское производство, сосредоточены в Океании — 47,1% от всех земель, и в Европе — 23,4% от всех земель (Jiuliang Xu, Zhihua Zhang, Xian Zhang et al., 2020; Suryatapa, Chatterjee, Pal, 2020). Распределение площадей органического АПК представлено на рисунке 2. Общая площадь земель органического сельскохозяйственного производства составила на начало 2022 года 76,4 млн га. Данная тенденция имеет положительную направленность, так как из года в год все большее количество фермерских хозяйств в мире получают сертификаты для перехода на органическое производство сельскохозяйственной продукции (Саратцева, 2021).

*Г. В. Федотова,
М. В. Новиков,
Т. М. Жанчаров*
Генезис органического сельского хозяйства: мировой опыт и прогнозы для России

Рисунок 2. Региональное распределение органического сельского хозяйства в 2022 году

Источник: составлено авторами по данным Organic Food Global Market Report, 2023.

Расширение сельскохозяйственных площадей, занятых органическим производством, непосредственным образом отражается на объемах соответствующего сегмента продовольственного рынка. Так, исследование мирового рынка органического сельскохозяйственного производства доказывает его высокую поступательную динамику роста (рис. 3). Отметим, что начиная с 2007 года объемы продаж на мировом рынке органической продукции постоянно растут (Organic Food Global Market Report, 2023). На рисунке 3 представлена динамика мирового рынка органической продукции, рост которого за период 2007–2021 гг. составил 180,9 млрд долл., или 492%. При этом, по прогнозам экспертов, к 2026 году объемы рынка фактически удвоятся и составят 437 млрд долл.

Рисунок 3. Динамика мирового рынка органической продукции

Источник: составлено авторами по данным: Проект «Стратегия развития органического производства в Российской Федерации до 2030 года»; Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р.

Сегодня доля России на мировом рынке органической продукции составляет, по различным оценкам, около 0,2%². При этом страна обладает наибольшими площадями сельскохозяйственных угодий, что может в будущем выступить мощным фактором роста объемов экспорта органической продукции и существенного увеличения ее доли. Проанализируем основные преимущества и прогнозы развития отечественного рынка органической продукции.

Рынок органической продукции России: возможности и прогнозы

Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная в июле 2021 года, в качестве одного из национальных приоритетов определяет охрану окружающей среды, сохранение природных ресурсов, рациональное природопользование и адаптацию к изменениям климата³. В соответствии со стратегическими интересами государства

2. Россия может занимать до 10% мирового рынка органических продуктов через 20 лет. URL: <http://kvedomosti.ru/news/rossiya-mozhet-zanyat-do-10-mirovogo-rynka-organicheskix-produktov-cherez-20-let.html> (дата обращения: 10.05.2023).
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304017/e505178223acca771e9adb35b47d3fb82c9ffc/ (дата обращения: 30.04.2023).

был обозначен тренд на экологизацию всех производственных комплексов, в том числе АПК.

Россия обладает уникальным природным ландшафтом, который сосредоточен на обширной территории в шести географических поясах. Это не просто конкурентное преимущество государства, но и его национальное достояние, которое необходимо сохранить для будущего поколения. Неудивительно, что поставленные задачи климатической повестки приобрели стратегическое значение и диктуют необходимость жесткого контроля над производителями и максимального снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду⁴.

К 2030 году Россия может нарастить объемы органического производства и занять 10% мирового рынка органики. Введенные в феврале 2022 года антироссийские санкции и запрет на ввоз в Россию многих продуктов питания открыл новые возможности для российских производителей, которые к 2023 году нарастили свой потенциал и переориентировались на открывшиеся рыночные сегменты. Но при этом большой проблемой оказывается отсутствие налаженных каналов сбыта органической продукции, так как из-за более высокой стоимости на нее многие ритейлеры сегментов «эконом» не могут ее реализовывать. По этой причине данная продукция выставляется на отдельных полках в магазинах сегмента «премиум», реализуется на рынках и ярмарках, через социальные сети и маркетплейсы, формируются региональные местные рынки органической продукции. Но объемы реализации через такие каналы подойдут только для микропредприятий и малого бизнеса⁵. Для промышленных объемов необходимы функционирующие вертикально интегрированные и производственно-сбытовые каналы реализации.

Оценим основные продуктовые сегменты, которые позволят расширить рынок органической продукции России и его емкость, с этой целью проведем классификацию видов производимой ор-

*Г. В. Федотова,
М. В. Новиков,
Т. М. Жанчаров*
Генезис органического сельского хозяйства: мировой опыт и прогнозы для России

4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 28.04.2023); Указ Президента РФ от 21.01.2020 № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/> (дата обращения: 12.05.2023).
5. Россия может занимать до 10% мирового рынка органических продуктов через 20 лет. URL: <http://kvedomosti.ru/news/rossiya-mozhet-zanyat-do-10-mirovogo-rynka-organicheskix-produktov-cherez-20-let.html> (дата обращения: 10.05.2023); Органическое сельское хозяйство: позиции и перспективы России на фоне мировых трендов // Научный дайджест. 2022. № 12 (17). URL: https://www.hse.ru/data/2022/12/23/1719455538/Human_Capital_NCMU_Digest_17_Organic_Agriculture_2022.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

ганической продукции. Итак, существуют различные классификации органической продукции АПК по следующим критериям: степень обработки сырья, отраслевая принадлежность, способ потребления, сроки хранения, условия транспортировки и т.п. В данном исследовании возьмем за основу классификацию органической продукции, представленную в Проекте «Стратегии развития органического производства в Российской Федерации до 2030 года», где представлен продовольственный баланс за 2021 год⁶. Данный проект, в котором 2021 год принят за базовый, может послужить основой для оценки емкости рынка органической продукции (табл. 1).

Таблица 1. Продовольственный баланс органического производства в отраслях АПК России в 2021 году, тыс. тонн

Категория	Всего	Внутренний рынок	Экспорт
Мясо и мясная продукция	0,933	0,933	0
Молоко и молочная продукция	17,275	17,275	0
Зерновые культуры	26,8	10	16,8
Мука, хлопья, хлеб	14	10	4
Детское питание	1,5	1,5	0
Зернобобовые	62,8	6	56,8
Масличные	3,4	1,4	2
Корма	143,8	143,8	0
Овощи и фрукты	1	1	0
Соки	10,6	6,2	4,6
Ягоды	0,048	0,048	0
Дикоросы	3,5	0,5	3
Алкогольная продукция	2,1	2	0,1
ИТОГО	287,756	200,656	87,1

Источник: составлено авторами по материалам Проект «Стратегия развития органического производства в Российской Федерации до 2030 года»; Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р.

Представленный в таблице 1 продовольственный баланс отражает структуру органического сельскохозяйственного производства России по итогам 2021 года. Согласно представленным цифровым значениям, видим, что органическую продукцию достаточно сложно

6. Проект «Стратегия развития органического производства в Российской Федерации до 2030 года». URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/fco/8i-2u68ntqetbkjzmi3qaqqtbpobl3a.pdf> (дата обращения: 09.05.2023).

классифицировать по единому критерию, так как имеются производственно-ресурсный блок АПК, производящий продовольственное сырье, и перерабатывающий блок АПК, производящий готовые к употреблению продуктовые формы. Кроме того, внутри каждого блока существует градация сырья и продуктов по различным критериям (биологическая, торговая, учебная и т.п.), поэтому в данном исследовании мы будем проводить оценку общего рынка органической продукции АПК.

Общий объем рынка органической продукции в 2021 году в России составил 287,756 тыс. тонн продукции, из которых: 200,656 тыс. тонн, или 69,73% было реализовано на внутреннем рынке; 87,1 тыс. тонн, или 30,26% — ушло на экспорт. Основную долю органического производства занимают кормовые культуры — 143,8 тыс. тонн, или 49,97%, на втором месте производство зернобобовых — 62,8 тыс. тонн, или 21,82%. Кормовые культуры полностью потребляются внутри страны, а зернобобовые на 90,45% поставляются на экспорт. При этом следует отметить, что фактически полностью продукция животноводческого блока (мясная и молочная) реализуется на внутреннем рынке, емкость которого сегодня составляет 17,275 тыс. тонн, при высоком потенциале его роста (Органическое сельское хозяйство, 2022).

Общий объем рынка органической продукции в Российской Федерации в 2021 году, по экспертным оценкам, составил 24,4 млрд руб. (в том числе 15,3 млрд руб. — импортная продукция, сертифицированная зарубежными органами сертификации). В 2022 году зафиксирован рост количества производителей органической продукции на 45%, или 173 предприятия. Отраслевая специфика производителей в 2022 году выглядит следующим образом (рис. 4).

Рисунок 4. Отраслевая структура производителей органической продукции АПК в 2022 году

Источник: составлено авторами по материалам: Проект «Стратегия развития органического производства в Российской Федерации до 2030 года», Органическое сельское хозяйство, 2022.

Согласно представленной схеме, видим, что основная доля производителей органической продукции (31%) сосредоточена на выращивании и экспорте зерновых, зернобобовых, масличных и кормовых культур, то есть в растениеводческом блоке. На втором месте стоит перерабатывающий блок и производство консервации (17%), выпускающий соки, масла, консервы. На третьей позиции производители овощей и фруктов — 12%. Доля животноводческого блока составляет 10%.

Как уже было отмечено ранее, в мировом объеме производства органической продукции доля России составляла 0,2%, что доказывает недостаточную проработанность и отсутствие интереса производителей к органическому подходу в АПК. При этом Россия обладает мощными конкурентными преимуществами по сравнению с другими странами (Гусаков, 2022). Приведем краткий аналитический обзор основных конкурентных преимуществ РФ.

На рисунке 5 представлены возможности и конкурентные преимущества российского АПК для расширения органического производства. Нами выделены 7 позиций, по которым российские производители могут иметь преимущества перед иностранными фермерами. Основное преимущество под номером 1 — агроклиматические условия, которые для России являются уникальными в силу большой территориальной протяженности и биологического разнообразия. Россия обладает значительным земельным фондом, пригодным для сельскохозяйственного производства. Кроме того, наличие нескольких климатических поясов позволяет выращивать и производить самые разнообразные растениеводческие культуры, аквакультуры, а также сельскохозяйственных животных, птиц. Второе важное конкурентное преимущество органики в России — это высокий потенциал роста внутреннего потребительского рынка до 100 млрд руб., то есть можно нарастить объемы производства для реализации внутри страны фактически в 4 раза.

При поступательном и динамичном росте органического производства в течение 5–7 лет следует наращивать органические формы сельского хозяйства и продукцию данного сектора на внутренний спрос. Высокий экспортный потенциал растениеводческой продукции позволит в будущем максимизировать доходы фермеров за счет поставок органического растительного сырья в страны с ограниченными земельными фондами (Папцов, Шеламова, 2014; Аганбегян, Порфирьев, 2015).

Проект «Стратегия развития органического производства в РФ до 2030 года» моделирует несколько сценариев развития событий, при этом описан базовый сценарий, при котором запланированы определенные прогнозные параметры. Проанализируем основные индикаторы прогнозного баланса рынка органической продукции и рассчитаем темпы их роста за период 2021–2030 гг. (табл. 2).

Г. В. Федотова,
М. В. Новиков,
Т. М. Джанчаров
Генезис органического сельского хозяйства: мировой опыт и прогнозы для России

Рисунок 5. Конкурентные преимущества органического АПК России

Источник: составлено авторами по данным: Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р.

Таблица 2. Прогнозный баланс роста рынка органической продукции России к 2030 году, млрд руб.

Категория	2021	2030	Темп роста, %
<i>Реализация продукции</i>	9,1	114,5	1 258,24
<i>Производство:</i>			
крупы, мука, хлопья	1,8	21	1 166,67
овощи и фрукты	0,6	10	1 666,67
молоко	1,3	21,7	1 669,23
молочная продукция	1,4	23	1 642,86
мясо	1	5,4	540,00
консервы	1	11,7	1 170,00
детское питание	1,1	12,9	1 172,73
алкоголь	0,6	4,7	783,33
дикоросы	0,3	3	1 000,00

Источник: составлено авторами по материалам [14].

Из таблицы 2 видно, что темп роста реализации общего объема произведенной продукции на внутреннем рынке должен составить 1 258,24% в сравнении с данными 2021 года. Более подробно представлены объемы производства по категориям органической продукции. Максимальный темп роста запланирован по категории «молоко» — 1 669,23%, на втором месте «овощи и фрукты» — 1 666,67%, на третьем «молочная продукция» — 1 642,86%. Таким образом, перспективы развития сектора органического производства достаточно оптимистичны, так как трансформация мировоззрения населения будет формировать спрос на экологически чистую продукцию натурального происхождения, отвечающую всем необходимым стандартам качества (Порфирьев, 2015; Яркова, 2018).

Кроме того, реализация Стратегии позволит не просто качественно повысить уровень жизни населения, но и получить дополнительные экономические эффекты, выраженные в виде роста налоговых и социальных отчислений в бюджеты, роста фонда оплаты труда, экспорта и численности занятых в отраслях органического производства. Более подробно прогнозы эффектов представлены на рисунке 6.

Рисунок 6. Динамика мирового рынка органической продукции

Источник: составлено авторами по материалам: Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 сентября 2022 г. № 2567-р.

Согласно представленному графику на рисунке 6, видим, что сектор органического производства к 2030 году будет демонстрировать хорошую динамику роста экономических эффектов. Так, налоги в 2030 году составят 3540 млн руб., что в 9,6 раза выше уровня 2022 года; отчисления в социальные фонды составит — 4882 млн руб., что в 9,3 раза выше уровня 2022 года; фонд оплаты труда — 1 6275 млн

руб., что в 9,3 раза выше уровня 2022 года. Динамика таких критериев, как численность занятых в секторах и объемы экспорта, максимально растут к 2026 году, затем немного стабилизируются к 2030 году.

Заключение

Итак, расширение органического производства в секторах АПК России не только позволит насытить внутренний спрос на экологически чистую продукцию, но и обеспечить дополнительными финансовыми вливаниями государственный бюджет и социальные фонды. Именно данный фактор будет способствовать расширению мер государственной поддержки секторов АПК в будущие плановые периоды.

Как любой естественный и управляемый процесс, трансформация АПК требует четкого осмысления целей, которые должны быть достигнуты к определенному прогнозируемому периоду. В этой связи появление новой концепции устойчивого развития сельского хозяйства в свете экологических вызовов и климатических подвижек должно помочь восстановить, сохранить и усилить местные производственные и экологические системы, сформировать устойчивые основы развития сельских территорий и обозначить перспективы для жизни и работы местного населения. Решение данных локальных проблем в каждом регионе в масштабах страны позволит построить новую продовольственную инфраструктуру и сглаживать социальные диспропорции между промышленными и сельскохозяйственными регионами России.

Библиография

- Аганбегян А., Порфирьев Б. (2015). Замещение импорта продовольствия и развитие «зеленой» агроэкономики как стратегические ответы на антироссийские секторальные санкции // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. № 2. С. 16–27.
- Волкова И. А., Леушкина В. В., Погребцова Е. А. (2022). Органическое сельское хозяйство как драйвер развития зеленой экономики // Креативная экономика. Т. 16. № 6. С. 2381–2394.
- Гусаков Т. Ю. (2022). Аграрная альтернатива Ямала: сельское хозяйство и коренное население // Крестьяноведение. Т. 7. № 3. С. 106–150.
- Органическое сельское хозяйство (2022): позиции и перспективы России на фоне мировых трендов // Научный дайджест. № 12 (17). URL: https://www.hse.ru/data/2022/12/23/1719455538/Human_Capital_NCMU_Digest_17_Organic_Agriculture_2022.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
- Папцов А. Г., Шеламова Н. А. (2014). «Зеленая» экономика — новое направление устойчивого развития // Экономика сельского хозяйства России. № 11. С. 67–73.
- Порфирьев Б. (2015). Развитие «зеленой агроэкономики» в России — долгосрочный ответ на санкции и стратегическое направление модернизации отечественного АПК // Российский экономический журнал. № 1. С. 110–116.

Г. В. Федотова,
М. В. Новиков,
Т. М. Джанчаров
Генезис органического сельского хозяйства: мировой опыт и прогнозы для России

- Саратцева Е. А.* (2021). Органическая продукция должна вызревать на правовом поле // Контроль качества продукции. № 9. С. 24–28.
- Свечникова Т. М.* (2019). Органическое сельское хозяйство: сущность и тенденции развития // Московский экономический журнал. № 8. С. 457–464.
- Ушачев И.* (2009). Производство органического продовольствия: мировой опыт и перспективы российского рынка // АПК: экономика, управление. № 9. С. 3–9.
- Федотова Г. В., Сложенкина М. И.* (2022). Генезис ORGANIC 3.0 — новый вектор развития АПК России // Аграрная Россия. № 12. С. 43–48.
- Чеха А. Ф.* (2021). Органическая продукция: основные тенденции развития рынка // Наука без границ. № 3(55). С. 84–90.
- Яркова Т. М.* (2018). Продовольственная безопасность: Россия и страны мира // Аграрная Россия. № 7. С. 32–36.
- Cobb T. D.* (2011). Reclaiming Our Food: How the Grassroots Food Movement is Changing the Way We Eat. North Adams.
- Jiuliang Xu, Zhihua Zhang, Xian Zhang et al.* (2020). Green food development in China: Experiences and challenges // Agriculture. № 10.
- Lang S. S.* (2005). Organic farming produces same corn and soybean yields as conventional farms, but consumes less energy and no pesticides, study finds. URL: <http://www.news.cornell.edu/stories/July05/organic.farm.vs.other.ssl.html> (дата обращения 05.05.2023).
- Northbourne L.* (1940). Look to the Land. London: Basis Books by agreement with J. M. Dent & Sons.
- Organic Food Global Market Report 2023. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5735474/organic-food-global-market-report#product--related-products> (дата обращения 05.05.2023).
- Suryatapa D., Chatterjee A., Pal T. K.* (2020). Organic farming in India: A vision towards a healthy nation // Food Quality and Safety. № 4.

Genesis of organic farming: World experience and Russia's perspectives

Gilyan V. Fedotova, DSc (Economics), Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after of K. I. Scriabin. Akademika Scriabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: g_evgeeva@mail.ru

Mikhail V. Novikov, PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after of K. I. Scriabin. Akademika Scriabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: 6773285@gmail.com

Turmushbek M. Dzhancharov, PhD (Biology), Associate Professor, Russian State Agrarian University — Moscow Timiryazev Agricultural Academy. Timiryazevskaya Str., 49, Moscow, 127434. E-mail: tdzhancharov@rgau-msha.ru

Abstract. In the 21st century, the relevance of climate agendas made the transition to resource-saving and organic technologies for producing and processing agricultural products a strategic task for many countries. Therefore, we witness the emergence and expansion of organic forms of farming all over the world. Over the past ten years, 'organic agro-industrial complex' has become mainstream in the transition to 'green economy'. The authors consider the main forms of organic farming and the basic principles and approaches to resource-saving production in the agro-industrial complex. The article presents a review of the regional distribution of organic farming focusing on its volume and resource potential. The authors develop a new concept for the transition to organic farming on the Russian example, emphasizing the country's resource

potential and competitive advantages. Based on this draft Strategy for the Development of Organic Production in the Russian Federation until 2030, the authors identify the market and the structure of organic production and its main drivers and propose new directions for the development of organic branch in the national agro-industrial complex.

Key words: agriculture, organic farming/production, market, food, manufacturers, ecology, products

References

- Aganbegyan A., Porfiriev B. (2015) Zameshchenie importa prodovolstviya i razvitie “zelenoy” agroekonomiki kak strategicheskie otvety na antirossiyskie sektoralnye sanktsii [Substitution of food imports and development of “green” agro-economy as strategic responses to the anti-Russian sectoral sanctions], *Ekonomika Selskokhozyaystvennyh i Pererabatyvayushchih Predpriyatij*, no 2, pp. 16–27.
- Volkova I. A., Leushkina V. V., Pogrebtsova E. A. (2022) Organicheskoe selskoe khozyaystvo kak drayver razvitiya zelenoy ekonomiki [Organic farming as a driver of the green economy], *Kreativnaya Ekonomika*, vol. 16, no 6, pp. 2381–2394.
- Gusakov T.Yu. (2022) Agrarnaya alternativa Yamala: selskoe khozyaystvo i korennoe naseleenie [Agrarian alternative for Yamal: Agriculture and indigenous population], *Russian Peasant Studies*, vol. 7, no 3, pp. 106–150.
- Organicheskoe selskoe khozyaystvo (2022): pozitsii i perspektivy Rossii na fone mirovyh trendov [Organic farming: Russia’ positions and prospects in the context of global trends], *Nauchnyy Daydzhest*, no 12. URL: https://www.hse.ru/data/2022/12/23/1719455538/Human_Capital_NCMU_Digest_17_Organic_Agriculture_2022.pdf.
- Paptsov A. G., Shelamova N. A. (2014) “Zelenaya” ekonomika — novoe napravlenie ustoychivogo razvitiya [“Green” economy — a new direction for sustainable development], *Ekonomika Selskogo Khozyaystva Rossii*, no 11, pp. 67–73.
- Porfiriev B. (2015) Razvitie “zelenoy agroekonomiki” v Rossii — dolgosrochny otvet na sanktsii i strategicheskoe napravlenie modernizatsii otechestvennogo APK [Development of the “green agricultural economy” in Russia is a long-term response to sanctions and a strategic direction of modernization for the national agro-industrial complex], *Rossiyskiy Ekonomicheskiy Zhurnal*, no 1, pp. 110–116.
- Sarattseva E. A. (2021) Organicheskaya produktsiya dolzhna vyzrevat na pravovom pole [Organic produce should ripen in the legal framework], *Kontrol Kachestva Produktsii*, no 9, pp. 24–28.
- Svechnikova T. M. (2019) Organicheskoe selskoe khozyaystvo: sushchnost i tendentsii razvitiya [Organic farming: Essence and development trends], *Moskovskiy Ekonomicheskiy Zhurnal*, no 8, pp. 457–464.
- Ushachev I. (2009) Proizvodstvo organicheskogo prodovolstviya: mirovoy opyt i perspektivy rossiyskogo rynka [Production of organic food: World experience and prospects for the Russian market], *APK: Ekonomika, Upravlenie*, no 9, pp. 3–9.
- Fedotova G. V., Slozhenkina M. I. (2022) Genезis ORGANIC 3.0 — novy vektor razvitiya APK Rossii [Genesis ORGANIC 3.0 — a new vector in the development of the Russian agro-industrial complex], *Agrarnaya Rossiya*, no 12, pp. 43–48.
- Chekha A. F. (2021) Organicheskaya produktsiya: osnovnye tendentsii razvitiya rynka [Organic produce: Main trends in the market development], *Nauka bez Granits*, no 3, pp. 84–90.
- Yarkova T. M. (2018) Prodovolstvennaya bezopasnost: Rossiya i strany mira [Food security: Russia and the countries of the world], *Agrarnaya Rossiya*, vol. 7, pp. 32–36.

- Cobb T. D. (2011) *Reclaiming Our Food: How the Grassroots Food Movement is Changing the Way We Eat*, North Adams.
- Jiuliang Xu, Zhihua Zhang, Xian Zhang et al. (2020) Green food development in China: Experiences and challenges, *Agriculture*, no 10.
- Lang S. S. (2005) Organic farming produces same corn and soybean yields as conventional farms, but consumes less energy and no pesticides, study finds. URL: <http://www.news.cornell.edu/stories/July05/organic.farm.vs.other.ssl.html>.
- Northbourne L. (1940) *Look to the Land*, London: Basis Books.
- Organic Food Global Market Report 2023. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5735474/organic-food-global-market-report#product--related-products>.
- Suryatapa D., Chatterjee A., Pal T. K. (2020) Organic farming in India: A vision towards a healthy nation, *Food Quality and Safety*, no 4.

Модели управления жителей севернорусской деревни в постперестроечный период¹

М. Н. Архипова

Марьяна Николаевна Архипова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра прикладной истории Института общественных наук РАНХиГС. 119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; старший преподаватель МГУ имени М. В. Ломоносова. 119991, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4. E-mail: arkhipova-mn@ranepa.ru

Аннотация. Статья посвящена управленческим практикам жителей севернорусских деревень в постперестроечный период. На примере полевого этнологического материала автора были рассмотрены практики руководителей сельских администраций одного из районов Архангельской области. В качестве источника использованы этнографические интервью с жителями деревень Архангельской области, которые с 1990-х годов занимали или продолжают занимать руководящие должности в сельских администрациях. Как показали эти интервью, многие из жителей деревень Русского Севера с ностальгией вспоминают советские годы, наделяя это время особыми признаками, такими как «стабильность», «коллективизм», «взаимопомощь», «уверенность в будущем». Автор приходит к выводу о наличии некоторой корреляции между гендерной принадлежностью руководителя и теми моделями управления, которые он выбирает. Так, женщины в своей работе чаще апеллируют к принципам коллективизма и взаимопомощи, они акцентируют внимание на помощи тем, кого считают наиболее уязвимыми категориями населения в своих деревнях (безработные, матери-одиночки и проч.). Мужчины-управленцы выбирают иную модель работы: зачастую используют административный ресурс, подключают личные связи, при этом редко упоминают социальную помощь нуждающимся односельчанам. Исследование показало, что в постсоветской деревне произошел своеобразный симбиоз нескольких управленческих моделей, которые имеют гендерные особенности в своей реализации на практике.

Ключевые слова: Русский Север, ностальгия, гендер, управленцы, власть, взаимопомощь, коллективизм, перестройка, «транзит»

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-129-143

Советский период в истории нашей страны — это, без сомнения, трудный и очень противоречивый этап. До сих пор он неоднозначно оценивается разными поколениями. Распад Советского Союза также по-разному воспринимается его бывшими гражданами. Для од-

1. Исследование проводится в рамках НИР «Социально-экономическая трансформация России в 1987–1999 гг. Между проектами реформ и социальной реальностью».

них это событие и его последствия открыли множество возможностей, для других же, напротив, стали испытанием, которое до сих пор одно из тяжелейших в жизни.

На рубеже XX–XXI веков в западной антропологии началась дискуссия об особенностях развития бывших социалистических государств. Так, были предложены теории транзита, а затем, в качестве продолжения — теории пост-транзита и пост-пост-транзита. Эти идеи наиболее четко сформулированы в работах К. Вэрдери (Verdery, 1991), М. Великоньи (Velikonja, 2009). Однако они встретили и противников. Например, в ставшей уже программной статье «Теории пост-пост-транзита: по многочисленным путям» (Buyandelgeriyn, 2008) М. Буяндельгерин с большой долей иронии отмечает бессмысленность самих понятий пост-транзитной культуры и пост-транзита как такового. Автор пишет: «Нынешнее состояние не является переходным периодом или “мостом” между социализмом и капитализмом» (Buyandelgeriyn, 2008: 235). Она считает, что нельзя говорить о скачкообразности перехода. Все факты, нарративы, память людей свидетельствуют о «неопределенности как состоянии динамического бытия» (Buyandelgeriyn, 2008: 235). Здесь уместно вспомнить статью известного советского этнолога В. В. Пименова «О некоторых закономерностях в развитии народной культуры» (Пименов, 1967), в которой еще в 1960-х годах формулировалась теория «мелких культурных скачков». Пименов отмечал, что границы в истории, важные вехи играют, разумеется, большое значение, но изменения в культуре происходят постепенно и гораздо медленнее.

Среди современных исследований в начале 2000-х годов часто затрагивался вопрос о ностальгии по социалистическому прошлому. В качестве самых ярких примеров описывали феномен «югностальгии» в Балканских странах (Velikonja, 2009, 2002) или «остальгии» в Германии (Bach, 2002). В частности, были опубликованы социологические данные, которые показывали, что «после воссоединения Германии восточные немцы больше поддерживают перераспределение и государственное вмешательство, чем западные» (Alberto, Fuchs-Schündeln, 2005: 1). Особенно это характерно для старшего поколения, которое прожило большую часть жизни в социалистическом обществе. В этом свете закономерен вопрос: возможно ли, что «жизнь в определенной системе приводит к адаптации предпочтений» (Alberto, Fuchs-Schündeln, 2005: 1517), или, напротив, такая верность прошлому является исключительно личностной особенностью?

В ходе моих полевых исследований стало очевидно, что и среди сельских жителей существуют разные точки зрения относительно перехода от советского прошлого к новым реалиям. Почти все мои информанты старше 50 лет имеют довольно продолжительный опыт жизни в советской деревне, поэтому и распад СССР они воспринимают как своеобразный надлом, который привел к кардиналь-

ным изменениям в их личной жизни и жизни общества в целом. При этом важную роль, несомненно, играют политические взгляды человека, социально-экономическое положение в прошлом и сейчас, субъективный опыт.

Гендерные исследования — очень популярное направление в социальной антропологии последних нескольких десятилетий как в отечественной, так и в зарубежной науке. При этом, как правило, гендерными исследованиями занимаются женщины. И в целом чаще всего именно женщины оказываются объектом гендерных исследований в антропологии. В данной статье я постаралась отойти от такого подхода, посвятив значительную часть своего исследования не только женщинам, но и мужчинам, точнее сказать, мужскому восприятию советского. Статья затрагивает одну из центральных и самых популярных в современной науке проблем — «гендер и власть» (Репина, 2000).

Многочисленные антропологические исследования показали, что на гендерную дифференциацию влияют глобализация, западная модель экономики, СМИ, наличие или отсутствие гражданского общества. При этом особенно рельефно проблема «гендер и власть» проявляет себя на фоне переломных эпох, какой и стала в России перестройка, когда политический аспект «гендерной дифференциации» приобрел уже другой оттенок (Репина, 2000: 129).

Однако многие работы по гендерной истории 1990-х годов основаны на формальном подходе и используют в качестве аргументов состояние формальных социальных, экономических и политических институтов. Среди обывателей и даже некоторых исследователей можно встретить довольно стереотипные представления: «Качества, якобы присущие женщинам, противопоставляют “мужским”»: женщины определяются как пассивные, мужчины — как активные, женщины описываются как эмоциональные, мужчины — как интеллектуальные, женщины полагаются “по природе” заботливыми, мужчины — “по природе” честолюбивыми» (Bridenthal, Koonz, Stuard, 1987: 1-2).

С критикой такого подхода выступила западная исследовательница Дж. Тру. Она предложила использовать для бывших социалистических стран гендерный, но при этом диалектический подход, в котором женщины являются агентами, способными приспособиться к изменениям без обязательной радикальной субъективной трансформации (True, 2003).

Данная статья посвящена одной стороне этого многогранного вопроса, а именно гендерным особенностям восприятия советского среди жителей севернорусских деревень. Многие исследователи подчеркивали тот факт, что «мужчины и женщины пережили постсоциалистические трансформации совершенно по-разному» (Buyandelgeriyun, 2008: 240). Гендер в данном случае позволяет применить «необходимую линзу для понимания нюансов хаотических и неопределенных изменений» (Buyandelgeriyun, 2008: 240). Взгляд

на СССР и на советское в настоящем для мужчин и женщин оказался в некоторых аспектах кардинально отличным. Именно благодаря таким, казалось бы, мелочам можно составить картину восприятия постсоветского общества более объективно. В задачу автора не входит анализ советского периода, когда, вполне возможно, и произошло то разделение на разные подходы в «мужских» и «женских» моделях руководства. Априори в советской идеологии не делалось различий между гендерами в принципах формирования идентичности советского человека, однако если все же такое разделение мы предполагаем, то и трансформация мужского и женского в постперестроечный период тоже должна была идти по-разному. Но, как я уже упомянула, этот вопрос требует более подробного исследования в будущем.

В качестве полевых источников выступают интервью жителей одного из районов Архангельской области, которые проводились в разные годы начиная с 2005 года и по настоящее время, причем иногда с одним и тем же информантом удавалось поговорить несколько раз. Это позволило уточнить некоторые детали или увидеть эволюцию взглядов наших собеседников. Все имена и названия района и населенных пунктов опущены по этическим соображениям. Мною были отобраны интервью с людьми, которых в деревнях принято называть «управленцами» — это руководители администрации. Свои должности мои собеседники занимали в разное время с 1990-х годов и до сегодняшнего дня, то есть речь идет о времени перехода, или, как иногда его принято называть в историографии, «транзите», социально-экономической трансформации СССР к Российской Федерации. Моими собеседниками были мужчины и женщины в возрасте от 50 лет, чье взросление и становление происходили в советские времена. Поэтому задачей было подтвердить или опровергнуть предположение о том, что руководители сельских администраций в своей тактике работы должны были испытывать определенное влияние советской модели. Под понятием «советское» я подразумевала именно те характеристики, которые сами информанты связывали с советской эпохой.

Прежде всего жители севернорусских деревень в качестве советских принципов вспоминали коллективизм и взаимопомощь. Эти принципы, по их мнению, были залогом процветания деревень в прошлом. Стоит отметить, что подобные утверждения популярны не только среди обывателей, но и среди ряда исследователей, однако последние соотносят их не с советским прошлым, а с особенностями сельскохозяйственного региона («Жителям земледельческих районов... свойственен коллективизм, а в духовном плане — соборность» (Матонин, 2013: 50)). Еще одна популярная в историографии точка зрения — представление о том, что коллективизм и взаимопомощь свойственны именно северным регионам нашей страны. Исследователь М. В. Агапов отмечает: «Представление о наличии некоего особого “северного менталитета”, или “северного характе-

ра”, является центральным элементом северной мифологии. Приведем пример типичного высказывания: “Северяне, они лучше работают в команде. Командный дух, корпоративный, потому что выжить на севере одному достаточно сложно. У них есть такое свойство — кучковаться” (Агапов, Ключева, 2018:18).

Модели управления женщин-руководителей

Для того чтобы разобраться в представлениях самих жителей севернорусских деревень, обратимся сначала к женщинам-руководителям. Как отмечала исследовательница гендерной истории Л. П. Репина, «в научно-исторических публикациях, которые поднимают вопрос о роли гендера в распределении властных полномочий, вводится различие между, с одной стороны, легитимной политической властью... и с другой — возможностью оказывать на людей и события неформальное влияние» (Репина, 2000: 129). Женщин и их манеру управлять чаще всего относили как раз к неформальным вариантам влияния, речь даже шла о так называемых женских сетях влияния (Репина, 2000: 129).

Но сохранился ли такой подход в советскую и постсоветскую эпохи? Как писала американский антрополог Бюадельгерин, в Советском Союзе «...особая организация экономического производства спасли женщин от тирании патриархата» (Buyandelgeriyn, 2008: 242). В советском обществе женщины имели возможность наравне с мужчинами получать образование, имели доступ к должностям даже довольно высокого уровня. Поменяла ли советская социально-политическая модель отношение к женщинам во власти и отношение самих женщин к своей власти? Все мои собеседницы занимали или занимают в данный момент руководящие должности в сельских администрациях, при этом все получили образование не ниже среднего специального в советские годы.

В Архангельской области мы взяли интервью у членов совета деревни. Примечательно, что костяк этого совета — женщины. Сами они так рассказали о своей работе:

Там женщины у нас в основном: вот [называет фамилию. — М. А.], она председатель у нас там, как староста идет. В совете деревни у нас кто еще? У нас одни и те же так везде так. Ну вот... [называет имена и фамилии. — М. А.] они и в женсовете, и там... Все — женщины в основном. Ну решают, как у нас праздники, например, готовимся, и вот они приходят сюда, решают, чего, как провести, что будем проводить.

Совет деревни — выборный орган, работают в нем исключительно на общественных началах. В этой деревне параллельно существует так называемый женсовет. Его участницы незаметно даже для

самих себя стали в итоге у руля и в совете деревни. Интересно отметить, что до перестройки никто из наших собеседниц не занимал никаких руководящих должностей, они работали в школе, клубе, библиотеке, магазине и т.п. Но именно перестройка со всеми последующими трудностями вывела этих женщин на лидирующие позиции в собственной деревне.

На вопрос, что именно входит в круг их обязанностей, активистки рассказали:

И перед праздниками сейчас тоже субботники делали, тоже решали, что надо делать, список составляли: сегодня это убираем, завтра то убираем, ну территорию. Кладбище каждый год убираем ходим. Мост вот тоже строили... Безработных привлекаем через центр занятости.

Стоит подробнее остановиться на форме организации этих общественных работ. Наши собеседницы поведали, что приглашают активных работников, владельцев техники (трактора, бензопил и пр.). Но большую часть участников общественных работ составляют безработные. В современных деревнях, к сожалению, найти работу очень сложно, многие выживают благодаря своим огородам, рыболовству. Важным источником дохода являются государственные пенсии и пособия. Безработные жители встают на учет на биржу труда и получают от государства выплаты. Однако закон «О занятости населения в Российской Федерации» ограничивает срок выплат тремя месяцами, после этого человек должен отработать с официальной записью в трудовую книжку хотя бы несколько дней, и после этого вновь может встать на учет и получать пособие. Биржа труда располагается, как правило, в администрации, и работают там те же люди, что и в совете деревни. То есть у управленцев есть доступ к актуальной информации по безработным, у которых срок выплат скоро закончится. Постепенно по очереди женщины-организаторы общественных работ приглашают на них безработных и делают им запись в трудовую книжку, поскольку это официальное мероприятие со всей документацией. Люди в результате получают возможность вновь встать на учет и несколько месяцев иметь финансовую поддержку. Эта модель очень напоминает традиционные для дореволюционного Русского Севера помочи (Тихоницкая, 1934: 76), только в данном случае помочане, с одной стороны, помогают обустроить деревню, а с другой — сами оказываются в роли тех, кто получает помощь.

В работах западных антропологов, посвященных сравнению жителей бывших ГДР и ФРГ, часто исследуется аспект отношения к государству как главному донатору населения. Авторы отмечают: «Бедные, как правило, одобряют государственное вмешательство больше, чем богатые, потому что они с большей вероятностью получают выгоду от государственных трансфертов» (Alberto,

Fuchs-Schündeln, 2005: 1517). Отчасти этот тезис можно применить и к ситуации в постсоветских деревнях: жители используют государственные работы как способ получить в перспективе финансовую поддержку от того же государства. Однако не стоит упускать из виду и другое. Организаторы работ в большей степени руководствуются принципом взаимопомощи и помогают таким образом своим односельчанам. Наличие своеобразной очередности из нуждающихся говорит об особом морально-этическом подходе к решению хозяйственной проблемы.

В отечественной историографии часто такой коллективизм связывают с крестьянской общинностью в целом и с северными обычаями в частности: «Деревенская община была большой семьей, где считались нормой взаимопомощь и взаимовыручка... Работа “в помощь” не считалась формой “эксплуатации”... Общественное осуждение было высшей мерой социальной защиты» (Матонин, 2013: 50). Однако наши информантки часто говорили об этой взаимовыручке как об одном из ключевых элементов именно советского прошлого. Эта связь в целом не нова: многие современные исследователи отмечают, что «социализм ценил отношения взаимности и обязательств» (Buyandelgeriyn, 2008: 239).

О похожей модели работы нам рассказали и в другом районе Архангельской области. Каждый год в сельской местности проводится похозяйственная перепись: переписчик фиксирует подсобное хозяйство жителей деревни, записывает количество домашнего скота, техники и т.п. На эту работу обычно выделяются один-два человека, которые официально получают запись в трудовую книжку и денежное вознаграждение.

Секретарь администрации одной из деревень каждый год выступает в качестве такого переписчика. Она рассказала, что формально в качестве переписчиков она оформляет безработных матерей-одиночек. Саму работу все равно выполняет наша информантка, поскольку у нее есть опыт, кроме того, она не доверяет этим женщинам (*они и не справятся*). Вознаграждение, соответственно, тоже получает секретарь. Однако помощь состоит в том, что безработные женщины получают запись в трудовую книжку, которая им позволяет состоять на бирже труда со всеми государственными выплатами, кроме того, такая запись увеличивает формальный трудовой стаж, что важно для выхода на пенсию в будущем.

Еще раз подчеркну, что наша собеседница помогает исключительно безработным матерям-одиночкам. Она сама для себя выработала такую модель помощи. В деревне много безработных, но секретарь помогает только этой категории населения, поскольку считает их самой уязвимой и особо нуждающейся в помощи.

Самый яркий пример женщины-руководительницы, с которой нам посчастливилось встретиться во время полевых исследований, — бывшая глава сельской администрации одной из севернорусских деревень. В прошлом учительница начальных классов,

в юности — чемпионка района по лыжным гонкам, активистка, участница местного хора и других сельских активностей. В конце 1990-х — начале 2000-х годов она была избрана главой администрации в своей деревне и пробыла на этой должности два срока. Во время наших интервью информантка особенно много внимания уделяла рассказам о своей организаторской работе на руководящем посту:

У нас там совет общественности неплохо работал при администрации. Семьи все — и благополучные, и такие. И походы у нас были с родителями и детьми, и зимние катания у нас там были.

В дальнейшей полевой работе с другими жителями выяснилось, что отношение к этой женщине в деревне довольно противоречивое. Кто-то рассказывал, что ее работа была абсолютно не профессиональна, что она занималась лишь турслетами и массовыми мероприятиями, игнорируя настоящую административную работу. Но были и те, кто с благодарностью вспоминал, как в трудные времена наша героиня бросалась помогать нуждающимся, пыталась объединить деревенское общество. И тут вновь прослеживается отсылка к принципу взаимопомощи и коллективизма.

На посту руководителя сельской администрации наша героиня организовала своеобразный социально-экономический проект. Она закупала кроликов и раздавала их нуждающимся семьям, чтобы они выращивали их на мясо. Кролики довольно легки в уходе, дают большой приплод, их мясо в тяжелые годы должно было стать важным подспорьем для малоимущих семей. При этом закупала она кроликов на собственные средства, так как организовывать официальные закупки было трудно, требовалось много времени на бюрократическую волокиту, да и сама информантка считала, что раз это ее инициатива, проще сделать все самой. Как отмечала британский антрополог Ф. Хейт, противоречия между материальными и социально-моральными интересами вызывают чувства стыда, гордости, вины, коллективизма и острого дискомфорта (Heyat, 2002). Наша героиня тоже переживала за всю деревню, остро ощущала необходимость помочь всем нуждающимся в трудные времена. К сожалению, по ее словам, усилия были напрасны: все розданные кролики погибли, то есть такая оригинальная социально-экономическая программа не дала результатов.

Вообще такая модель поведения — отзывчивость к нуждам односельчан, активное участие в их жизни — была свойственна нашей информантке и до вступления на руководящий пост. В начале 1990-х годов, будучи обычной учительницей в местной школе, она предприняла другую социальную акцию. В эти тяжелые времена в российских деревнях увеличилось число пьющих, у многих учеников нашей героини были неблагополучные семьи именно из-за этой проблемы. И тогда информантка решила действовать

радикально. Она узнала, что в Архангельске есть клиника, в которой за деньги можно закодировать алкоголиков. Она решила отвезти туда самых проблемных односельчан. Наша героиня обратилась в местную администрацию, там ей согласились выделить только машину, но не деньги на саму медицинскую процедуру. И снова на собственные средства наша собеседница вывезла двенадцать человек, страдающих алкоголизмом, для кодирования. В результате и эта кампания не дала желаемых плодов: многие по прошествии времени вернулись к пагубной привычке. Но наша собеседница вспоминает эту историю как важное событие в своей жизни. И в целом, рассуждая о своей работе в качестве руководителя, информантка говорила в основном о необходимости объединять людей, проводить социальную политику, поддерживать население в трудные времена:

Ладно бы дороги. Дороги — тут можно всем миром разобратсья... Если работать, то работать хорошо. У меня везде такой принцип. Я вот если чужим что-то пообещала, я вот свое не сделаю, а обещание другому выполняю.

Итак, как видно из примеров женщин-управленцев, даже в постсоветские годы они продолжали и продолжают сегодня руководствоваться принципами, которые они сами называют советскими. Речь идет прежде всего о коллективизме и взаимопомощи внутри своей деревни.

Модели управления руководителей-мужчин

Перейдем к мужской части руководителей. Во всех без исключения интервью наши собеседники также с ностальгией вспоминали советское прошлое. Они говорили, что в те времена «было порядка больше», «люди были добрее», «помогали друг другу», «не каждый сам за себя» — то есть фактически упоминаются те же самые паттерны, что и в интервью с женщинами. Перестройка и последующий переход к новой социально-экономической системе стали серьезным испытанием и для этих людей.

Нам удалось поговорить с первым после распада Советского Союза главой сельсовета деревни в Архангельской области. Он рассказал, что в этот переходный период еще плохо была налажена вся административная система, много было неясного в распределении ведомственных обязанностей. Например, в начале 1990-х годов глава сельской администрации отвечал за деревенские школу, больницу, детский сад и прочие организации. Наш герой вспомнил эпизод, когда зимой в начале 1990-х годов на электростанции закончилась солярка, без света осталось множество домов. Глава сельсовета попытался решить этот вопрос с районным руковод-

ством, но безрезультатно. Тогда руководитель решил действовать радикально. Он вспоминает:

Мы собрали весь актив [деревни. — М. А.] и создали телеграмму. Сразу на губернатора области. Пришел на почту, телеграмму отбили, деньги заплатил. Через полчаса руководитель звонит с района...

В итоге, как уже можно догадаться, проблема с электростанцией была быстро решена. И в целом рассказ нашего информанта был полон похожих историй, когда он вынужден был действовать решительно, иногда резко, искать личные связи с руководством, беседовать, спорить, иногда идти «через голову». Интересно его замечание про нынешние времена:

Я, как ни погляжу, как ни послушаю, одни сплошные проверки, прокуратуры. Всю инициативу режут на корню.

О. Хархордин и Т. Гербер в работе «Деловая этика российских директоров: исследование промышленных предприятий Санкт-Петербурга, 1993 г.» (Kharkhordin, Gerber, 1994) отмечали, что у директоров предприятий 1990-х годов существовали три линии взаимодействия: «отношения с другими директорами, отношения с новыми рыночными реалиями и отношения с коллективом своего предприятия» (Kharkhordin, Gerber, 1994: 1076). Такую же схему можно увидеть и в подходе нашего героя: зачастую проблемы решались с применением личных связей, без отсылки к «коллективизму». Но при этом информанты-мужчины также с ностальгией вспоминали взаимопомощь и коллективизм как важные составляющие советской эпохи.

Еще один наш герой — действующий глава сельской администрации деревни Архангельской области. В своем рассказе он много внимания уделял текущим хозяйственным проблемам: устройству дорог, ремонту мостов и проч. Интересно одно его замечание. Наш собеседник отметил, что его по-прежнему воспринимают как председателя колхоза советских времен, к нему ходят жаловаться по всем вопросам, хотя, согласно новой системе, сфера ответственности главы администрации ограничена. Например:

Спрашивают, почему у нас в школе холодно? А мы что можем сделать? Ведь школа и администрация — это разные ведомства. Что мы сделать можем? Денег ведь у нас нету... Бюджет формируется в... [в районе. — М. А.]. Нам сколько дадут денег, столько мы и расходует.

Иными словами, среди жителей современных деревень еще силен образ одного начальника, который ответственен за всё в деревне;

понимание современной системы управления с ее принципами регионального и ведомственного подчинения пока что не очень распространено среди местного населения.

В современной сельской местности популярна такая модель самоорганизации населения, как территориальное общественное самоуправление (ТОС). ТОСы могут писать заявки, получать государственные деньги и использовать их для реализации местных проектов. Наш информант с нескрываемым сарказмом вспоминал, как его предшественница на посту главы администрации активно пользовалась этой опцией. Например, при ней был выигран грант на строительство моста между двумя деревнями (проблема очень насущная в целом для севернорусской местности с многочисленными реками).

Они тоже по ТОСам строили при... [называет фамилию. — М. А.]. Проверьте вы мосты-то, прежде чем принимать! Его унесло на следующий год-то. Ну ладно, еще сто тысяч дали. Они еще построили, но построили неправильно. И опять его... Надо было контролировать. Специалистов-то нету таких. Раньше старики на топор рубили, сейчас техники — не можем построить.

Наш герой тоже понимал необходимость хороших дорог между населенными пунктами, но действовал он принципиально по-другому. По его рассказам, он лично ездил в районный центр, там договаривался с дорожной службой, чтобы они чаще заезжали в их отдаленные края, запускали там грейдер несколько раз за сезон. Таким образом, вновь включается фактор личных связей, договоренностей, но не общественных организаций. И ко всем общественным работам и инициативам наш информант относился скептически. В качестве примера он рассказал, что каждый год организует субботники, но на них приходит очень мало людей, а из молодых — всего пару человек. В итоге глава администрации вновь подключил личные связи: он договорился с директором школы, которая ежегодно приводит на эти субботники учеников. Итак, «советские» методы управления с активным привлечением общественности в представлении нашего собеседника работают только при использовании административных рычагов давления.

Как можно заметить, мужчины-руководители в своей работе редко апеллируют к принципу коллективизма, они предпочитают использовать личные связи, договоренности, в крайнем случае — административный ресурс. Ни один из наших информантов в принципе не упоминал о каких-либо общественных работах, коллективных мероприятиях, в отличие от женщин-информанток. Идеи взаимопомощи и коллективизма для них близки именно в ключе воспоминаний о советском прошлом. Более важным атрибутом советского времени для них остается стабильность. А она может быть достигнута в современных условиях с использованием уже других методов управления.

Итак, при исследовании методов работы руководства постсоветских сельских администраций на Русском Севере стала очевидна интересная закономерность. Женщины чаще в своей работе обращают внимание на социальные нужды, опираются на общественные организации, пытаются создавать возможности для незащищенных слоев населения. Мужчины же выбирают иную модель руководства, хотя не скрывают свою собственную ностальгию по советскому с присущим ему духом коллективизма и взаимопомощи. Однако на практике к этим принципам они не обращаются, поскольку чаще считают их нецелесообразными в современных реалиях.

В своих работах многие антропологи, изучающие страны бывшего социалистического блока, отмечают, что «экономика действует не только по правилам, но и под влиянием воспоминаний, продолжительных отношений и исторически обоснованных культурных ценностей» (Buyandelgeriyn, 2008: 238). Наше исследование во многом подтверждает этот тезис: советские ценности кажутся нашим информанткам важными и для современного общества. А. Блох в своих работах отмечает, что женщины в принципе на себе испытали больше позитивных сторон советской системы, их социально-экономическое положение трансформировалось больше, нежели у мужчин (Bloch, 2000: 44). Советская власть дала женщинам то, чего у них раньше не было, — образование, возможность занимать руководящие должности. Возможно, именно это можно считать одной из причин такой приверженности советским моделям в руководящих практиках. Интересно, что наши информантки часто впервые проявили свои управленческие способности в постсоветские годы, при этом они обращались и обращаются сейчас к принципам управления, которые сами считают советскими.

Как отмечал исследователь В. Н. Матонин, в переходные времена «обществу нужна “точка сборки” — идеология, основанная на высоких идеалах. Абсолютные ценности нельзя придумать и навязать, но можно выстрадать и вспомнить» (Матонин, 2013: 53). Одним из таких «воспоминаний» и стали советские ценности коллективизма и взаимопомощи. Хотя, как я уже отмечала, многие исследователи соотносят их далеко не только с советским временем, наши информанты считают их именно таковыми. Полевые исследования показали, что сельские руководители в постсоветские годы фактически переосмыслили, комбинировали советские и новые принципы и модели руководства, выдавая собственный результат. Это отчасти еще раз подтверждает тезис М. Буядельгерина о том, что «...теории перехода ошибочны по своей сути; постсоциалистические системы морали и ценностей при слиянии с западными идеями приводят к непредсказуемым результатам» (Buyandelgeriyn, 2008: 240).

Таким образом, влияние советской эпохи во многом продолжает быть заметным в современной России. Это проявляется не только

в ностальгии по советскому, но и в использовании практик, которые были характерны не только для советских времен, но воспринимаются современными сельскими жителями как советские.

М. Н. Архипова
 Модели управления жителей севернорусской деревни в постперестроечный период

Библиография

- Агапов М. В., Ключева В. П. (2018). «Север зовет!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения российской Арктики // Сибирские исторические исследования. № 4. С. 6-24.
- Матонин В. Н. (2013). Локальное и универсальное в социокультурном пространстве Поонежья и Онежского Поморья // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Т. 10. № 1. С. 48-54.
- Пименов В. В. (1967). О некоторых закономерностях в развитии народной культуры // Советская этнография. № 2. С. 3-14.
- Репина Л. П. (2000). Пол, власть и концепция «разделенных сфер»: от истории женщин к гендерной истории // Общественные науки и современность. № 4. С. 123-137.
- Тихоницкая Н. Н. (1934). Сельскохозяйственная толока у русских // Советская этнография. № 4. С. 73-90.
- Alberto A., Fuchs-Schündeln N. (2005). Good-bye Lenin (or not?): The effect of Communism on people's preferences // American Economic Review. Vol. 97. № 4. P. 1507-1528.
- Bach J. (2002). "The taste remains": Consumption, (n)ostalgia, and the production of East Germany // Public Culture. Vol. 14. № 3. P. 545-566.
- Bloch A. (2000). Authenticating tradition: Material culture, youth, and belonging in central Siberia // Museum Anthropology. № 23(3). P. 42-57.
- Buyandelgeriyev M. (2008). Post-post-transition theories: Walking on multiple paths // Annual Review of Anthropology. P. 235-250.
- Bridenthal R., Koontz C., Stuard S. M., (eds.) (1987). Becoming Visible: Women in European History. Boston: Houghton Mifflin.
- Heyat F. (2002). Women and the culture of entrepreneurship in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan // Markets and Moralities. London: Routledge P. 19-31.
- Kharkhordin O., Gerber T. (1994). Russian directors' business ethic: A study of industrial enterprises in St Petersburg, 1993 // Europe-Asia Studies. Vol. 46. P. 1075-1107.
- True J. (2003). Gender, Globalization, and Postsocialism: The Czech Republic after Communism. Columbia: University Press.
- Velikonja M. (2002). Ex-Home: Balkan Culture in Slovenia after 1991 // The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe / eds. B. Törnquist-Plewa, S. Resic. Sweden: Lund. P. 189-207.
- Velikonja M. (2009). Lost in transition: Nostalgia for socialism in post-socialist countries // East European: Politics and Societies. Vol. 23. № 4. P. 535-551.
- Verdery K. (1991). Theorizing socialism: A prologue to the "tranzition" // American Ethnologist. Vol. 18. № 3. P. 419-439.

Management models of the northern Russian village in the post-perestroika period

Maryana N. Arkhipova, PhD (History), Senior Researcher, Center for Applied History, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Lecturer, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Prosp. Vernadskogo, 82, bldg. 1, Moscow, 119571, Russia. E-mail: arkhipovamn@ranepa.ru

Abstract. The article considers the management practices of the North-European Russian villagers in the post-*perestroika* period. Based on the field data, the author examines the practices of the heads of rural administrations in one district of the Arkhangelsk Region. The main field method were ethnographic interviews with villagers of the Arkhangelsk Region, who used to hold or has held leadership positions in rural administrations. The study shows that many villagers remember the Soviet past with nostalgia, which is explained by its special qualities — ‘stability’, ‘collectivism’, ‘mutual assistance’, ‘confidence in the future’. The author argues that there is some correlation between gender and chosen management models: as a rule, women emphasize the principles of collectivism and mutual assistance, focus on helping the most vulnerable groups in their villages (unemployed, single mothers, etc.); while men prefer administrative resources and personal connections, often ignoring the needs of their fellow villagers. The study showed that in the post-Soviet village, there was a kind of symbiosis of several management models with clear gender differences in their application.

Key words: North of European Russia, nostalgia, gender, managers, power, mutual assistance, collectivism, *perestroika*, ‘transit’

References

- Agapov M. V., Klyueva V. P. (2018) “Sever zovjot!”: motiv “severnoe prityazhenie” v istorii osvoeniya rossijskoj Arktiki [“The North is calling!”: The motif “Northern attraction” in the history of the development of the Russian Arctic], *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniya*, no 4, pp. 6–24.
- Matonin V. N. (2013) Lokalnoe u universalnoe v sotsiokulturnom prostranstve Ponezhziya i Onezhskogo Pomoriya [Local and universal in the social-cultural space of the Onega Region and Onega Pomorie], *Vestnik Severo-Vostochnogo Federalnogo Universiteta imeni M. K. Ammosova*, vol. 10, no 1, pp. 48–54.
- Pimenov V. V. (1967) O nekotoryh zakonomernostyah v razvitii narodnoj kultury [On some regularities in the development of folk culture], *Sovetskaya Etnografiya*, no 2, pp. 3–14.
- Repina L. P. (2000) Pol, vlast i kontseptsiya “razdelennyh sfer”: ot istorii zhenshchin k gendernoj istorii [Gender, power and the concept of “divided spheres”: From history of women to gender history], *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, no 4, pp. 123–137.
- Tikhonitskaya N. N. (1934) Selskokhozyajstvennaya toloka u russkikh [Russians’ collective agricultural works], *Sovetskaya Etnografiya*, no 4, pp. 73–90.
- Alberto A., Fuchs-Schündeln N. (2005) Good-bye Lenin (or not?): The effect of communism on people’s preferences, *American Economic Review*, vol. 97, no 4, pp. 1507–1528.
- Bach J. (2002) “The taste remains”: Consumption, (n)ostalgia, and the production of East Germany, *Public Culture*, vol. 14, no 3, pp. 545–566.
- Bloch A. (2000) Authenticating tradition: Material culture, youth, and belonging in central Siberia, *Museum Anthropology*, vol. 23, no 3, pp. 42–57.
- Buyandelgeriy M. (2008) Post-post-transition theories: Walking on multiple paths, *Annual Review of Anthropology*, pp. 235–250.
- Bridenthal R., Koontz C., Stuard S. M. (Eds.) (1987) *Becoming Visible: Women in European History*, Boston: Houghton Mifflin.
- Heyat F. (2002) Women and the culture of entrepreneurship in Soviet and Post-Soviet Azerbaijan, *Markets and Moralities*, London: Routledge, pp. 19–31.
- Kharkhordin O., Gerber T. (1994) Russian directors’ business ethic: A study of industrial enterprises in Saint Petersburg, 1993, *Europe-Asia Studies*, vol. 46, pp. 1075–1107.

- True J. (2003) *Gender, Globalization, and Post-Socialism: The Czech Republic after Communism*, Columbia: University Press.
- Velikonja M. (2002) Ex-home: "Balkan culture" in Slovenia after 1991, *The Balkans in Focus: Cultural Boundaries in Europe*, Ed. by B. Törnquist-Plewa, S. Resic, Lund, pp. 189–207.
- Velikonja M. (2009) Lost in transition nostalgia for Socialism in Post-Socialist countries, *East European: Politics and Societies*, vol. 23, no 4, pp. 535–551.
- Verdery K. (1991) Theorizing socialism: A prologue to the "tranzition", *American Ethnologist*, vol. 18, no 3, pp. 419–439.

М. Н. Архипова
Модели управления жителей севернорусской деревни в постперестроечный период

Постсоветский райцентр: урбанизация или рурализация?

Пример пгт Локоть Брянской области¹

С. А. Самбурова, А. И. Алексеев

Светлана Алексеевна Самбурова, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: svetlanawernbloom@gmail.com

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. В настоящее время поселки городского типа все так же, как и в советский период, занимают «промежуточное» положение между городом и селом, однако последствия кризиса 1990-х и перехода к рыночной экономике сильно изменили их социально-экономическое положение. В качестве примера периферийного поселка городского типа-районного центра нами был выбран Локоть — центр Брасовского района Брянской области.

Для того чтобы проследить, в какую сторону по оси урбанизированности произошел сдвиг Локтя в постсоветский период, нами были выбраны следующие параметры: внешний облик поселка, занятость населения, мобильность и миграции, а также образ жизни. Каждый из них за период с момента распада Советского Союза претерпел трансформационные сдвиги различного масштаба, но общего их направления (проурбанизационного или прорурализационного) не прослеживается: если внешний облик поселка и образ жизни местного населения стали более городскими за счет развития сектора услуг, то занятость, мобильность и миграции, напротив, сдвинулись по оси урбанизированности в сторону села, виной чему в первую очередь закрытие градообразующих промышленных предприятий, повлекшее значительный отток трудоспособного населения поселка в города. Таким образом, разнонаправленность трансформационных процессов не позволяет однозначно отнести Локоть к городу или селу.

Ключевые слова: поселок городского типа, город, село, образ жизни, Брянская область, социально-экономическая трансформация

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-144-184

-
1. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внешних и внутренних факторов в современных социально-экономических условиях».

Согласно классическому подходу, город — это населенный пункт, который в той или иной стране считается городом. Таким образом, в этом случае главный критерий разграничения городской и сельской местности — статусный (Нефедова, 2013а). Тем не менее существует множество исследований, в которых понятие города пытаются определить через совокупность количественных и качественных параметров. Например, В. П. Семенов-Тянь-Шанский в целях определения подходящих признаков «истинных городов» (Семенов-Тянь-Шанский, 1910) использовал критерии людности и занятости населения вне сельского хозяйства, считая самым верным последний (Нефедова, 2013а, Семенов-Тянь-Шанский, 1910). Представители Чикагской школы социологии Р. Парк и Э. Берджесс, в свою очередь, полагали, что одним из наиболее важных параметров, определяющих город, являются культурные факторы (Park, Burgess, 1925). По определению В. В. Покшишевского, город — это крупный населенный пункт, выполняющий промышленные, организационно-хозяйственные, управленческие, культурные, транспортные и другие (но не сельскохозяйственные) функции (Покшишевский, 1973). В то же время существует подход, согласно которому город — это специфическое социальное явление, развивающееся в сложных связях с другими компонентами поселенческой организации общества (Алексеева, 1995). С этой точки зрения поселения любого типа (города, села, станицы и др.), несмотря на резкие культурно-исторические и социально-экономические различия, представляют собой единые социально-пространственные системы, находящиеся на разных стадиях развития. На каждой стадии преобладают те действия генетического механизма развития, которые необходимы и последовательно органичны для нее (Алексеева, 1995).

В соответствии с положениями большинства региональных законов субъектов Российской Федерации² город — «населенный пункт, являющийся промышленным, экономическим и культурным центром, имеющий развитую инфраструктуру (социальную, производственную, инженерную и транспортную), определенную численность жителей, большинство из которых заняты несельскохозяйственными видами производства и обслуживания, имеющий важное (промышленное, социально-экономическое, социально-культурное, историческое) значение, перспективу дальнейшего развития и роста численности населения» (Фролова, 2016). Законодательные критерии определенной людности и структуры занятости населения — в том числе наследие советской эпохи, когда населенный пункт на официальном уровне признавался городом, достигая людности не менее 12 тыс. человек, а также занятости более чем 85% работающего населения вне сельского хозяйства (Гусев, Горкин, Бородулин, 2001). Однако на практике эти критерии, во многих

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»

регионах оставаясь актуальными и после распада СССР, учитываются не всегда. Так, некоторые города, обладающие крайне низкой численностью населения, остаются до сих пор именно городами (например, Чекалин в Тульской области с численностью населения 866 человек (Федеральная служба государственной статистики..., 2022)). В то же время ряд сельских населенных пунктов, в особенности на юге страны, еще в советский период достиг таких значений людности, которые позволяют уверенно отнести их к категории малых городов (например, станица Каневская в Краснодарском крае — крупнейший сельский населенный пункт России с численностью населения около 42 тыс. человек (Федеральная служба государственной статистики..., 2022)).

В настоящее время в России на федеральном уровне отсутствует единый набор параметров, определяющих то, к какому типу поселения относится населенный пункт (Фролова, 2016). Поскольку вопрос наделения поселения городским или сельским статусом решается в рамках законодательства конкретных субъектов на основе целей долгосрочного регионального планирования, появляются новые примеры городов с численностью населения ниже установленного регионом порогового значения. Так, например, основанный в 2012 году как перспективный университетский центр и официально открытый в 2015 году Иннополис (Татарстан) уже с момента открытия обладал статусом города, хотя численность его населения даже сейчас не достигает и 10 тыс. человек (Федеральная служба государственной статистики..., 2022). При этом, по законам Республики Татарстан, в отдельных случаях к городам могут быть отнесены населенные пункты с численностью населения менее 12 тыс. человек, но имеющие перспективу дальнейшего социально-экономического развития и роста численности населения³. Критерий перспективности населенного пункта является оценочным и сложно поддается законодательному определению (Соловьев, 2014), однако это не мешает региональным властям им пользоваться.

Во всех случаях законодательство субъектов предполагает разделение населенных пунктов на две крупные категории — городские и сельские. К сельским населенным пунктам, как правило, относятся те поселения, которые не подпадают под критерии городских и чье население «ведет сельский образ жизни» (Афанасьев, 2014). Такой подход соответствует дихотомической концепции, предполагающей противопоставление города и села. По нашему мнению, в случае России, расположенной на такой огромной природно- и социально-экономически разнородной территории, этот подход деструктивен, поскольку не учитывает наличия тех поселений, которые по всем своим параметрам находятся между этими

3. Закон Республики Татарстан от 07.12.2005 № 116-ЗРТ «Об административно-территориальном устройстве Республики Татарстан» (с изменениями и дополнениями)

двумя крайностями. Так, например, по Л. Б. Карачуриной, население страны в настоящее время делится на три не вполне равные части — городскую; городско-сельскую и сельско-городскую; преимущественно сельскую (Карачурина, 2012), однако такой подход не находит отклика в достаточно статичной и инерционной системе административно-территориального деления России.

За рубежом существуют «промежуточные» типы населенных пунктов, в которых проживает «переходное» население: в Финляндии, например, официальная статистика выделяет три группы муниципалитетов: городские, полугородские и сельские (Тюккюлайнен, Андреев, Пьянкова, 2008). В Индии существуют «переписные города» — населенные пункты, которые по результатам переписи населения признаются городами, однако не объявляются ими по закону правительством соответствующего штата (Mondal, Samanta, 2021). Эти поселения обладают «промежуточным между городским и сельским характером» (Samanta, 2014).

Такой подход укладывается в континуальную концепцию, согласно которой все населенные пункты располагаются на «оси урбанизованности» от «чисто городского» к «чисто сельскому» (Sorokin, Zimmerman, 1929). По мере продвижения по этой оси от «села» к «городу» возрастает людность, меняется структура занятости (уменьшается доля сельскохозяйственной, возрастает — промышленной, а затем — занятости в третичном секторе экономики), увеличиваются плотность и этажность застройки, улучшается обеспеченность инженерной инфраструктурой (водопроводом, канализацией, газо- и электроснабжением и т. д.).

Существует и теоретическая многомерная концепция, исходящая из понимания неодновременности смены разных черт поселений (Заславская, Рывкина, 1972). Главными ее критериями являются соотношение людности, выполняемых населенным пунктом функций, преобладающего типа застройки и в целом образа жизни. Например, типичный поселок при промышленном предприятии, как правило, имеет малую людность, но обладает городскими функциями, а поселок при свиноферме будет, напротив, обладать большой людностью и сельскохозяйственными функциями, сочетающимися с преимущественно городской застройкой.

В системе административно-территориального деления России⁴ существует разделение типов городских поселений на города и, обобщенно, поселки городского типа (хотя вариаций наименований несколько — как непосредственно пгт, так и рабочие поселки, городские поселки...; далее — пгт). Пгт как новый тип поселения был характерен только для социалистических стран.

4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»

Появившись в 1920-х годах⁵, он отвечал ряду идеологических требований и социальных условий того исторического периода и в то же время, по мнению некоторых исследователей, стал преемником земледельческих поселений царской России — местечек, посадов и др. (Никифоров, Кузнецова, 2007). Пгт развивались как небольшие промышленные, транспортные, рекреационные центры, но условия жизни в них в основном оставались сельскими. Одним из наиболее ощутимых преимуществ для жителей пгт была возможность сохранять стабильную занятость на градообразующем предприятии и при этом заниматься личным подсобным хозяйством, иметь собственный дом, держать скот и, главное, обладать широким кругом близких контактов. Многие пгт, разрастаясь, впоследствии обретали городской статус. Этот плавно-закономерный процесс, при котором поселок постепенно отходит от своей сельскости, Г. М. Лаппо называл «вызреванием» городов (Лаппо, 1997).

В советское время статус пгт, переходный между сельским и городским, являлся желанным для большинства сел и на волне прорурбанистических административных преобразований воспринимался как шаг вперед. Сильнейший кризис 1990-х, однако, «развернул процесс вспять» (Нефедова, 2013а): многие пгт законодательно признавались сельскими населенными пунктами ради налоговых льгот, повышенных дотаций на коммунальные платежи и т. д., что приводило к фиктивной рурализации, притом что сами «новосельские» населенные пункты в основном не изменяли своего внешнего облика и, главное, образа жизни (Чучкалов, Алексеев, 2019).

Отдельного упоминания достойны поселковые центры муниципальных образований, которым, например, является исследуемый нами пгт Локоть. Не столь важно, к городскому или сельскому типу формально относится поселок: он в любом случае будет обладать центральными, городскими функциями (Нефедова, 2013а), что оказывает большое влияние на образ жизни местного населения. При этом, будучи поселком, такой населенный пункт, как правило, сохраняет многие свои сельские особенности, проявляющиеся не только во внешнем облике поселения (преимущественно индивидуальная жилая застройка, отсутствие центральной канализации, повсеместные огороды и др.), но и в жизненном укладе местного населения. Тем не менее степень формальной и фактической «сельскости» муниципальных центров меняется от региона к региону и сильно зависит от исторических и географических условий (Нефедова, 2013а).

5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15.09.1924 № 73 «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках»

Нам бы сюда князя Романова вернуть и Сталина — тогда бы все крысы побежали.
(реплика ожидающего налива пива в локотском баре местного жителя)⁶

С. А. Самбурава,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

Поселок городского типа Локоть, расположенный близ реки Неруссы при железнодорожной станции Брасово, — административный центр Брасовского муниципального района Брянской области. Расстояние до Брянска по прямой — 90 км (рис. 1).

Рисунок 1. Географическое положение пгт Локоть и Брасовского района Брянской области. Источник: составлено авторами

Первые документальные подтверждения о селениях на территории современного Брасовского района относятся к XV веку, первые упоминания о самом Локте (под названием «слобода Локотской Колодезь») встречаются в документах первой половины XVII века (Соколов, 2000).

Основным фактором, определившим историю развития поселка Локоть, являлось его периферийное географическое положение, нашедшее свое отражение даже в самом названии поселения, которое произошло от крутого изгиба дороги, связывавшей Севск и Кара-

6. Здесь и далее цитаты местных жителей приводятся анонимно, поскольку «некоторые не желают, чтобы их имя было».

чев, где и находился тогда еще хутор Локотской Колодезь (Соколов, 2000). Местность, где располагается Локоть, всегда отличалась богатством лесных массивов (рис. 2).

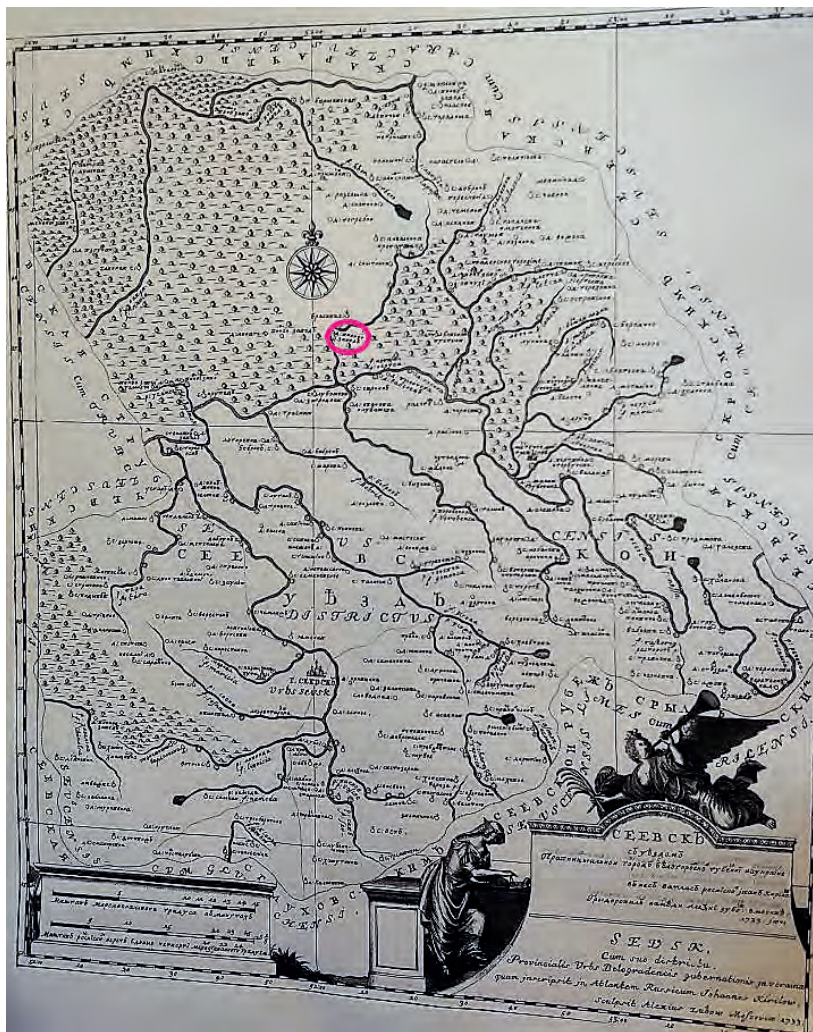

Рисунок 2. Локоть на карте Севского уезда, первая половина XVIII века. Источник: собрание МБУК Историко-краеведческий музей Брасовского района

С 1741 года Локоть, Брасово и другие селения были пожалованы видному военному и государственному деятелю С. Ф. Апраксину. По состоянию на конец XVII века «...самым крупным [в имении] было село Брасово». В одном из документов начала XVII века село даже называлось «городком», так как здесь имелся укрепленный острожек (Соколов, 2000). Поскольку Брасово «являлось хо-

рошим торговым местом», именно оно было избрано Апраксиными как центр имения (Осипов, Крижановская, 2011). Жившие на этих землях крестьяне, бывшие до того государственными, стали крепостными Апраксиных.

Потомки С. Ф. Апраксина уделяли большое внимание Брасовскому имению: при них в селе Брасово появились две фабрики — суконная и по производству скатертей и салфеток из полотна. Также действовали три крупных винокуренных завода, в том числе и в хуторе Локоть, где также были построены помещения для лошадей английской и русской пород (Соколов, 2000). Тогда же в имении появились первые лесопилки.

К концу XVIII века Брасовское имение было многоотраслевым хозяйством, из которого владелец и его управители «пытались получить как можно больше доходов» (Крашенинников, 2008). Это приводило к росту социальной напряженности. Несколько месяцев в 1795–1796 годах отказывались признать власть Апраксиных работавшие на стекольном заводе в деревне Шемякиной Гуте украинские семьи, которые раньше были свободными, а затем, как жившие на помещичьих землях, записаны апраксинскими крепостными (Крашенинников, 2008). С конца декабря 1796 года до середины февраля 1797 года продолжалось наиболее значительное по масштабам крестьянское восстание с участием крепостных всех апраксинских селений брасовской округи, которое обычно называют восстанием Емельяна Чернодыра (Осипов, Крижановская, 2011). Центром восстания было село Брасово.

В 1861 году в имении Апраксиных вновь начались волнения (центром которых вновь стало Брасово), однако они были предотвращены войсками, спешно прибывшими из Севска. Тем не менее Апраксины, опасаясь возможных в будущем восстаний, перевели свою главную контору из села Брасово в хутор Локоть, где «лесные поляны стали площадями, а лесные тропинки — улицами» (Осипов, Крижановская, 2011).

Несмотря на крестьянские волнения, начиная с XVIII века были заложены основы специализации поселка Локоть, в разном виде сохранившиеся до нашего времени, а одно из последних восстаний — перенос центра имения из Брасово в Локоть — в какой-то мере предопределило будущий центральный статус Локтя, который он получил, правда, более чем через 100 лет.

В 1880-х хозяевами Брасовского имения стали князья Романовы, при которых там были построены маслобойные, винокуренные заводы, появилась телефонная линия. Но главное — в 1896 году было открыто постоянное движение поездов по линии Брянск — Льгов (станция Брасово, расположенная в Локте, открыта тогда же, рис. 3), позволившее на регулярной основе и вне зависимости от погодных условий повысить транспортную связность поселка (Осипов, Крижановская, 2011).

Рисунок 3. Паровоз на станции Брасово, лето 1914 г. Источник: собрание МБУК Историко-краеведческий музей Брасовского района

В 1914 году на базе небольших ремонтных мастерских в Локте был основан чугунолитейный завод, который стал специализироваться на изготовлении корпусов артиллерийских снарядов и других военных заказов⁷.

После Революции на базе конного завода создан совхоз, впоследствии переименованный в конезавод № 17. Чугунолитейный (механический) завод стал выпускать прицепы для машин, используемых в лесной и деревообрабатывающей промышленности (Крашенинников, 2008), появился лесопильный завод. Позднее на базе этого предприятия, уже тогда работавшего в три смены⁸, возник мебельный комбинат. В итоге в 1930-х в поселке, помимо механического завода, работали пенькозавод, райпромкомбинат, спиртзавод, маслозавод. В 1923 году в Локте открылся техникум, осуществлявший набор на два отделения: лесное и сельскохозяйственное.

В 1936 году центр образованного в 1929 году Брасовского района Западной области был перенесен из Брасово в Локоть⁹, а в 1938 году Локоть, уже находясь в составе Орловской области, получил статус рабочего поселка.

7. По данным из предоставленной МБУК Локотская межпоселенческая библиотека им. Родичева рукописи об истории Брасовского станкостроительного завода, 1967.

8. Брасовская мебельная: вехи истории // Наш край. Брянск, 2006.

9. Постановление Президиума ВЦИК от 14.01.1929 № 46

В начале октября 1941 года поселок оказался захвачен фашистскими оккупантами и стал центром созданного германской администрацией крупного округа, в который входили Брасовский, Комаричский, Севский, Суземский, Навлинский, Дмитровский и ряд других районов Орловской и Курской областей (рис. 4). Округ создавался как барьер против партизанских сил, действовавших в южной части брянского леса. По замыслам гитлеровцев, он должен был стать образцом административного деления оккупированных областей (Соколов, 2000).

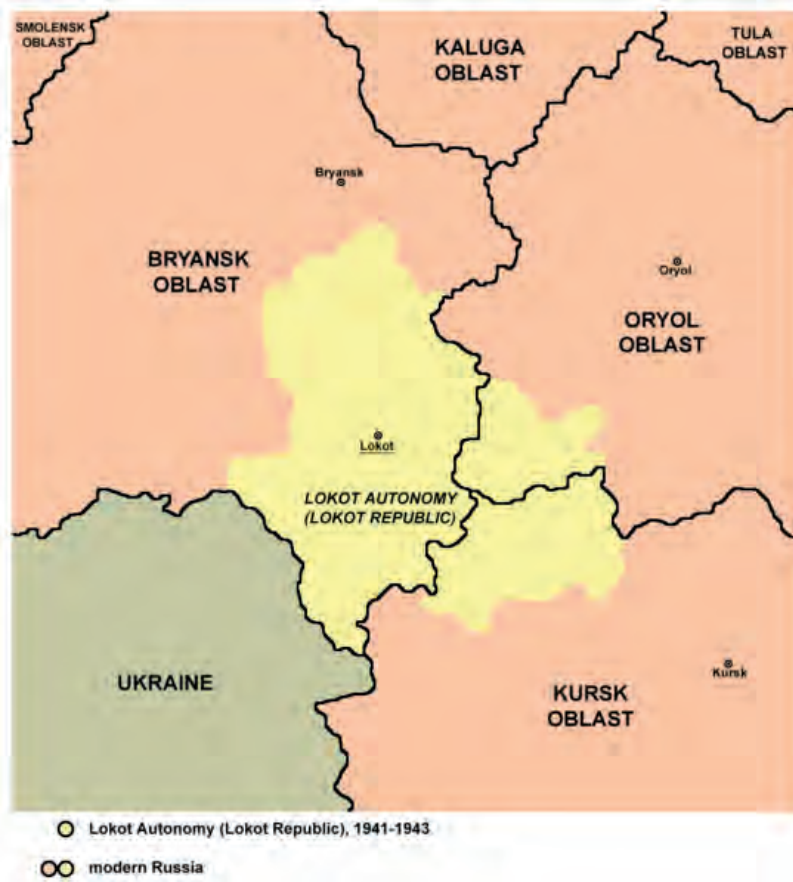

Рисунок 4. Границы Локотской республики в современном административно-территориальном делении. Источник: Володин, 2013

К лету 1942 года в Локте — центре Локотской республики — была оборудована тюрьма на территории конезавода, в которой одновременно содержалось от 200 до 350 человек. Именно там расстреливала локотчан печально известная Тонька-пулеметчица. По разным данным, на ее совести более 1500 смертей ни в чем не повинных жителей поселка (Полонский, 2019). Взрослые локотчане, по понятным причи-

нам, не хотят вспоминать эти события: «...а кто расстреливал? Москвичи приезжают, мол, покажите нам места расстрела. А я говорю: чего вы к нам едете? Идите в Москву, откуда она [Тонька] родом». Тем не менее еще в середине 2000-х местные подростки пугали маленьких детей, игравших в поселковой дубовой роще, что если они убегут слишком далеко, то их «Тонька расстреляет».

Отступая, фашисты нанесли поселку и району огромный ущерб, но «после войны Локоть родился заново» (Осипов, Крижановская, 2011): на месте механического со временем был построен более крупный Брасовский станкостроительный (машиностроительный) завод, восстановлены мебельный комбинат, деревообрабатывающий, кирпичный, спиртовой заводы, хлебокомбинат, сырзавод и другие предприятия.

В период до распада СССР Локоть развивался как промышленный центр локального значения: появилась нефтебаза, открывались магазины, культурно-досуговые учреждения, наращивалось производство на существующих предприятиях. Укреплялись транспортные связи Локтя с соседними районами Брянской области и Украинской ССР.

Кризис 1990-х годов сильно ударил по поселку. Вот что писала местная газета «Вестник» о ситуации на машиностроительном заводе в 1996 году¹⁰: «...на первое место [по производству] вышла продукция деревообработки — мебель, обрезной и необрезной пиломатериал, облицовочная дощечка, штакетник, горбыль, дрова. <...> Нет денег и на техническое перевооружение завода <...> Задолженность по заработной плате достигла 4–5 месяцев <...> можно сказать, на голом энтузиазме работают люди».

А вот что та же газета тогда же писала о ситуации на мебельной фабрике¹¹: «В целом коллектив сохранить удалось, но без небольшого сокращения все же не обошлось. Нынче на фабрике 800 работников. Зарплата? Очень небольшая. <...> Положение ухудшается <...> Производственные мощности задействуем только на 50%, чаще и вовсе простаиваем по неделе и больше. <...> Почти не растут доходы населения, основного потребителя фабричной продукции. К тому же неподъемные цены на сырье, электроэнергию, транспортные услуги, налоги...».

Локотской спиртзавод также переживал не лучшие времена¹²: «Не имея на счету денег, спиртзавод за свой заказ с АО «Брасовомашизавод» рассчитался... водкой. <...> Возмущались многие жены работников завода таким видом расчета, а отдельные своих кормильцев сдали в вытрезвитель».

В 2000-х экономическая ситуация в поселке стала меняться в лучшую сторону, однако к концу десятилетия окончательно пришли в упадок основные промышленные предприятия. Новый виток

10. Специализация изменилась. Надолго ли? // Вестник. Брянск, 1996.

11. Подъем со знаком минус: социально-экономическое положение района за 1995 год // Вестник. Брянск, 1996.

12. Зарплата... водкой // Вестник. Брянск, 1996.

экономического роста произошел в 2010-х, и связан он с возрождением местного сельского хозяйства.

По состоянию на 01.01.2021 население поселка составляет 8469 человек (рис. 5).

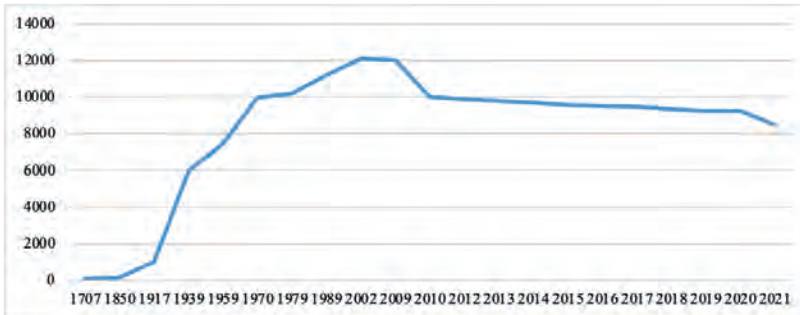

Рисунок 5. Численность населения пгт Локоть¹³. Источники: Соколов, 2000; Крашенинников, 2008; Федеральная служба государственной статистики..., 2022; Demoscope Weekly, 2014

Максимальной численности населения за всю историю поселок достиг к 2002 году (скорее всего, это связано с последствиями кризиса, проявившимися в вымывании населения из прилегающих сел и деревень) — тогда там проживали 12 094 человека (Федеральная служба государственной статистики..., 2022). С тех пор население Локтя убывает. По оценкам администрации Брасовского района, доля трудоспособного населения в общей численности составляет около 56%.

Внешний облик

Рассмотрим подробнее, как выглядит поселок и, главное, как его территория используется местным населением (рис. 6).

Наибольшая часть территории поселка относится к типу индивидуальной жилой застройки, тогда как ареал многоквартирной жилой застройки небольшой и сосредоточен в самом его центре. Если рассматривать преимущественный тип застройки как индикатор урбанизированности/руральности, то рисунок 6 демонстрирует высокую степень «сельскости» Локтя. Более того, если говорить о «бытовой урбанизации» (Карачурина, 2012; Нефедова, 2013b), связанной с оснащенностью жилья «городскими» коммуникациями (канализацией, водопроводом, горячим водоснабжением), делающими проживание более комфортным, то можно утверждать, что в городских условиях проживает не более 35% населения поселка. Так, по данным администрации Брасовского района, количество многоквартирных домов в Локте —

13. Данные на 1707 г. представлены в душах мужского пола.

107 штук, все они электрифицированы, газифицированы, обеспечены канализацией, большая часть — и центральным отоплением. Жители же индивидуальных жилых домов из составляющих «бытовой урбанизации» обеспечены лишь центральным газоснабжением.

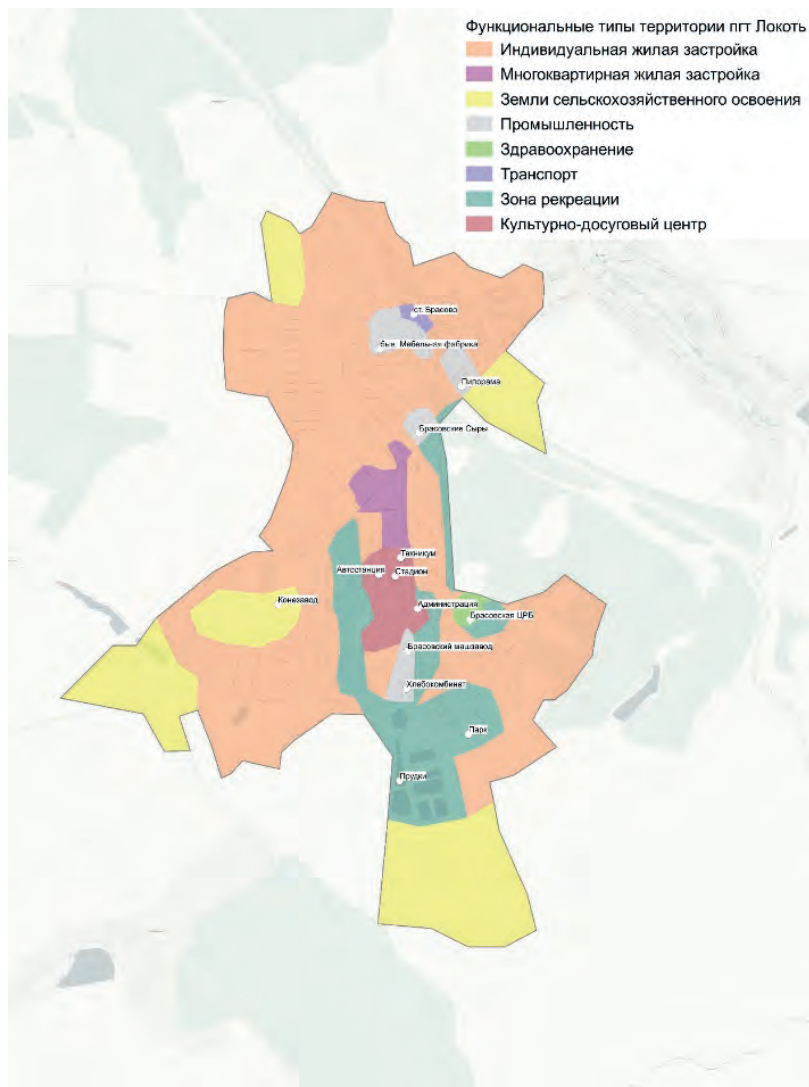

Рисунок 6. Функциональные типы территории пгт Локоть. Источник: составлено авторами

Интересно «приглядеться» и к самим многоквартирным домам (рис. 7). Как правило, это двухэтажные здания на 2–3 подъезда (двери в которые никогда не запираются), окруженные огородами.

Рисунок 7. Огороды у многоквартирных домов по проспекту Ленина. Локоть, июль 2022 г. Источник: фото авторов

Такие дома, по мнению Т. Г. Нефедовой, следует считать «псевдогородскими»: они «окружены огородами, а порой и сараями со скотиной и стогами сена» (Нефедова, 2013а), и выступают маркером «города в деревне» (Нефедова, 2013б). Интересно, что локотские «псевдогородские» дома за прошедшие с момента распада Советского Союза годы стали менее «псевдо-»: от ранее широко распространенных сараев со скотом, окружавших практически все многоквартирные дома, остались лишь покосившиеся строения: *«скотину держать теперь экономически невыгодно»*.

А вот во владении собственным огородом выгода есть, и именно поэтому, по примерным оценкам, около 90% домохозяйств поселка имеет свой огород и зачастую не один. Например, житель многоквартирного дома может владеть небольшой частью огорода прямо под окнами своей квартиры, как на рисунке 7, но при этом иметь еще один, «настоящий», находящийся ближе к окраине поселка и отличающийся более широким ассортиментом выращиваемых культур. Здесь действительно заметна географическая дифференциация: если говорить об огородах у многоквартирных домов, то чем дальше от центральной улицы — проспекта Ленина — тем шире разнообразие выращиваемых на них культур. То же самое прослеживается и для огородов у индивидуальных жилых домов: чем дальше от центра — тем больше культур выращивается, тем крупнее теплицы и тем больше скота. Однако домашняя птица на самовыгуле (преимущественно — куры, иногда индюки, редко — гуси) встречается даже в самом центре поселка (рис. 8).

Таким образом, ареалом самовыгула домашней птицы, по сути, является весь поселок, за исключением территорий, непосредственно прилегающих и относящихся к железнодорожной станции, промышленным предприятиям и парку. Но стоит отметить, что и здесь поселок понемногу уходит от своей «сельскости»: в советские годы,

по воспоминаниям местных жителей, был широко распространен самовыгул коз и коров (а теперь — «одна корова на весь Локоть»), а в честь последних в 1930–1940-е годы даже носила свое название улица Маркова на южной окраине поселка: на топографических картах того времени она отмечалась как «Коровья аллея».

Рисунок 8. Куры на самовыгуле на территории техникума. Локоть, июль 2022 г.
Источник: фото авторов

В качестве другого маркера урбанизированности/руральности, который виден невооруженным глазом, может выступать доступность и объем потребляемых населением услуг (Карачурина, 2012; Рывкина, 1979). Так, для Локтя характерно наличие широкого спектра услуг, не только давно распространенных в крупных городах, но и появившихся там массово в последние несколько лет (во многом — силами уроженцев поселка, которые провели некоторое время в городах, но вернулись на родину). В первую очередь это относится как к доставкам еды, которых в поселке за последние два года появилось сразу несколько (рис. 9), так и к пунктам выдачи крупных маркетплейсов (рис. 10), которых на территории поселка находится 4 штуки. Именно они понемногу избавляют местное население от необходимости ездить на шопинг в областной центр, как это было широко распространено еще пять лет назад. Конечно, в Брянск ездят за покупками, но в настоящий момент — это скорее форма досуга, а не вынужденная необходимость. Отпала необходимость ездить в Брянск и за косметическими процедурами: «*И шугаринг, и ностевой сервис, и ресницы, и брови, и чего у нас только нет. Если раньше все ограничивалось — сапожник, портной, то сейчас эта сфера очень активно развивается и с новыми видами услуг... И солярий, и эпиляцию — что угодно. И это не один мастер, выбор есть. Даже в Погребях есть ноготочки. В Чалянке нет, в Турищево тоже нет... и вот они ради этих целей могут приехать в Локоть*».

С. А. Самбура,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

Рисунок 9. Кафе «Наша пицца», работающее в том числе на доставку по поселку Локоть, июль 2022 г. Источник: фото авторов

Рисунок 10. Пункты выдачи Ozon и Wildberries, а также местный транспорт. Локоть, июль 2022 г. Источник: фото авторов

К признакам урбанизированности необходимо отнести и широкое присутствие федерального ритейла: «Магнит», «Пятерочка», Fix Price и «Светофор» не только активно вытесняют местных частных, но и предоставляют локотчанам рабочие места. Ранее крупный и живой, отличавшийся бойкой торговлей, сегодня локотский рынок представляет собой достаточно ироничное зрелище: рядом с «Магнит-косметик» и Fix Price стоят одинокие ларьки, продающие тот же самый ассортимент (*«Здесь отошел рынок... здесь уже нет рын-*

ка вещевого... раньше рынок был огромный — одежда, обувь, куртки...»). Конечно, бабушки, торгующие овощами и ягодами, нигде не исчезли, но вот местные продуктовые и хозяйственные магазины за последние 10–15 лет сильно потеряли свои позиции.

Занятость населения

Основные места работы в Локте в настоящее время — сельскохозяйственные предприятия и сфера услуг (табл. 1).

Таблица 1. Численность занятых на основных предприятиях, предоставляющих локотчанам рабочие места¹⁴

Предприятие	Сфера деятельности	Численность занятых, 2022, чел.
АПХ «Охотно»	Сельское хозяйство	Более 1000 ¹⁵
ООО «Брасовские сыры»	Пищевая промышленность	270
ООО «Сельхозник»	Сельское хозяйство	268
ГБУЗ «Брасовская ЦРБ»	Здравоохранение	246 ¹⁶
ЛСШ № 1-3, дошкольные образовательные учреждения	Образование	147 ¹⁷
Брасовское районное потребительское общество	Торговля	68
ООО «Брасовский машзавод»	Обрабатывающая промышленность	58
Брасовский ДРСУч АО «Брянскавтодор»	Строительство автодорог	47
ООО «Локотской конный завод»	Сельское хозяйство	29
ООО «Хлебокомбинат»	Пищевая промышленность	28
ИТОГО		2161

Источники: данные отдела экономики, торговли и бытовых услуг администрации Брасовского района и др.¹⁸

14. На большинстве представленных в таблице предприятий заняты преимущественно локотчане, однако точную долю «иногородних» на них вычислить невозможно.
15. По данным АПХ «Охотно».
16. По данным ГБУЗ «Брасовская ЦРБ».
17. По данным отдела образования администрации Брасовского района.
18. Данные по количеству работающих на пиломатериалах, а также в розничной торговле не были предоставлены ни организациями, ни органами местного самоуправления.

Наиболее известным предприятием поселка является конезавод: и простые локотчане, и представители администрации, и приехавшие на лето отдохнуть к родственникам люди обязательно о нем упоминают в разговоре едва ли не в первую очередь. Даже знаменитый русский географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский особенно выделял конезавод из всего, что было в Локте: «Здесь есть опытное поле, прекрасный конезавод, два винокуренных завода, маслобойня, льноперерабатывающее заведение, лесопилльни в разных местах обширной лесной дачи...» (Соколов, 2000).

Другие предприятия — мебельная фабрика, машзавод и спиртзавод — так же, как и конезавод, являвшиеся символами поселка и формировавшие ядро его экономической специализации (табл. 2), с середины 2000-х либо не функционируют, либо находятся на грани закрытия («Фабрики нет, завода нет, спиртзавод закрыт...»).

Таблица 2. Основные отрасли экономической специализации пгт Локоть по годам

Отрасль специализации	Год															
	1790	1808	1880	1900	1914	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
Коневодство																
Деревообработка																
Маслосыроделие																
Производство спирта																
Текстильная промышленность																
Машиностроение																
Хранение нефти																

Источник: Крашенинников, 2008; Соколов, 2000; Осипов, Крижановская, 2011; данные отдела экономики, торговли и бытовых услуг администрации Брасовского района.

Несмотря на то что в таблице 1 все же упоминается ООО «Брасовский машзавод», в настоящее время он практически не функционирует по изначальному профилю и остается на плаву лишь благодаря небольшим частным заказам. Если посмотреть на то, сколько человек было занято на заводе в разные годы, то можно понять, почему в сознании локотчан он уже не работает. Та же ситуация и с мебельной фабрикой (рис. 11).

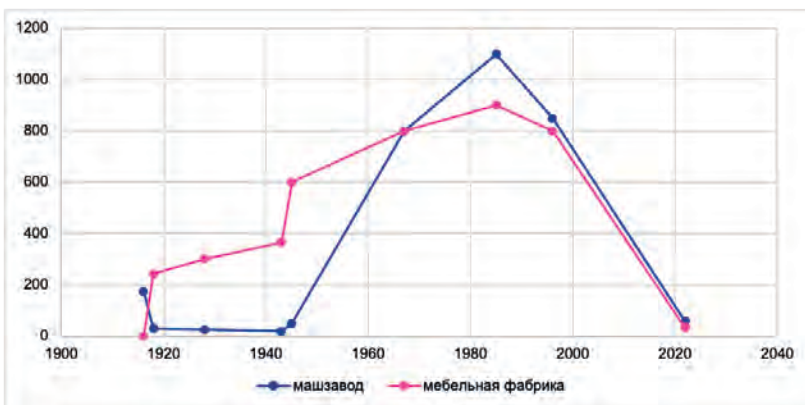

Рисунок 11. Примерная численность занятых на машзаводе и мебельной фабрике. Источник: данные отдела экономики, торговли и бытовых услуг администрации Брасовского района, архивные публикации газеты «Вестник»

Ныне закрытые или находящиеся в глубоком упадке, в советский период машзавод, мебельная фабрика и спиртзавод были градообразующими, предоставляли суммарно большее количество рабочих мест, чем все предприятия, перечисленные в таблице 1, и даже определяли ритмы жизни поселка (Димке, Корюхина, 2012). По воспоминаниям местных жителей старшего возраста, «...на машзаводе был гудок, который к началу обеда срабатывал. И все, и на площади не протолкнуться было! С 12 до 13 народ на обед шел — кто в столовую, кто домой. А теперь что?..»

Что касается мебельной фабрики, у некоторых локотчан в домах или на рабочих местах до сих пор сохраняются столы, стулья, кровати и тумбочки, сделанные в Локте, и об этом факте авторам сообщали с нескрываемыми гордостью и грустью. Таким образом, фактическое прекращение деятельности градообразующих предприятий стало для локотчан потрясением, поскольку, во-первых, привело к необходимости искать работу за пределами поселка и, во-вторых, лишило не только экономической, но и, можно сказать, духовной стабильности, осознания того, что в *рабочем поселке* есть Завод.

В 2019 году, однако, была предпринята попытка открыть спиртзавод: «*Был у нас спиртзавод с царских времён, потом в 90-х закрыли... Потом открыли ненадолго, люди обрадовались, одна женщина даже из магазина уволиться хотела, чтобы туда устроиться... ну, зарплаты хорошие. А потом он год проработал и закрылся, людей распустили, все расстроились.*»

Остановка заводов, повлекшая значительные масштабы не пространенного до этого отходничества¹⁹ («*Молодежь теперь 2*

19. Отходничество, по словам специалистов администрации Брасовского района, статистически никак не отслеживается: «*А как это учесть? Не пред-*

недели в Москве работает, а тут бухает»), в середине 2010-х в некоторой мере компенсировалась появлением крупных сельскохозяйственных предприятий районного и регионального масштабов. В настоящий момент в Локте и его окрестностях функционируют ООО «Сельхозник» (выращивание плодовых, зерновых, зернобобовых, масличных культур и картофеля, а также разведение крупного рогатого скота молочного направления) и АПХ «Охотно» (производство и продажа зерна, картофеля и овощей, изготовление высококачественных комбикормов, свиноводство, мясопереработка и производство мясных продуктов, производство молока).

ООО «Сельхозник» — крупнейшее сельскохозяйственное предприятие Брасовского района. Оно зарегистрировано в Локте и принимает активное участие в жизни поселка, занимаясь благоустройством территорий общего пользования и работой с подрастающим поколением. Несколько лет назад предприятие провело ремонт в помещениях и на территории конезавода, однако локотчане восприняли это настороженно: *«Пришел [на завод] начальник-сельхозник, ему лошади неинтересны, кони стали дохнуть»*. Кроме того, «Сельхозник» способствовал хоть и кратковременному, но возобновлению работы спиртзавода, поскольку сам спирт производился на их сырье.

Агрохолдинг «Охотно» — одно из крупнейших предприятий Брянской области, занимающихся смешанным сельским хозяйством. Место регистрации агрохолдинга — село Госома Брянского района, однако деятельность «Охотно» ведет на территории всей области. В Брасовском районе основное производство располагается близ села Брасово. Несмотря на то что «Охотно» — крупнейший внутренний работодатель для локотчан и брасовцев, его деятельность зачастую подвергается критике местного населения. Так, например, брасовцы жалуются на загрязнение окружающей среды: *«Холдинг «Охотно» всё вокруг засыпает отходами. Машину припорошило, белье после стирки высушить невозможно, дышим тоже этим. Плюс шум, распространяющийся на протяжении многих лет на все Брасово. Наши дети круглые сутки этим дышат и живут. Нахождение данного предприятия вблизи жилого массива населенного пункта изначально было нежелательно. К сожалению, бьем тревогу безрезультатно»* (Локоть-инфо, 2022). А сныткинцы — на то, что грузовики агрохолдинга разрушают дорожное покрытие. Такие негативные оценки деятельности агрохолдинга можно объяснить тем, что «Охотно» — бизнес крупный и неместный, следовательно,

С. А. Самбунова,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

ставляю, кто может вести эти данные». Теоретически на уровне поселений примерные цифры можно подсчитать в период выборов: «этого нет — в Москву уехал».

но, у него нет мотивации каким-либо образом заботиться о территориях присутствия.

В то же время оба сельскохозяйственных предприятия предоставляют локотчанам рабочие места с конкурентной заработной платой, организуют развозку работников, в некоторых случаях — предоставляют жилье, обеспечивают льготным питанием, ежегодным бесплатным санаторно-курортным лечением. Поэтому, несмотря на смену ядра экономической специализации с «престижной» (и городской) промышленной на «непрестижную» сельскохозяйственную («*Был промышленный поселок — стал сельский*»), в целом местным населением агрохолдинги воспринимаются скорее положительно, поскольку они создают рабочие места, а значит, дают шанс остаться работать в поселке, никуда не уезжая: «*Сельское хозяйство последние пару лет поднялось, в советское время было хорошее, в 1990-е заглохло, сейчас агрохолдинги пошли, создают рабочие места... В этом плане чуть получше*».

Причем сейчас действительно лучше, чем, по крайней мере, 10 лет назад. Вот что отвечает на вопрос о том, почему она после школы уехала в Брянск и не вернулась, 28-летняя уроженка Локтя: «*Там больше возможностей по работе. Здесь на работу куда — в магазин в «Пятерку»? Маслозавода тогда не было, спиртзавода тоже, выбор вакансий небольшой... Первое место куда устроилась в Брянске — в банк, кредитный специалист, хороший старт, по специальности, и платят нормально*».

Низким доходом для Локтя считается МРОТ²⁰, который получают, например, на почте, рядовые работники культуры, образования и рабочие на пилорамах. Зарплата, которую хотели бы получать локотчане, будучи занятыми на поселковых предприятиях, — около 40–50 тыс. руб., но в целом приемлемым считается уровень дохода минимум в 30 тыс. руб.: «*Работы внутри поселка мало... 30 тысяч — достойные деньги, можно и кредит платить*». «Достойную» зарплату, по словам местных жителей, можно получить на «Брасовских сырах», но вакансий там хоть и много, но недостаточно для всех желающих. Вообще практически все жители поселка, с которыми удалось пообщаться, говорили о недостатке работы внутри поселка:

- «*Нормальных вакансий нет, кроме «Пятерочки», «Дикси» и «Магнита»...*».
- «*Именно жить здесь хорошо, но зарабатывать нечего*».
- «*Рассказывают они [в районной администрации] хорошо, но работать тут негде*».

20. Минимальный размер оплаты труда.

Еще одним обстоятельством, характерным для небольших населенных пунктов и усложняющим поиск работы, является широко распространенный блат: *«Здесь все рабочие места заняты с советских времен... если нет нигде знакомых, то тебя никто никуда не посадит... Работал-работал-работал человек в соцзащите, начальница ушла, его передвинули на ее место, а он знакомого пригласил на свое место».*

Таким образом, можно констатировать, что неразвитость локотского рынка труда (вакансий — немного, платят — немного, хорошие места занимают «свои люди») продолжает стимулировать начавшийся в 2000-е годы с закрытием градообразующих предприятий отход населения в города, где оно занято в основном на низкоквалифицированных должностях в перевозках или охране. Внутри поселка трудоспособное население, ранее работавшее на заводах, «перераспределилось» между сельским хозяйством и сферой услуг; доля промышленной занятости остается, в сравнении с ними, незначительной. Такое распределение занятости в большей степени характерно для сельской местности, а не городской (Калугина, 2012), которой формально является Локоть.

Мобильность и миграция

Основная особенность пространственной мобильности жителей Локтя — ее вынужденно-интенсивный характер. Несмотря на то что повсеместно распространены поездки в Брянск и Москву (как правило, на учебу или работу, хотя в случае Брянска среди основных целей добавляются досуг и поездки на лечение), также широко развиты поездки и в соседние населенные пункты (рис. 12). Однако цели этих поездок — бытовые и именно потому вынужденные, что Локоть, являясь районным центром, уже не обладает достаточным уровнем необходимой инфраструктуры.

Так, местные жители рассказывали о том, что для того, чтобы поставить на учет автомобиль, нужно ехать в Трубчевск, при необходимости посещения военкомата — в Комаричи. Местное население достаточно закредитовано (*«Кредиты, наверное, почти все берут... Я вот, почтальон, не могу назвать, у кого нет кредита, у всех есть»*), но, поскольку в Локте присутствует только Сбербанк, в поисках более выгодных условий займа локотчане вынуждены ехать в те ближайшие населенные пункты, где есть и другие банки: *«То же самое с ипотекой — кроме Сбера, здесь нету ничего, хотя сельскую ипотеку дает Россельхоз... и еще какой-то, не помню... то есть из трех ты можешь выбрать только один или ехать в Брянск в Россельхоз оформлять».*

Рисунок 12. Наиболее распространенные пространственные связи Локтя в границах Брянской области. Источник: составлено авторами

Однако общественный транспорт в настоящее время с трудом справляется с обеспечением спроса локотчан на поездки даже по территории Брасовского района. По состоянию на июль 2022 года местные жители имеют возможность уехать на пригородном поезде («мотресе») в сторону Брянска и Комаричей, а также на автобусе в Брянск, Москву, Брасово, Тарасовку, Крупец, Кретьово, Красное, Турищево, Городище-1, Каменку и в отдаленный район самого Локтя — «на мебельную фабрику». Однако на станции Брасово останавливаются всего три пары пригородных поездов в день, а расписание движения автобусов сильно смещено к первой половине дня, в результате чего поехать в условную Каменку в 15 часов уже невозможно. Да и до железнодорожной станции, которая расположена на окраине поселка, добраться к первому поезду, отправляющемуся в 6:21, — задача не из легких. Вот что говорят местные о транспортной связности Локтя и окрестных населенных пунктов:

- «Утром уехать на мотресе — это целое приключение».
- «К мотресе в 6:20 такси не вызовешь, они [таксисты] не хотят ездить ночью».
- «Плохо сейчас стало, не на чем уехать утром».
- «Все бросили пользоваться автобусом... Раз в неделю теперь ходит или раз в 2 недели...»

В связи с этими проблемами жители населенных пунктов, расположенных всего в 30–40-минутной транспортной доступ-

ности от Локтя, которые обучаются в местном техникуме, вынуждены жить в общежитии, поскольку не имеют возможности ежедневно уезжать домой после учебы на общественном транспорте.

Вполне логичным в условиях отсутствия регулярной и устойчивой работы местного общественного транспорта является то, что его роль в какой-то мере играет такси. Это подтверждается в том числе тем, что локотчане, не имеющие автомобиля, рассказывая о своих передвижениях, сразу закладывают время и деньги на поездку на такси — до станции или отдаленной части поселка.

В Локте базируются целых три оператора такси, вызвать которые можно по телефону, а цена поездок на самых популярных направлениях фиксирована; также в поселок иногда заезжают и водители из «Яндекс Go» (*«Если кто-то доедет сюда... очень долго машину ждать, проще местных»*). Однако такая высокая обеспеченность такси, нетипичная для большинства поселков, компенсируется низким уровнем сервиса: *«[Тяжело] тут звонить в такси: номера неправильные, операторы невежливые, трубки не берут, в одном такси можно заказать заранее на время, в другом нет»*.

Таким образом, в настоящее время при отсутствии собственного автомобиля жизнь локотчан сильно усложняется. По словам представителей администрации, которые в целом совпадают с результатами полевых наблюдений, на одну семью в Локте приходится 1,5 автомобиля, и эта цифра за последние 20–30 лет только возросла, что логично, учитывая сильное сокращение количества и качества контактов, обеспечиваемых общественным транспортом, произошедшее за последние десятилетия.

Так, еще в конце 1980-х Локоть был связан железнодорожным транспортом дальнего следования с территориями европейской части СССР от Баренцева до Черного моря (рис. 13).

Тогда местные жители активно пользовались поездами не только для длительных поездок, но и даже для повседневных нужд. Локотчане старшего возраста вспоминают, что раньше часто ездили на рынок в Харьков: *«...ночью сел в поезд, днем закупились там на рынке, следующим утром приехал»*.

География маршрутов автобусного сообщения в советский период также отличалась широтой: из Локтя прямым рейсом можно было уехать не только в населенные пункты Брасовского района, но и в Комаричи, Навлю, Севск, Курск, Белгород и другие города, а количество отправок в сутки значительно превышало современные показатели (рис. 14).

Распад СССР и последующий кризис отрицательно повлияли на работу автобусного и железнодорожного транспорта, что привело к разрушению сформировавшихся десятилетиями пространственных связей. По воспоминаниям местных жителей, *«первые звоночки*

пошли, когда развалился СССР, ж.-д. пути начали разбираться, ведущие на Украину». На текущий момент, как уже упоминалось выше, железнодорожные связи сохранились только с населенными пунктами Брянской области (частотой не более трех пар поездов в сутки). Перспективы возобновления дальнего железнодорожного сообщения в Брасовском районе в настоящее время крайне туманны.

Рисунок 13. Железнодорожные связи Локтя с населенными пунктами СССР и России. Источник: данные архива МБУК Локотской межпоселенческой библиотеки им. Родичева; Расписание пригородного и междугородного транспорта, 2022; Яндекс.Карты..., 2022

Автобусное сообщение также ощутило пострадало в кризисные годы. Вот что писала местная пресса в 1996 году²¹: «Пассажирооборот транспорта общего пользования составил 13 млн пассажиро-километров и уменьшился к уровню 1994 года на 13%. <...> Пассажирский автотранспорт дотируется из областного бюджета. Дотации поступали нерегулярно и не в полном объеме покрывали убытки. Несмотря на это, в 1995 году все автобусные маршруты были сохранены». Однако уже в 1996 году часть маршрутов местного сообщения была сокращена (рис. 14).

21. Подъем со знаком минус. Социально-экономическое положение района за 1995 год // Вестник. Брянск, 1996.

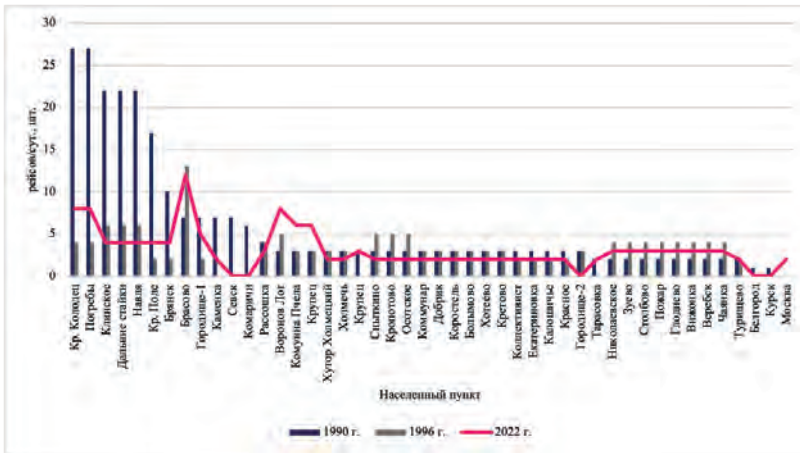

Рисунок 14. География и количество автобусных отправок из пгт Локоть. Источник: данные архива МБУК Локотской межпоселенческой библиотеки им. Родичева; Расписание пригородного и междугородного транспорта, 2022; Яндекс. Карты..., 2022

Таким образом, и на железнодорожном, и на местном автобусном транспорте в период после распада СССР произошло мощное сжатие транспортных контактов, приведшее к сильному сокращению количества и качества доступных для населения поселка маршрутов. Однако один новый контакт, обусловленный закрытием градообразующих предприятий Локтя и, как следствие, отходничеством местного населения (см. выше), все же появился — Москва. Теперь туда ежедневно курсирует прямой автобус, и ценообразование на поездки на нем формируется с учетом вахты (табл. 3).

Таблица 3. Расписание и стоимость проезда на автобусе Локоть — Москва, 2022 г. Источник: данные Локотской автостанции

Время отправления	13:20
	23:20
Стоимость проезда	
Вахтовые дни	1000 руб.
Праздники	
Воскресенье	
В остальные дни	800 руб.

Однако несмотря на нестабильную работу в настоящее время местного общественного транспорта, Локоть все еще остается важным локальным транспортным узлом. Это обусловлено в первую очередь административным статусом поселка: жители сельских

населенных пунктов Брасовского района по-прежнему активно ездят в райцентр, где они работают, лечатся, посещают культурно-досуговые учреждения и салоны красоты. По словам главы Сныткинского сельского поселения, местные жители, как правило, работают в Локте («в округе»), Брянске и Москве («на дежурстве»), поскольку в том же Сныткино магазины есть, «а все остальное — в Локоть». Такие же особенности пространственной мобильности характерны и для жителей других сельских населенных пунктов Брасовского района. Так, среди работников и участников коллективов локотского Дома культуры, в свою очередь, немало жителей соседних сел и деревень (Погребы, Красный Колодец, Каменка), которые регулярно приезжают в Локоть на работу или на репетиции.

Ситуация, в которой Локоть как райцентр притягивает к себе сельское население, достаточно типична и не вызывает удивления, однако в некоторых случаях поселок может выступать и центром притяжения субрегионального уровня. Так, по словам работников местного Дома культуры, в недавно отремонтированный и оснащенный самым современным оборудованием локотской кинотеатр приезжают в том числе жители Комаричей и Навли — то есть центров двух соседних районов. Они приводят такие аргументы:

1. Добираться до Локтя проще и дешевле, чем до Брянска (в первую очередь все отмечают, что на такую поездку затрачивается намного меньше бензина).
2. Уровень сервиса и интереса — «такие же, как в Брянске».
3. Цены в Локте на кино в разы дешевле, притом что в настоящее время и качество, и актуальность фильмов, которые показывают в Локте, аналогичны Брянску: «А что Брянск, у нас точно такие же фильмы показывают».

Другим локотским инфраструктурным объектом, выступающим как центр притяжения субрегионального уровня, является родильный дом, который обслуживает Брасовский, Суземский, Севский, Комаричский и Навлинский районы Брянской области. При этом для самого Локтя характерен отток рожениц в Брянск из-за их стремления получить медицинскую помощь более высокого качества.

Несмотря на более широкую географию притяжения местного родильного дома, стоит отметить, что она в целом обусловлена исключительно административным фактором отсутствия бесплатной альтернативы для жителей указанных пяти районов. В то же время такую точку притяжения субрегионального уровня, как кинотеатр, можно назвать сформировавшейся естественным образом, и она лучше отражает городские (в данном случае — культурно-досуговые) функции Локтя.

Тем не менее, для того чтобы оставаться привлекательным местом жительства для значительной части местного населения, Лок-

тью явно не достаёт городских функций. В первую очередь — развитого рынка труда с широким набором вакансий (см. выше).

В целях определения основных миграционных центров локотчан нами было изучено крупнейшее в социальных сетях сообщество, посвящённое жизни Локтя, — «Локоть-инфо» (рис. 15).

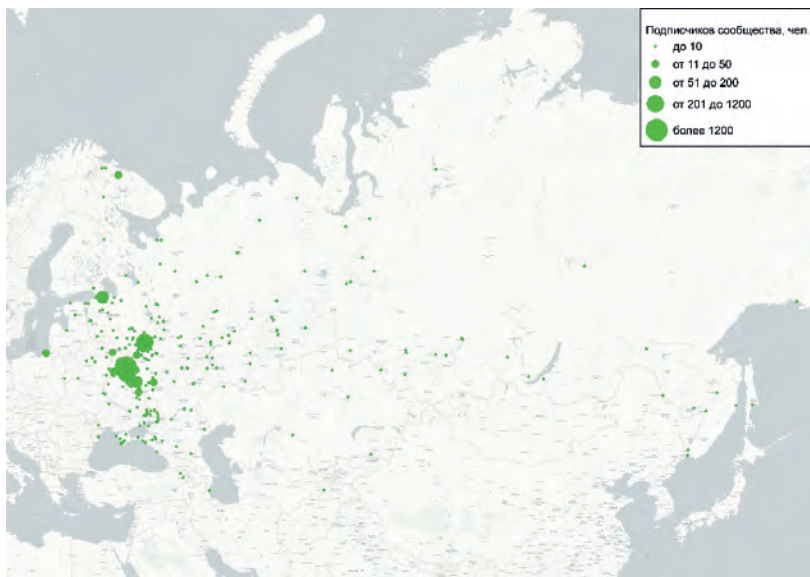

Рисунок 15. Пространственное распределение подписчиков сообщества «Локоть-инфо», указавших место своего проживания в настоящее время.

Источник: Локоть-инфо, 2022

На рисунке 15 отчетливо видны основные миграционные центры — Брянск, Москва, Санкт-Петербург, Курск — и скопления миграционных субцентров, компактно расположенных на территории Брянской, Московской и Ленинградской областей. Это характерно в большей степени для «сельского» типа миграции, когда те, кто не может по каким-то причинам преодолеть экономические барьеры проникновения в крупнейшие центры, оседают у их границ (Нефедова, 2013а), где рынок труда все равно более развитый, чем в Локте. Еще один интересный сюжет, который выявил анализ интернет-сообщества, — виртуальная урбанизация (Замятина, Яшунский, 2018): среди подписчиков *локотского* сообщества брянцев (то есть указавших местом своего проживания Брянск) оказалось 47,7%, тогда как локотчан — 18,4%.

Таким образом, местное население молодого и среднего возраста устремляется туда, где оно точно сможет трудоустроиться (и получать более высокие зарплаты), — в Брянск или Москву. Другой, хотя и не менее важной причиной переезда

С. А. Самбурава,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

выступает поступление в вузы. Так, по словам завуча одной из локотских школ, наиболее востребованные направления среди старшеклассников — Брянск, Белгород, Курск, Смоленск и Воронеж.

В Белгороде, Курске и Смоленске находятся сильные медицинские университеты, куда многие локотчане поступают по квотам целевого обучения, предполагающим трехлетнюю отработку, пройти которую можно в том числе в Брасовской районной больнице. Таким образом, студенты на некоторое время возвращаются на малую родину, однако дольше обязательных трех лет оставаться в поселке в подавляющем большинстве не намерены. Так, из 229 человек (почти все — уроженцы Брасовского района), которые в период с 2016 по 2022 год проходили отработку в локотской больнице, на постоянную работу по ее окончании остались лишь трое²². Основными причинами оттока молодого медицинского персонала в города являются в первую очередь желание бывших студентов жить в крупном городе и пользоваться всеми его благами, изначальный выбор достаточно узкой врачебной специальности, на которую нет нужного спроса в Локте, а также желание подрабатывать в частных клиниках, которых в поселке нет.

Отток молодежи, обусловленный образовательными целями, в какой-то мере притормаживает находящийся в Локте Брасовский промышленно-экономический техникум — филиал Брянского государственного аграрного университета, готовящий юристов, экономистов, землеустроителей и строителей. Более того, техникум (называемый местными «хмызня») сам по себе выполняет роль небольшого субрегионального центра: на текущий момент там в основном обучаются студенты Брасовского, Навлинского, Суземского и Комаричского районов (рис. 16).

Однако в советские годы география притяжения техникума была шире: по словам выпускников, туда приезжали учиться не только из РСФСР, но и из Украинской и Молдавской ССР. Более того, еще в 2006 году в местном «Вестнике» вышла такая заметка²³: *«Локотской сельхозтехникум известен далеко за пределами области. Это старейшее учебное заведение. Все места в техникуме бюджетные. Вот почему здесь учатся студенты из Воронежа, Орла, Курска, Крыма, Дальнего Востока, Воркуты, Украины и многих других мест...»* Однако опросив студентов и выпускников, окончивших техникум за последние пять лет, мы не встретили ни одного, у кого были бы одногруппники с Дальнего Востока или из Воркуты. Хотя один студент вспомнил среди своих товарищей уроженца Гагаузии.

22. По данным ГБУЗ «Брасовская ЦРБ».

23. Из Локтя — в космос! // Вестник. Брянск, 2006.

За прошедшие десятилетия сократилась не только география притяжения локотского техникума, но и количество студентов: если в конце 1980-х там обучалось более 1000 человек, то на текущий момент — лишь 363. Отчасти это связано с девальвацией значения «промежуточного центра», которым является Локоть для жителей сел и деревень района: если в советские годы переезд из условного Крупца в Локоть в целях получения средне-специального образования считался показателем успеха, то сейчас жители сельских населенных пунктов хотят (и имеют такую возможность) получать образование сразу в Брянске или другом крупном городе. Таким образом, можно предположить, что в будущем значимость Локтя как образовательного субрегионального центра будет только сокращаться. Тем не менее возможность поступить в Брянский аграрный университет без сдачи ЕГЭ, а также лояльность университета к выпускникам техникума могут немного затормозить этот процесс. Дело в том, что и локотчане, и жители сельской местности, которые составляют значительную часть студентов техникума, все еще настороженно относятся к ЕГЭ и, при желании получить высшее образование, возможность избежать сдачи госэкзамена для них — стимулирующий фактор поступать именно в локотский техникум.

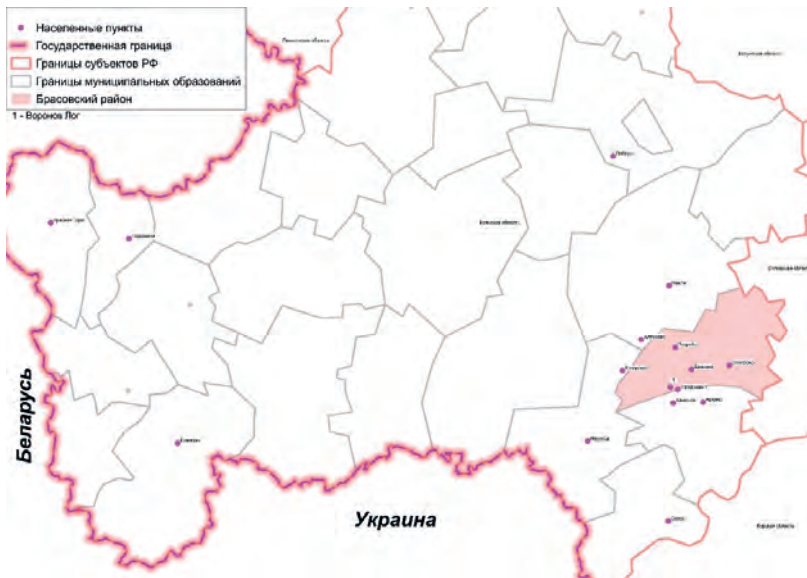

Рисунок 16. География студентов локотского техникума (2019–2021 гг. поступления). Источник: составлено авторами

Образ жизни — один из самых точных, но при этом сложных для каких-либо обобщений критерий урбанизированности/руральнойности населенного пункта (Карачурина, 2012). Тем не менее полевые (в том числе включенные) наблюдения и экспертные интервью позволяют составить представление о том, чем и как живет поселок, что объединяет и разъединяет население, чего оно хочет, к чему стремится.

На рисунке 6 в разделе «Внешний облик» отображен небольшой по площади ареал «Культурно-досуговый центр», и именно он концентрирует в себе большую часть того городского, чем обладает Локоть; чем дальше от центра — тем больше во внешнем облике проявляется сельского.

То же самое можно сказать и об образе жизни: если в центре мы видим вполне городскую картину — люди прогуливаются в парке со стаканчиками кофе, сидят в кафе, забирают покупки с Wildberries, тренируются на стадионе и так далее, — то на окраинах поселка протекает спокойная, практически полностью сельская жизнь. Однако если «городскость», определенно, географически привязана к центру, то «сельскость», характерная в значительной степени для окраин, не ограничивается только ими, все еще проникая в центральную часть поселка (хоть и менее ярко, чем в советские годы). Так, например, едущий на электросамокате по проспекту Ленина молодой человек вполне может врезаться в стайку кур. При этом еще лет 30 назад (конечно, не на электросамокате, а на велосипеде) он мог врезаться и в более крупный скот — корову, свинью или козу, которых ранее локотчане активно держали. Однако теперь ввиду удорожания зерна и других кормов подобного рода скотину «...наверное, только глава района держит», то есть некоторые аспекты вполне себе «сельского» в настоящее время являются показателем статуса в поселке, по образу жизни стремящегося быть городским.

Стремление к городу, конечно, более выражено у молодежи и проявляется не только в практически поголовном желании переехать из Локтя, но и в поведении, организации досуга, внешнем виде. Молодые люди, в отличие от старшего поколения, модно одеваются, потребляют такой же контент, как и в городах, являются активными пользователями типично городских услуг, доступных в поселке (доставка еды, ногтевой сервис, бесплатный Wi-Fi в кафе и т. д.). Однако социальные характеристики и установки молодых локотчан в целом ближе к типично сельским, ведь несмотря на активное распространение с помощью интернета всех значимых трендов города, молодежь проживает в небольшом поселке, окруженная огородами, курами, агрохолдингами и установками старшего поколения о том, что «...в вуз поступить много

денег надо — тому отстегни, этому...», «мы — дураки деревенские» и им подобным. Возможно, в том числе поэтому в попытках избавиться от осознания себя даже не провинциалами, а сельскими жителями, локотская молодежь слепо, гипертрофированно и запоздало копирует вызывающее поведение молодых горожан, к которому относится, например, показное потребление. Таким образом, локотская молодежь, очевидно, более восприимчивая к инновациям, внешне мало отличима от городской, но ментально ею не является ввиду наличия внутреннего комплекса собственной сельскости.

А вот представители среднего и старшего возраста (и здесь не важно, работают ли они в Локте или вахтой) в большинстве своем спокойно относятся к тому, что проживают в поселке, воспринимая его как некое переходное и в целом комфортное для жизни звено между селом и городом («Уже не село, еще не город»). Эти возрастные страты обладают широким кругом контактов, который является одной из причин, удерживающих их от переезда. Многие локотчане упоминали, что в поселке «легче решить любой вопрос», поскольку все всех знают, и люди стараются относиться друг к другу внимательнее. Также люди среднего и старшего возраста особенно ценят местную природу, тишину и отсутствие городской суеты («Нравится, потому что здесь тихо... Мы привыкли к тишине»). При этом они так же активно, как и молодежь, пользуются «городскими» сервисами, которые в настоящий момент присутствуют в поселке, и видят позитивные изменения (реконструкция парка, благоустройство улиц, новые детские площадки, стадион, отремонтированные дороги). Однако ввиду того, что заметная часть населения среднего возраста вынуждена большую часть своего времени проводить на работах вдали от дома, полноценно наслаждаться этими изменениями не получается. Поэтому большинство семейных локотчан все-таки хотели бы своим детям будущего вне поселка: «...хочется, чтобы они [дети] здесь остались, но хочется, чтобы у них большее будущее было... Здесь не столько возможностей, в городе им будет лучше».

Любопытным методом для обобщения представлений о своем поселке разных поколений локотчан, который позволяет также выявить и подчеркнуть отдельные аспекты городского или сельского образа жизни, является использование осей регионализации по Трейвишу (Трейвиш, 2006), которые, конечно, разрабатывались не для исследований такого низового уровня, но все равно могут быть нам полезны. В связи с этим в ходе глубинных интервью мы попросили локотчан отметить на каждой оси положение поселка (рис. 17).

На рисунке 17 представлены ответы не всех респондентов (все-го было опрошено 23 человека), но даже такое количество дает возможность получить общие представления о внутреннем самосозна-

нии местных жителей, и главное — охарактеризовать жизненный уклад локотчан. Так, единственная ось, не вызывавшая затруднений ни у одного респондента, — «русские регионы — республики»: положение Локтя на ней плотно смещено к самому краю «русскости», и это однозначно говорит об этнической, культурной и религиозной однородности населения поселка. Это подтверждают и полевые наблюдения, подтвердившие в целом достаточно высокий уровень доверия локотчан друг к другу: они не пристегивают свои велосипеды и не закрывают двери в подъездах многоквартирных домов, поскольку уверены, что «все свои», и никто ничего не украдет.

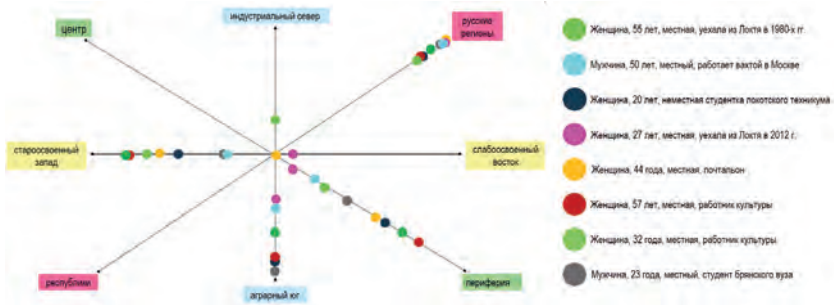

Рисунок 17. Положение Локтя на осях регионализации по Трейвишу. Источники: результаты глубинных интервью с локотчанами и Трейвиш, 2006

Никто из респондентов не отнес Локоть ближе к *центру*, чем к *периферии*, обосновывая это активно развитым в поселке личным подсобным хозяйством, а также, как упоминалось выше, фактором широкого круга контактов у местного населения («все всё про всех знают»). Интересно, что в случае личного подсобного хозяйства полупериферийная роль Локтя воспринимается скорее позитивно, как связующая между городом и селом, между молодым и старшим поколениями: «Выращивание сельхозкультур очень развито, но не с точки зрения выживания, а потому мы хотим передавать вкусную домашнюю еду детям... [в отличие от 1990-х] они сейчас приезжают из города и берут себе, допустим, варенья, потому что, например, трехлитровая банка огурцов им теперь ни к чему».

На оси «староосвоенный Запад — слабоосвоенный Восток» большинство поместило Локоть ближе к староосвоенным территориям. Единственная женщина, поставившая поселок ближе к слабоосвоенным, аргументировала это тем, что «Локоть-то начали осваивать давно, но плохо». Тем не менее практически все респонденты, раздумывая над ответом, с гордостью вспоминали историческое наследие: конезавод, Апраксиных и Романовых.

Положение Локтя по оси «индустриальный Север — аграрный Юг» в очередной раз подтвердило смену ядра экономической специализации поселка с промышленной на сельскохозяйственную. Большой контрастности прошлого и настоящего Локтя придает то обстоятельство, что женщина, переехавшая из поселка около 40 лет назад, уверенно поместила его ближе именно к индустриальному Северу. После отъезда она редко приезжала в поселок и запомнила его еще промышленным — с мебельной фабрикой, спиртно-машзаводом. Другие респонденты, размещая Локоть по этой оси, также вспоминали заводы в прошлом и вахту в настоящем: *«Плохо это. И с точки зрения экономической, и с социальной, что люди оторваны от семей. Некоторые семьи вон разрушаются. Дети отцов не видят — разве это хорошо? Ну и с экономической, да, плохо»*.

Именно последствия отхода от промышленности, на наш взгляд, лучше всего характеризуют то, каким же — более городским или сельским — локотчане считают свой образ жизни и, соответственно, сам поселок. Здесь стоит отдельно добавить про административный статус Локтя — поселок городского типа. Несмотря на то что с середины 1970-х (когда Локоть из «рп»²⁴) превратился в «пгт») ни разу не поднимался вопрос о его переводе в категорию сельских населенных пунктов, местное население очень этого опасается. Некоторая часть локотчан и вовсе считает, что неким «наказанием» за утрату промышленности стало «понижение в классе»: *«Мы теперь даже не пгт, а рп, забрали у нас пгт»*²⁵.

Таким образом, вместе со сменой экономической специализации Локтя с промышленной на сельскохозяйственную изменился и жизненный уклад местного населения, однако не в сторону большей сельскости. В нем появилось больше типично городских черт, выражающихся как в активном использовании «городских» сервисов, так и в поведении молодежи. Вместе с этим «сельские» составляющие (широкий круг общения, доверие друг к другу, высокая ценность местной природы, активное ведение личного подсобного хозяйства) никуда не исчезли, оставаясь надежной основой для локотчан, на которую постепенно накладываются все новые составляющие городского образа жизни.

Заключение

Постсоветские социально-экономические трансформации оказали значительное и зачастую противоречивое влияние на жизнь множества населенных пунктов нашей страны. Так, например, со-

24. Рабочий поселок.

25. Пример «народной мифологии», ведь термины «поселок городского типа» и «рабочий поселок» тождественны.

гласно исследованию, проведенному в сельской местности Ярославской области (Алексеев, Корюхин, 2017), городской образ жизни раньше стал преобладающим в наиболее мелких поселениях, нежели в крупных. При этом «забрасывание» ЛПХ становится нормой сельской жизни и для сел более крупного размера (например, крымской Новоалексеевки), поскольку трансформация психологии сельских жителей неукоснительно следует проурбанизационному тренду (Гусаков, 2018). В то же время иные важные составляющие, позволяющие оценить вектор трансформации населенного пункта, такие как, например, занятость населения и его мобильность, часто следуют в обратном направлении: людность снижается, молодежь уезжает или «отходит» в более крупные города.

Поэтому в связи с комплексностью понятий «урбанизация» и «рурализация», а также множеством подходов к их определению, любопытным представляется проследить, сдвиги в какую сторону произошли с каждым из рассмотренных нами компонентов социально-экономического положения Локтя (табл. 4).

Таблица 4. Сдвиги по оси урбанизированности компонентов социально-экономического положения Локтя

Критерий	Село	Промежуточное положение	Город
Внешний облик поселка		→	
Занятость населения	←		
Транспортная связанность	←		
Миграции	←		
Образ жизни		→	

Источник: составлено авторами с использованием Sorokin, Zimmerman, 1929

Смена ядра экономической специализации с исторически сформированного промышленного (деревообработка, машиностроение, производство спирта) на сельскохозяйственное (выращивание зерновых, картофеля, разведение крупного рогатого скота молочного направления, свиноводство) и сильное сокращение количества рабочих мест внутри поселка повлекли нехарактерные для него ранее масштабы отходничества. В настоящее время значительная часть мужского трудоспособного населения занята вахтовым методом в Москве, Брянске и других городах, преимущественно в охране и перевозках. Другим следствием закрытия градообразующих предприятий стало распыление занятости, отсутствие больших коллективов и, как следствие, переход к индивидуальным, а не коллективным, ритмам жизни.

Вместе с перераспределением занятости населения в постсоветский период произошло и перераспределение центральных

функций Локтя между ним и центрами близлежащих Комаричского, Трубчевского и Навлинского районов. Так, если Локоть выполняет функцию субрегионального перинатального центра, то в Навле, Трубчевске и Комаричах находятся иные необходимые локотчанам, но отсутствующие в поселке объекты (например, военный комиссариат), что приводит к вынужденно-интенсивным поездкам местного населения по бытовым нуждам. Однако ввиду мощного сжатия транспортных контактов на местном автобусном и железнодорожном транспорте, приведшего к сильному сокращению количества и качества доступных для населения поселка маршрутов, большинство этих поездок осуществляется на автомобилях. В связи с этим логичным представляется повышенный уровень автомобилизации в Локте — около 1,5 автомобиля на домохозяйство.

По результатам глубинных интервью и анализа социальных сетей выявлены основные миграционные центры для локотчан — Брянск, Москва, Санкт-Петербург, Курск, а также населенные пункты, расположенные в их областях. Главные причины для переезда — поиски более высокооплачиваемой работы на развитых рынках труда, а также поступление в высшие учебные заведения. В целом это подтверждает тенденцию к упрощению иерархии населенных пунктов и сильной их поляризации по оси «село-город»: в настоящее время в представлении наиболее миграционно активных групп населения сел и деревень такие поселки-райцентры, как Локоть, просто не существуют — есть их село, и есть Город, в который они стремятся. Очевидно, что существует и противоположно направленное миграционное поведение, но и в этом случае для тех, кто хочет полноценной сельской жизни, Локтю предложить, в общем-то, нечего.

Анализ интернет-сообщества «Локоть-инфо» выявил признаки виртуальной урбанизации, в большей степени характерной для молодежи, которая гораздо сильнее, чем люди среднего и старшего возраста, стремится к городскому образу жизни и в целом к окончательному переезду в города. В результате локотская молодежь, благодаря развитию интернета, а также появлению в поселке таких типично городских сервисов, как доставка еды, салоны красоты, бары, пункты выдачи заказов с крупнейших маркетплейсов и др., внешне мало отличима от городской, однако ментально ею не является ввиду наличия внутреннего комплекса собственной сельскости, природа которого лежит как в установках старшего поколения, так и во внешнем облике самого Локтя: большую часть территории занимают индивидуальные жилые дома, при каждом из которых есть огород, а по улицам гуляет домашняя птица. При этом для поселка характерна географическая дифференциация «сельскости»: к окраинам ее степень кратно нарастает, тогда как центральная часть, где представлены объекты культуры, досуга, спорта, сферы услуг и многоквартирные дома, отличается от центров малых горо-

дов только тем, что по ней так же, как и по окраинам Локтя, свободно гуляют куры.

Для жителей поселка среднего и старшего возраста, несмотря на активное использование «городской» инфраструктуры поселка, характерна высокая ценность местной природы, а также широкий круг близких контактов и высокий уровень доверия, которые, вместе с локальным патриотизмом, удерживают их от переезда. Получается, что однозначно проурбанизационный сдвиг жизненного уклада локотчан сочетается с его «сельскими» составляющими: *«Тут город [показывает на многоквартирные дома], а тут деревня [показывает на огород]. Мы городские, на этажах живём, а корни деревенские вот... у нас всё сочетается».*

Таким образом, потерявший свою мощную (в локальных масштабах) промышленную базу и получивший, как следствие, масштабный отток населения как отходнического, так и полноценного характера; утративший значимую часть своих центральных функций, но получивший при этом сравнительно развитый сектор услуг, Локоть занимает промежуточное положение между селом и городом. Трансформация процессов, происходящих в его жизни, имеет разнонаправленный характер, и именно это обстоятельство, а не формальные статусы поселка городского типа и райцентра, не дает Локтю стать ни полноценным селом, ни полноценным городом.

Сами локотчане, отвечая на прямой вопрос о том, к городу или к селу ближе их поселок, чаще всего говорили, что *«мы не город и не село, мы — поселок городского типа».* Что ж, по-видимому, этот рудиментарный статус из советской эпохи в настоящее время и является синонимом такой срединности, и уже никак не связан ни с людностью поселения, ни с преимущественной сферой занятости его населения.

Библиография

- Алексеев А. И., Корюхин Д. А. (2017). «Инверсия» сельской урбанизации? // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 103-105.
- Алексеева Т. И. (1995). Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса / Э. В. Сайко (ред.). М.: Наука. С. 38-46.
- Афанасьев А. А. (2014). Понятие и формально-юридические признаки сельских поселений: территория, население, правовой режим // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 3. С. 298-303.
- Гусаков Т. Ю. (2018). Постсоветское крымское село: социально-экономическая трансформация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 5. № 2. С. 160-177.
- Гусев А. А., Горкин А. П., Бородулин В. И. (2001). Российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия.
- Димке Д. В., Корюхина И. Ю. (2012). Завод по производству времени // Отечественные записки. № 5. С. 257-268.

- Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. (2018). Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (143). С. 117-137.
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (1972). Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни // Социально-экономическое развитие села и миграция населения: сборник статей / Т. И. Заславская, В. А. Калмык (ред.). Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР. С. 245-263
- Калугина З. И. (2012). Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. № 2. С. 45-67.
- Карачурина Л. Б. (2012). Урбанизация по-российски // Отечественные записки. № 3. С. 10-24.
- Крашенинников В. В. (2008). Из истории села Брасово и других селений Брасовского района // Очерки по истории Брянской земли. Сборник научных статей / В. В. Крашенинников (ред.). Брянск: Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева (БОНУБ). С. 5-11.
- Лаппо Г. М. (1997). География городов: учеб. пособие для географических факультетов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.
- Нефедова Т. Г. (2013а). Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. С. 171-190.
- Нефедова Т. Г. (2013б). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS.
- Никифоров Л., Кузнецова Т. (2007). Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. № 5(2). С. 179-200.
- Осипов Б. В., Крижановская Г. Н. (2011). Брасовская земля: история и современность. Брянск: [б. и.].
- Покшишевский В. В. (1973). О проблеме «второго города». Территориальные системы производства и расселения // Учён. зап. Пермск. ун-та им. А. М. Горького. № 311.
- Рывкина Р. В. (1979). Образ жизни сельского населения: методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. (1910). Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб.: Типогр. Киришбаума.
- Соколов Я. Д. (2000). Седая Брянская старина. Историко-краеведческие очерки о Брянском крае, древних городах, селах, реках, людях... Брянск: Дебрянск.
- Трейвиш А. И. (2006). Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир. Дисс. ... докт. геогр. наук (25.00.24). М.: Ин-т географии РАН.
- Тюккюлайнен М., Андреев О., Пьянкова Я. (2008). Промышленная реструктуризация села и динамика создания рабочих мест в сельскохозяйственных районах Финляндии // Север промышленный. № 10-11.
- Фролова Т. А. (2016). Понятие «город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно-территориальном делении // Пролог: журнал о праве. № 3. С. 51-55.
- Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2019). «Новые» сельские населенные пункты – бывшие поселки городского типа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 18-34.
- Mondal B., Samanta G. (2021). Mobilities in India. Cham: Springer International Publishing.
- Park R. E., Burgess E. W. (eds.) (1925). The City. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Samanta G. (2014). The politics of classification and the complexity of governance in census towns // Economic and Political Weekly. Vol. 49. № 22. P. 55-62.
- Sorokin P. A., Zimmerman C. C. (1929). Principles of rural-urban sociology. New York: H. Holt and Company.

On the example of the urban-type settlement Lokot in the Bryansk Region

Svetlana A. Samburova, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: svetlanawernbloom@gmail.com

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: alival@mail.ru.

Abstract. Today, urban-type settlements still have an 'intermediate' position between the city and the village, as in the Soviet period. However, the consequences of the 1990s' crisis and the transition to the market economy have changed the social-economic situation in such settlements. The authors consider Lokot in the Brasovsky district of the Bryansk Region as an example of the peripheral urban-type settlement and describe its changes on the axis of urbanization in the post-Soviet period based on the following indicators: appearance of the village, employment, mobility, migration and lifestyle of its population. Each indicator has undergone transformations of various scale since the collapse of the Soviet Union, but there is no single trend (pro-urban or pro-rural): the appearance of the village and the lifestyle of the local population have become more urban due to the development of the services sector, while employment, mobility and migration, on the contrary, have become more rural primarily due to the closure of the city-forming industrial enterprises, which led to a significant outflow of the able-bodied population to cities. Thus, the multidirectional nature of transformation does not allow to unambiguously define Lokot as a city or a village.

Key words: urban-type settlement, city, village, lifestyle, Bryansk Region, social-economic transformation

References

- Alekseev A. I., Koryukhin D. A. (2017) "Inversija" selskoj urbanizatsii? ["Inversion" of rural urbanization?], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5: Geografija*, no 5, pp. 103–105.
- Alekseeva T. I. (1995) Gorod kak samorazvivajushchajasja sistema: kontury novoj paradigmy [City as a self-developing system: Outlines of a new paradigm], *Gorod kak sotsiokulturnoe javlenie istoricheskogo protsessa*, Ed. by Sayko E. V., Moscow: Nauka, pp. 38–46.
- Afanasiev A. A. (2014) Ponyatie i formalno-yuridicheskie priznaki selskih poselenij: territorija, naselenie, pravovoj rezhim [Concept and formal-legal features of rural settlements: Territory, population, legal regime], *Probely v Rossijskom Zakonodatelstve*, no 3, pp. 298–303.
- Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2019) "Novye" selskie naselennye punkty — byvschie poselki gorodskogo tipa ["New" rural settlements — former urban-type settlements], *Izvestija RAN. Serija Geograficheskaja*, no 6, pp. 18–34.
- Dimke D. V., Koryukhina I. Yu. (2012) Zavod po proizvodstvu vremeni [Time production plant], *Otechestvennye Zapiski*, no 5, pp. 257–268.
- Frolova T. A. (2016) Ponjatie "gorod" v zakonodatelstve sub`ektov Rossijskoj Federatsii ob administrativno-territorialnom delenii [The term "city" in the legislation of the sub-

- jects of the Russian Federation on the administrative-territorial division], *Prolog*, no 3, pp. 51–55.
- Gusakov T.Yu. (2018) Postsovetskoe krymskoe selo: sotsialno-ekonomicheskaja transformacija [Post-Soviet Crimean village: A social-economic transformation], *Vestnik RUDN. Serija: GMU*, no 2, pp. 160–177.
- Gusev A. A., Gorkin A. P., Borodulin V. I. (2004) *Rossijskij entsiklopedichesky slovar* [Russian Encyclopedic Dictionary], Moscow: BRE.
- Kalugina Z. I. (2012) Inversija selskoj zanjatosti: praktika i politika [Rural employment inversion: Practice and policy], *Region: Ekonomika i Sotsiologija*, no 2, pp. 45–67.
- Karachurina L. B. (2012) Urbanizatsija po-rossijski [A Russian type of urbanization], *Otechestvennye Zapiski*, no 3, pp. 10–24.
- Krashennikov V. V. (2008) Iz istorii sela Brasovo i drugih selenij Brasovskogo rajona [From the history of the village of Brasovo and other villages of the Brasovsky district], *Oчерki po istorii Bryanskoy zemli*, Bryansk: BONUB, pp. 5–11.
- Lappo G. M. (1997) *Geografija gorodov* [Geography of Cities], Moscow: VLADOS.
- Mondal B., Samanta G. (2021) *Mobilities in India*, Cham: Springer.
- Nefedova T. G. (2013a) Bolshoj, maly, sredny gorod i selo v Rossii [Large, small, medium-sized city and village in Russia], *Geografija, gradostroitelstvo, arhitektura: sintez nauk i praktik*, город: изд-во, pp. 171–190.
- Nefedova T. G. (2013b) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii. Otvety geografa* [Ten Typical Questions about Rural Russia. A Geographer's Answers], Moscow: URSS.
- Nikiforov L., Kuznetsova T. (2007) Gorod i selo: osobennosti integratsii v sovetsky i postsovetsky periody [City and village: Features of integration in the Soviet and post-Soviet periods], *Zhurnal Issledovanij Sotsialnoj Politiki*, vol. 5, no 2, pp. 179–200.
- Osipov B. V., Krizhanovskaya G. N. (2011) *Brasovskaja zemlja: istorija i sovremennost* [Brasovo Land: History and the Present State], Bryansk.
- Park R. E., Burgess E. W. (Eds.) (1925) *The City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pokshishevsky V. V. (1973) O probleme "vtorogo goroda". Territorialnye sistemy proizvodstva i rasselenija [On the "second city". Territorial systems of production and settlement], *Uchenye Zapiski Permskogo Universiteta im. A. M. Gorkogo*, vol. 311.
- Ryvkina R. V. (1979) *Obraz zhizni selskogo naselenija: metodologija, metodika i rezultaty izuchenija sotsialno-ekonomicheskikh aspektov zhiznedejatelnosti* [Lifestyle of the Rural Population: Methodology and Results of the Study of Its Social-Economic Aspects], Novosibirsk: Nauka.
- Samanta G. (2014) The politics of classification and the complexity of governance in census towns, *Economic and Political Weekly*, vol. 49, no 22, pp. 55–62.
- Semenov-Tjan-Shansky V. P. (1910) *Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii. Oчерk po ekonomicheskoi geografii s 16 kartami i kartogrammami* [City and Village in European Russia. An Essay on Economic Geography with 16 Maps and Cartograms], Saint Petersburg: Tip. Kirshbauma.
- Sokolov Ya. D. (2000) *Sedaja Bryanskaja starina. Istoriko-kraevedcheskie oчерki o Bryanskom krae, drevnih gorodah, selah, rekah, ljudjah...* [Hoary Bryansk Antiquity. Local-Historical Essays on the Bryansk Region, Ancient Cities, Villages, Rivers, People...], Bryansk: "Debryansk".
- Sorokin P. A., Zimmerman C. C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*, New York: H. Holt and Company.
- Tjukkulajnen M., Andreev O., Pyankova Ya. (2008) Promyshlennaja restruktizatsija sela i dinamika sozdanija rabochih mest v selskokhozjajstvennyh rajonah Finlandii [Industrial restructuring of rural areas and the dynamics of job creation in agricultural areas of Finland], *Sever Promyshlenny*, no 10–11.
- Trevish A. I. (2006) *Geograficheskaja polimasshtabnost razvitija Rossii: gorod, rajon, strana i mir* [Geographical Multi-Scale Development of Russia: City, District, Country and World] (DSc Thesis), Moscow: IG RAN.

С. А. Самбурова,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

- Zamyatina N.Yu., Yashunsky A. D. (2018) Virtualnaja geografija virtualnogo naselenija [Virtual geography of virtual population], *Monitoring Obshchestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*, no 1, pp. 117–137.
- Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. (1972) Vlijanie protsessov urbanizatsii i industrializatsii na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie derevni [The impact of urbanization and industrialization on the social-economic development of the village], *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie sela i migratsija naselenija*, Eds. by T. I. Zaslavskaya, V. A. Kalmyk, Novosibirsk: IEOPP SO AN SSSR, pp. 245–263.

Foundations of the ‘agricultural miracle’ in communist Hungary

Review of the book: Varga Z. The Hungarian Agricultural Miracle? Sovietization and Americanization in a Communist Country. Transl. by F. T. Zsigó. Lexington Books, Lanham et al. 2021, xxix, 323 pp.

Stephan Merl

Stephan Merl, DSc (History), Professor, Bielefeld University, Universitätsstr., 25, 33615 Bielefeld, Germany. E-mail: stephan.merl@uni-bielefeld.de.

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-185-189

Among the socialist states, only Hungary showed some impressive success in increasing agricultural production. After Hungarian agricultural production cooperatives were released from the state patronage in 1967, they could freely develop their production and start non-agricultural activities (P. 187–195). In the early 1970s, they got access to the highly productive Western machines and technologies, which significantly increased production in animal husbandry, and yields per hectare of maize, wheat and sugar beet skyrocketed. The second reason for success was the integration of small-scale private production into agricultural production cooperatives (P. 240–264). The study by Zsuzanna Varga on the *Hungarian Agricultural Miracle* provides detailed information on the features of this model of agricultural development.

Varga rightly puts the question mark on the title — to stress the economic and moral limits of the ‘agricultural miracle’. In Hungary, large-scale ‘socialist’ agricultural production fell into a cost trap in the 1980s, just like in all other socialist-bloc countries, due to the extreme increase in the cost of industrial inputs and to the political limitations of market-based freedoms (P. 221–234). Since they were applied only to the agricultural sector, they exacerbated internal contradictions of the state command economy. Agricultural production cooperatives made large profits with non-agricultural goods and paid higher wages, which attracted skilled workers from the ‘socialist’ industry. The ‘industrial lobby’ and dogmatic forces opposed their outflow from industry to agriculture by making a fuss about ‘private enrichment’ and group interests, thus, getting broad support not only in the media, but also in the party leadership. Therefore, the actions of the successful agricultural-production cooperatives’ chairmen were

criminalized — Varga mentions show trials of a thousand of them in the 1970s (P. 232–241, 282f). When the real system transformation to the market economy began in 1989, Hungary had no starting advantages (P. 264), since “the accumulated experience of this specific hybrid, Sovietized and Americanized agriculture, had been devalued” (P. 283).

Varga strives to reconstruct this synthesis in the Hungarian socialist agriculture from 1949 to 1989 (P. vii). Methodologically, the book claims to present a historical-comparative approach (P. xif), which would certainly have required an approximately equivalent knowledge about the Soviet Union and the USA. However, the author’s knowledge is limited to Hungary, and, instead of asking how and whether the collective farm really functioned in the Soviet Union, Varga derives all her statements about the peculiarities of Hungary from the Collective Farm Statute of 1935, which is a no less distorted reality than the Stalin Constitution of 1936; in addition, Varga uncritically adopts Stalin’s statements about the peasants (P. 5–7).

The book is structured chronologically — from the first collectivization campaign in 1949 to the end of the People’s Democracy in 1989 — and is based on the Communist Party’s decisions (P. xxi), although the real turning points of agricultural policy were determined by the death of Joseph Stalin in March 1953 and the replacement of Nikita Khrushchev in October 1964. In the first chapter, the author aims at presenting the Hungarian case in a broader context (P. 1–36); however, the initial situation in the Soviet Union is considered on the basis of the long-outdated works (especially Nove, 1975). There are more recent works in the references, but their arguments are not given. Chapters 2 to 4 (P. 37–145) focus on the collectivization in Hungary, which consisted of three stages until 1961. Chapter 2 describes Stalin’s collectivization campaign. Chapter 3 explains how in June 1953, the new Party leadership in Moscow dictated the ‘New Course’ and the rehabilitation of Imre Nagy to the Hungarian delegation, which at first determined a completely different approach to collectivization (P. 70f) — before Khrushchev forced the further collectivization in 1955, thus, causing the Hungarian uprising in October 1956. Chapter 4 provides a review of new questions to collectivization and explains the forced by Moscow decision in 1958 to complete it (P. 107–135). Varga goes into detail about the controversial debate about the continuation of collectivization and mentions the ‘agricultural lobby’ around Lajos Fehér, who continued the course of Nagy in the *Politburo*. In July 1957, according to Varga, the ‘agrarian theses’ became the basis of the Hungarian agricultural policy after the resumption of collectivization, which was enforced by conservative forces in 1958 and had no convincing success. In search of a new agricultural policy, the agricultural lobby emphasized the importance of increasing agricultural production and in 1958 studied the experience of other countries (P. 114–122). Fehér proposed to follow such success-

ful practices as paying rent for land and taking in *kulaks*. The Soviet Union also introduced some innovations and gave collective farms more freedom (P. 121f).

Chapter 5 (P. 147–181) considers the stabilization of agricultural production cooperatives and the first successful transfer of the Western technology to the industrial poultry production in the state farm Bobolna (P. 162–167). Chapter 6 (P. 183–220) describes the successful transfer of the closed production systems. In the run-up to the introduction of the 'New Economic Mechanism' in 1968 (which was abandoned under the Soviet pressure), the fundamental agrarian reform succeeded. Agricultural production cooperatives became real cooperatives, in which members freely made their decisions by secret ballot (Cooperative Law of 1967, P. 187–195). When taking over the production systems, state farms became 'mediators of transfer' (P. 281f) as partners of Western companies. Agricultural production cooperatives could choose production systems to join. They succeeded in "integrating the highly developed industrial-style production models of capitalist agriculture". Chapter 7 (P. 221–276) shows the limits of this agricultural miracle: in addition to the moral condemnation of private 'greed for profit', the agricultural policy determined economic distress (P. 245–252).

In 1976, the Hungarian party leadership reacted to the cost trap by giving up its fixation to the 'socialist' large-scale agricultural enterprise and started to promote private small-scale production as well. This was the beginning of its successful integration in cooperatives. "While the large-scale farms showed good results in the highly mechanized branches of arable crop cultivation, household plots specialized in labor-intensive vegetables and fruits, poultry and pig farming" (P. 282). The private agricultural small-scale production of non-cooperative members also developed (P. 253). Under the economic crisis of the 1980s, the superiority of the 'socialist large-scale agricultural enterprise' was questioned. In order to reduce costs, large farms began to transfer certain branches of production to families or groups (P. 247–264). The crisis of the socialist large-scale agricultural enterprise in the 1980s put its superiority over small-scale production not only in Hungary in question. All socialist states again focused on the private small-scale production as inexpensive for the state due to the 'self-exploitation' of the family labor force (P. 253f).

Varga's ignorance of the real situation in the Soviet Union and other socialist-bloc countries leads to some serious misjudgments. Thus, the *kolkhoz* form of production described by the Statute of 1935 never existed in the Soviet Union and, therefore, could not be 'transferred'. The daily-work distribution together with the 'residual principle' meant that the collective-farm members under Stalin were usually not paid for their forced labor at their place of origin. In the mid-1950s, this problem was studied by the young agrarian sociologist Tatyana Zaslavskaya in her dissertation. She found out that the

work of the collective farm members was deprived of the value of the final product: the price paid by the state was lower than production costs due to ignoring the members' labor input. Varga describes this problem with the term 'inner colony'. Thereby, under Stalin, collective farms could not be consolidated, and every year the state had to use coercive measures to keep members in them. Although the fictitious collective farm statute of 1935 was presented as a model for the 'Sovietization' of the agricultural economy in Central-Eastern Europe, mentions of the real Soviet practices were tabooed. After Stalin's death, the collective farm was to be redesigned in all socialist-bloc countries to find a form of remuneration that would provide its members with work incentives.

Varga does not pay attention to the special features of the collective farm. Despite the ideological demands, the charter prescribed the retention of a private plot. Such a combination of the large agricultural enterprise, which the state could (but did not have to) exploit at will, with the private, small, peasant production, which ensured a minimum food supply for the family, determined the growing importance and flexibility of this form of production. Only private plots allowed Stalin to ruthlessly dispose of the collective farm's production. The decisive change in the collective-farm statute was made already in March 1930 in response to the spreading women peasant uprisings (*bab'i bunty*) against the 'expropriation of the cow'. Stalin considered this a threat to his power and made a decisive concession in the *Pravda*: the Charter, published together with his article on March 2, allowed the collective-farm members to keep a small plot and a cow in private ownership.

Contrary to what Varga claims (P. 278), the lack of the peasant private-property tradition did not facilitate collectivization in the Soviet Union since the peasants managed their land independently. The legal 'property title' seemed irrelevant to them as they believed that land belonged to those who cultivated it. The peasant resistance to collectivization was fierce as a fight for survival. The peasant women's uprisings against 'expropriation of the cow' had a lasting impact on the collective farm's form of production. Stalin ordered to include the private plot in the agricultural production cooperatives' statutes in Central Eastern Europe. The fact that collectivization was taking longer in most countries of Central and Eastern Europe was determined by the temporary questioning of the collectivization course after Stalin's death and by the start of the 'New Course'. At that time, collective farms, just like later the People's communes in China, could be dissolved with the stroke of a pen.

I do not agree with Varga's idea that Sovietization and Americanization were processes on the same level. Only with regard to the operational structure of collective farms (not the charter), one can speak of a transfer. The adoption of this farm structure under Sovietization had a profound impact on the peasants' life. Under Americanization,

only the highly efficient technology was adopted, but the operational structure was hardly influenced. Using Hungary as an example, Varga shows primarily how flexible the basic structure of the collective farm and agricultural production cooperative was in practice. However, the focus on the dogmatic concept 'collective farm statute of 1935' blocks her understanding of the real transfer and of the many common measures which the communist-bloc states and the Soviet Union took to overcome the shortcomings of Stalin's collective farms.

Varga's work is important as a description of the Hungarian case based on solid knowledge and disabusing the reader of the notion of the 'Hungarian agricultural miracle'. The author's approach to the study of the influence of groups on policy making helps to clarify the situation with management bodies' different positions and fluctuating assertiveness. Although in the 'agricultural lobby' the key persons were named, the author's term 'industrial lobby' remains rather vague and dogmatic. There were 'agricultural lobbies' in other countries too, for instance, in the Soviet Union and in the GDR. In Hungary, such a lobby was only temporarily stronger, and agricultural production cooperatives were freed from the state patronage. Thus, Varga's work proves that an interdisciplinary study of 'socialization of agriculture' in East-Central Europe remains an urgent desideratum.

Nove A. (1975). *An Economic History of the U. S.S.R.*, London: Penguin Books

Основания «сельскохозяйственного чуда» в коммунистической Венгрии

Рецензия на книгу: Варга З. Венгерское сельскохозяйственное чудо? Советизация и американизация в одной коммунистической стране / Пер. Ф. Т. Жтиго.

Изд-во «Лексингтон Букс», 2021, ххix, 323 с.

Штефан Мерль, доктор исторических наук, профессор Билефельдского университета, Университетштрассе, 25, 33615, Билефельд (Германия).
 E-mail: smerl@uni-bielefeld.de

Человек в поисках экосообществ¹

Рецензия на книгу: Польский И. (2022). Человек, который обогнал время. М.: Ассоциация развития естественного пчеловодства. — 380 с. ISBN 978-5-6047923-0-8

А. М. Никулин, Е. С. Никулина

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; проректор по научной работе МВШСЭН. 119571 Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-190-195

Эта книга описывает и анализирует жизнь, деятельность, свершения, мечты замечательного российского экологического активиста Федора Лазутина (1966–2015). Автор этой книги Игорь Польский — его друг и единомышленник — создал уникальное произведение, сочетающее в себе добротность документального романа с глубоко личностной «поэмой» о настоящем человеке и товарище.

Но эта книга отнюдь не идеалистический панегирик, посвященный легендарному российскому экоактивисту. Автор книги, восхищаясь организационными талантами Ф. Лазутина, его умениями учиться разным видам экоориентированных знаний и ремесел, его многообразными стремлениями спроектировать новые, лучшие экомыры человечества, вместе с тем достаточно критично, объективно, подробно рассматривает не только достижения, но и ошибки, не только победы, но и поражения своего героя.

Фактически книга состоит из двух частей. Первая часть представляет собой последовательную хронику жизни Ф. Лазутина, изложенную в 14 главах с прологом и эпилогом. Вторая часть — приложения к книге — включает в себя фрагменты воспоминаний о Ф. Лазутине, а главное — его интереснейшие избранные

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

тексты. Наконец, книга снабжена замечательными фотографиями, отражающими историю жизни ее героя на фоне дорогих и близких ему людей, связанных с созданием экопоселений и экосообществ.

Прежде чем обратиться к обозрению жизнедеятельности экоактивиста, попробуем процитировать, на наш взгляд, самые интересные его идеи, обнаруживаемые в разделе «Приложения». Федор Лазутин, занимавшийся и пчеловодством, так, например, описывал парадоксы истории и современности российского пчеловодства: «Специальная литература сообщает, что в конце XVII века общее количество пчелиных семей в крестьянских хозяйствах на Руси доходило до 50 миллионов. При сравнении с нынешними 3,5 миллионами эта цифра представляется весьма внушительной, особенно если учесть рост населения. Так что мед наши предки ели, как говорится, от пуза, да еще на экспорт хватало. И любовь к меду и прочим пчелиным продуктам была так высока, что людей не останавливало отсутствие производств, «на потоке» изготавливающих ульи, и какой-либо, даже не столь многочисленной, как сейчас, научной литературы по «пчелоовладению».

Ну, с предками понятно. А мы? С нами что случилось? Может, мед разлюбили, или сахар стал ближе и милей нашему сердцу и желудку, чем природный нектар? Отнюдь...» (с. 299). И далее автор так же эмоционально и убедительно рассуждает о знаниях народа и специалистов в разведении пчел, о значении локальности и региональности в российском и мировом пчеловодстве. В заключение он предлагает целый ряд разумных мер по развитию отечественного пчеловодства.

А вот другое его размышление из статьи «Как сохранить и возродить наш лес»: «Природа дает своей щедрой рукой, и дает немало, а человеку остается только брать и пользоваться. Но мы почему-то не только берем, но и вцепляемся зубами в руку, нам дающую... Почему?

Вероятно, потому, что такая цель, как достижение длительного равновесного существования на планете Земля, человечеством просто не ставится. Почитайте журналы и газеты, посмотрите телевизор. Бесконечные разговоры о росте ВВП, развитии промышленности и энергетики, борьбе с терроризмом... Все что угодно, только не сбережение природы для своих же потомков. Недели и месяцы подряд может муссироваться какой-нибудь дешевый политический скандал, а о том, что каждый день общая площадь лесов сокращается на десятки тысяч гектаров, не будет сказано ни слова. Случайность ли это? Не думаю...» (с. 308). И снова в конце уже этого текста автор формулирует правила грамотного, ответственного лесопользования, буквально выстраданные из трудного опыта его родного экопоселения.

Задаваясь вопросами, отчего люди столь беспечны и эгоистичны по отношению к себе и природе, Лазутин полагал, что

главная причина заключается в разрушении традиционных локальных сообществ, умевших жить в содружестве с природой, поэтому в современных условиях необходимо не просто воссоздать, но в значительной степени переизобрести *Gemeinschaft* нового экологически ориентированного мира. В одном из своих последних произведений — в главе «Биоцентрическое поселение» он так провидел будущее: «Люди с новым сознанием с течением времени составят новое сообщество, основой которого станут новые поселения. Очевидно, что это будут небольшие экологические поселения с огромной долей внутренней кооперации и общинности, расположенные в сельской местности и самостоятельно закрывающие большую часть своих базовых потребностей. Поселения между собой будут тесно связаны, дополняя друг друга в решении материальных вопросов и взаимно обогащаясь в культурном и духовном плане. Люди не будут привязаны к одному из поселений, но смогут свободно перемещаться между ними, следуя своим потребностям профессионального и духовного развития.

Уже сейчас можно точно сказать, что будущее лежит именно за подобными поселениями...» (с. 341).

Но это, так сказать, некоторые профетически эмоциональные цитаты из лазутинских произведений, а каковы же были его дела?

Федор Лазутин родился и вырос на Кольском полуострове в городе Апатиты в интеллигентной семье советских ученых. После окончания школы он пошел по стопам своего отца-физика, поступив в Физтех (Московский физико-технический институт). В студенческие годы, совпавшие с перестройкой, Федор, занимаясь альпинизмом, отслужив в армии, и не где-нибудь, а в Монголии, увлекся чтением произведений таких авторов, как Олдос Хаксли и Карлос Кастаньеда, Генри Торо и Лев Толстой, много размышлял об альтернативных мирах и способах человеческого существования.

В трудные девяностые Федор, женившись, оставил занятия наукой физикой, освоил профессию столяра и краснодеревщика, принял активное участие в восстановлении храма Казанской Божией Матери в деревне Пучково в предместье подмосковного Троицка. Здесь-то у Федора впервые проявилась и далее все замечательнее стала развиваться, как отмечает его биограф, способность некую абстрактную идею быстро переводить в практическое русло. На рубеже 1990–2000-х годов, увлекшись идеями экопоселений, описываемых в книгах Владимира Мегре и других идеологов экоактивизма, Лазутин становится одним из лидеров-организаторов создания экопоселения Ковчег в Малоярославецком районе Калужской области. Пожалуй, история проекта Ковчега, реального его воплощения в жизнь, и является главной и самой впечатляющей сагой этой книги. Среди нескольких сот экопоселений Российской Федерации Ковчег до сих пор остается

одним из самых успешных, устойчивых примеров². А имя Федора Лазутина вписано в эту историю золотыми буквами. Именно при активном лазутинском участии были разработаны и воплощены в жизнь основания весьма удачного и разумного плана земле- владения и землепользования этого экопоселения, осуществлен- ного многолетним трудом, в том числе связанным с хождением по различным бюрократическим муниципальным и государствен- ным учреждениям, изначально всерьез никак не воспринимав- шим стремление каких-то анастасийски ориентированных айти- шников и музыкантов основать невиданное и неслыханное доселе сообщество. И тем не менее во многом, и прежде всего благода- ря Федору Лазутину, экопоселенцам Ковчега удалось узаконить свой статус.

Но не менее, а возможно даже, еще более сложные проблемы поджидали Лазутина и его единомышленников при организации и развитии своего собственного сообщества. Этим молодым семьям, преимущественно горожан, предстояло высадить свой «десант» на заброшенном бывшем колхозном поле, распланировать и по- строить улицы их родовых поместий с увязкой внутренних обще- ственных пространств, местных производств, развитием собствен- ных правил самоорганизации и самоуправления. Это была великая и трудная задача: иногда припоминать, а в основном заново изоб- ретать правила общежития локального экологически ориентиро- ванного сообщества. Здесь предстояло совершить достаточно мно- го ошибок, пережить несколько серьезных кризисов. Чего стоили только порой неудачные истории возводимых по экологическим ка- нонам домов, в которых роковым образом сказывались дилетант- ские просчеты их строителей, приводивших к разрушениям и даже пожарам в этих эконовопостройках.

И в эпицентре решения большинства этих проблем находился настоящий лидер Ковчега Федор Лазутин. Наконец, развивающе- муся экопоселению предстояло установить соседские отношения с близлежащими деревнями, вникнуть в неформальную сеть поруб- бок лесов вокруг Ковчега, а затем воспрепятствовать им, предло- жив и отстояв свои варианты экологически ориентированного ле- сопользования. В этом установлении добрососедских отношений с сельчанами и лесозаготовителями также решающей была роль вождя Ковчега, ставшего на долгие годы одним из замечатель- ных образцов успешной созидательной экономической, экологиче- ской, культурной деятельности российского движения экопоселе- ний и родовых поместий.

2. *Нехлебова Н.* (2020). *Весь Ковчег — театр. Деревня со своим репертуа- ром // Огонёк. № 39. С. 10.*

Федор Лазутин характеризуется автором книги отнюдь не как просто «крепкий хозяйственник», чей, как правило, авторитарный образ, реальный или вымышленный, так хорошо знаком нам по историям повседневной экономической культуры России. Лазутин искренне стремился поддержать и развить принципы демократического самоуправления в экопоселении, сочетая в нем кооперативизм и коллективизм отдельных родовых поместий. Не всегда этого удавалось достичь в Ковчеге, много было споров о степени коллективизма одних и эгоизма других экопоселенцев. В конце концов, именно из-за очередного скандального кризиса вокруг отношения частного городского и общесельского начал в Ковчеге Федор Лазутин добровольно сложил с себя полномочия руководителя экопоселения и обратился к новым экологически ориентированным проектам, связанным с лесом, пчелами, интернациональными идеями миролюбивых экопоселений в различных регионах Европы и мира.

Его последний замысел биоцентрического поселения, воплощавшийся в проекте «Центра естественного пчеловодства и земледелия Медвинка» Калужской области, ставил своей целью «развитие образовательного и научного потенциала Российской Федерации, развитие и популяризацию методов естественного пчеловодства и земледелия, восстановление среднерусской породы пчелы, разработку и совершенствование экологических (природосберегающих технологий) в различных сферах жизни и деятельности» (с. 208). Это был чрезвычайно искусно составленный план на основе уже большого личного организационно-экономического опыта Федора, а также собранных им разнообразных сведений из других стран и экопоселений. К реализации этого замысла он стремился приступить со всем ему присущим энтузиазмом и энергией. Но смертельная болезнь Лазутина оборвала его так многообещающе начинавшийся проект. Здесь, пожалуй, что-то надо сказать о теме личностного рока, который определенным образом, кажется, преследовал героя этой книги в историях гибели его товарища-альпиниста, автомобильной катастрофы, распада первой семьи, фатальных пожарах домов, возведенных Лазутиным. Но всякий раз Федор находил в себе силы и мужество преодолеть очередные удары судьбы.

Эта книга, написанная не только для энтузиастов и активистов экодвижений, но и для всех, кто занимается изобретением, проектированием и внедрением в жизнь форм и правил гуманистических экологически ориентированных сельско-городских сообществ, будет чрезвычайно полезной как с точки зрения изучения повседневных проблем организации родовых поместий и экопоселений, так и с точки зрения памяти заветов первопроходцев новых природных и социальных пространств с их достойно знаменитым лозунгом: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!»

Man in search of eco-community

195

Book review: Polsky I. (2022) The Man Who Was Ahead of Time, Moscow: Association for the Development of Natural Beekeeping, 380 p. ISBN 978-5-6047923-0-8

*А. М. Никулин,
Е. С. Никулина*
Человек в поисках
экосообществ

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vice-Rector for Research, Moscow School of Social and Economic Sciences. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571, Russia. E-mail: nikulina@ranepa.ru

Продовольствие и безопасность¹

IV международная российско-бразильская научная конференция «Продуктовая безопасность в Бразилии и России: ключевые решения и проблемы»

И. К. Полещук

Илья Константинович Полещук, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-196-199

В рамках мероприятий по тематике «Человеческий капитал в сельском развитии России и мира» 25 сентября 2023 года состоялась IV международная российско-бразильская научно-практическая конференция, организованная совместно Центром перспективных социальных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Федеральным университетом Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) «Продуктовая безопасность в Бразилии и России: ключевые решения и проблемы». Модератором выступил представитель бразильской стороны — профессор Федерального университета Риу-Гранди-ду-Сул Серджио Шнайдер.

Главный сюжет обсуждения на конференции был посвящен концептуальным и практическим вопросам обеспечения продовольственной безопасности на уровне государств в контексте междисциплинарного анализа экономических, социальных, политических, географических и исторических аспектов развития сельских территорий (т. е. в рамках изучения проблематики сельского человеческого капитала) России и Бразилии. Акцент был сделан на количественно-качественной оценке человеческого капитала сельских территорий в рамках государственной политики обеспечения продовольственной безопасности. Свои доклады представили российские и бразильские исследователи, основными дискуссантами конференции выступили *Пауло Нидерле*, профессор Университета Риу-Гранди-ду-Сул, и *Александр Куракин*, кандидат социологи-

1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ческих наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ.

С приветственным словом к участникам обратились профессор *Серджио Шнайдер* и доктор социологических наук научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований *Ирина Троцук*. В нем особое место было уделено научному разнообразию в подходах к пониманию человеческого капитала и обеспечению продовольственной безопасности России и Бразилии.

Открыл рабочую часть конференции *Фабiano Эшер*, профессор Федерального аграрного университета Рио-де-Жанейро, с докладом «Факторы развития современных мировых продовольственных режимов». В нем он представил описание разработанной им концепции современных продовольственных режимов, возникших после кризиса 2008 года и корректируемых мировыми событиями, такими как торговые и вооруженные конфликты, пандемия и кризисы. Он выделил основные блоки мирового влияния на сельскохозяйственный рынок и проанализировал динамику развития бразильских сельских территорий. Важным вопросом, затронутым в выступлении, стала гипотеза о том, какой продовольственный режим может сформироваться в России и Бразилии в ближайшее время, для понимания этого важным фактором должно стать системное осмысление происходящего на территории России и Бразилии с конца XIX века.

Российскую секцию конференции открыла *Ирина Троцук* докладом «Российская продовольственная безопасность: социологические оценки повседневных продовольственных практик». Она представила данные исследований домохозяйств с точки зрения ежедневных пищевых и продовольственных практик, а также продемонстрировала результаты анализа динамики спада в удовлетворении базовых потребностей россиян в продуктах. При высоких статистических показателях выполнения доктрины продуктовой безопасности по половине показателей, узконаправленные исследования показывают, что доступность продуктов для рядового человека падает с каждым годом, что задает негативный тренд в изменении пищевых привычек. При перевыполнении плана по зерну, сахару, растительному маслу, мясу и морепродуктам, запланированные показатели по овощам, фруктам, ягодам, соли и, главное, по семенам основных сельскохозяйственных растений не достигнуты. Но что особенно важно: даже в сегментах отрасли, где план перевыполняется, не наблюдается положительной динамики с точки зрения доступности продовольствия для населения из-за роста цен из года в год.

В рамках бразильской научной сессии с докладом «Сельскохозяйственная торговля между Россией и Бразилией» выступил специальный гость *Рафаэль Рекьяо*, помощник посла Бразилии в Москве, сотрудник Министерства сельского хозяйства и животноводства Бразилии. В его презентации содержалась подробная

статистическая информация об экономических и торговых отношениях между Россией и Бразилией в сельскохозяйственной сфере. На сегодняшний день главными импортными позициями России являются соя, говядина и зеленый кофе. Отмечается динамика роста экспорта из Бразилии в Россию по всем пунктам примерно от 1,5 до 2 раз. В то же время основные продукты экспорта в Бразилию из России — это удобрения, нефтепродукты и пшеница. Далее были представлены результаты анализа политики стран по экспорту и импорту основных сельскохозяйственных культур, а также непищевой сельскохозяйственной продукции, отмечено влияние пошлин на торговую активность.

Российская секция конференции продолжилась выступлением *Александра Никулина*, кандидата экономических наук, научного сотрудника Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук, «Фактор социальной инфраструктуры в сельском развитии России», которое было посвящено социальной инфраструктуре в сельских регионах России. Результаты исследования дают представление об основных показателях быта в деревне и селе сегодня, а также о факторах и тенденциях развития либо деградации сельских территорий. Были озвучены основные показатели по заселенности, состоянию жилого фонда, газификации, обеспечению горячим водоснабжением, доступом в Интернет и др. Отдельное внимание было уделено состоянию сельских школ, больниц и спортивных и культурных центров. В конце доклада Александр Никулин задался вопросом, только ли государство может и должно заниматься развитием сельской инфраструктуры? Ведь есть и примеры успешных проектов крупных агробизнесов в сельской местности.

Завершилась конференция выступлением *Фабиано Мельничука*, профессора Университета Риу-Гранди-ду-Сул, «Внешнеполитические аспекты продовольственной безопасности в России и Бразилии», в котором были представлены результаты анализа внешней политики России и Бразилии по обеспечению продовольственной безопасности. Первая задача этого исследования состояла в поиске различий между нашими странами, которые были заложены в 1990-х, а именно о выборе разных путей, по которым пошли наши лидеры. Второй важный аспект политики — частичное делегирование решений проблем на уровень БРИКС: объединение усилий по борьбе за безопасность и кооперация между странами Глобального Юга. Третий аспект — фиксация непредсказуемости развития ситуации в сфере сельскохозяйственного экспорта из России в последние годы в общемировом масштабе и его влияние на Россию, Бразилию и другие вовлеченные страны.

В рамках конференции шло бурное заинтересованное обсуждение докладов. Коллеги из разных стран, несмотря на различия в объектах изучения, стремились найти общие позиции и расширить свои знания в еще не изученных областях. Почти каждое

выступление сопровождалось вопросами и развернутыми комментариями, которые заслуживают отдельного внимания, так как существенно дополняют общую картину международных исследований в области продовольственной безопасности и человеческого капитала. На очередной встрече команд из Бразилии и России укрепились дружеские и деловые отношения, заложенные несколько лет назад. Несмотря на географические, политические, социальные особенности своих стран, ученые из Бразилии и России всегда находят общие темы и проблемы, как связанные с продовольственной безопасностью, формированием и поддержкой человеческого капитала, так и в других вопросах изучения сельской местности. По итогам конференции было решено продолжать сотрудничество в рамках проекта центра перспективных социальных исследований Института общественных наук.

Food and security

IV International Russian-Brazilian Scientific Conference “Food Security in Brazil and Russia: Key drivers and challenges”

Ilya K. Poleshchuk, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571, Russia. E-mail: poleshchuk-ik@ranepa.ru

Крестьяноведение

2023. Том 8. №3

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 30.09.2023. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ 1653
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru